

Journal of Institutional Studies

ЖУРНАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 6

НОМЕР 1

2014

Журнал издается при поддержке
Международной ассоциации институциональных исследований

Journal of Institutional Studies

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций 20 мая 2009 г. Свидетельство о регистрации средств
массовой информации ПИ № ФС77-36310

Журнал издается с 2009 г., выходит 4 раза в год.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» **82295**.

Учредитель:

ООО «Гуманитарные перспективы»

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Нуреев Р. М. (*Финансовый университет при Правительстве РФ; НИУ ВШЭ*)

Заместители: Дементьев В. В. (ДонНТУ), Вольчик В. В. (ЮФУ)

Члены редакционной коллегии:

Аузан А. А. (*МГУ*), **Белокрылова О. С.** (*ЮФУ*),

Кирдина С. Г. (*ИЭ РАН*), **Клейнер Г. Б.** (*ЦЭМИ РАН, ГУУ*),

Латов Ю. В. (*Академия управления МВД РФ*), **Левин С. Н.** (*КемГУ*),

Литвинцева Г. П. (*НГТУ*), **Малкина М. Ю.** (*Нижегородский ГУ*),

Лемещенко П. С. (*БГУ*)

Мау В. А. (*Академия народного хозяйства при Правительстве РФ*),

Полищук Л. И. (*НИУ ВШЭ*), **Сидорина Т. Ю.** (*НИУ ВШЭ*),

Розмаинский И. В. (*СПб. филиал НИУ ВШЭ*),

Шаститко А. Е. (*МГУ*).

Ассистент редактора Оганесян А. А.

Международный редакционный совет:

Андрефф В. (*University of Paris 1, France*),

Гриценко А. А. (*Институт экономики и прогнозирования НАН, Украина*),

Кохен С. (*Erasmus School of Economics, Holland*),

Леонард К. (*University of Oxford, UK*),

Маевский В. И. (*ИЭ РАН*), **Мизобата С.** (*Kyoto University, Japan*),

Цвайнерт Й. (*Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany*).

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.

Наш сайт: www.hjournal.ru

Тел. +7 (863) 269-88-13

e-mail: hp@donpac.ru

Journal of Institutional Studies

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Date of registration: 20th May, 2009.
Registration certificate PI № FS 77-36310.

Founded: 2009. Quarterly Journal.

Subscription Index in «Russian Press» catalogue: **82295**.

Founder:

Ltd. «Humanities Perspectives»

Editor in Chief

Nureev R. M. (*Financial University under the Government of the Russian Federation, HSE*)

Deputy Editors: Dementyev V. V. (Donetsk National Technical University),

Volchik V. V. (Southern Federal University)

Editorial Staff:

Auzan A. A. (*Moscow State University*), **Belokrylova O. S.** (*Southern Federal University*),

Kirdina S. G. (*IE of Russian Academy of Sciences*),

Kleiner G. B. (*Central Economic Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences*),

Latov Yu. V. (*Academy of Management of the Interior Ministry of Russia*),

Levine S. N. (*Kemerovo State University*), **Litvintseva G. P.** (*Novosibirsk State Technical University*),

Malkina M. Yu. (*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University*),

Lemeschenko P. S. (*Belarusian State University*),

Mau V. A. (*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*),

Polischuk L. I. (*HSE*), **Sidorina T. Yu.** (*HSE*), **Rozmainsky I. V.** (*HSE in Saint Petersburg*),

Shastitko A. E. (*Moscow State University*).

International Editorial Board:

Andreff V. (*University of Paris 1, France*),

Gritsenko A. A. (*Institute for Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine*),

Cohen S. (*Erasmus School of Economics, Holland*), **Leonard C.** (*University of Oxford, UK*),

Majewski V. I. (*IE of Russian Academy of Sciences*), **Mizobata S.** (*Kyoto University, Japan*),

Tsvaynert J. (*Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany*).

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at <http://hjournal.ru>. Papers which do not follow the rules are rejected by the Editorial Staff. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Post-graduates' papers to be published are free of charge.

Editorial office:

Pushkinskaya St., 43, office 10,

Rostov-on-Don, Russia, 344082.

<http://hjournal.ru>

Phone: +7 (863) 269-88-13

e-mail: hp@donpac.ru

СЛОВО РЕДАКТОРА

- Латов Ю. В.** Почти-300-летие российской экономической почти-науки
(обзор конференции в Финансовом университете) 6

ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Нуреев Р. М.** «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова как российский образец «государевой литературы» 13
- Будкевич Г. В.** Иван Посошков – первый российский экономист 30
- Дятел Е. П., Гатина Э. Р.** Камералистские и "полицейские" идеи И. Т. Посошкова о благоустройстве "земли русской" 36
- Гловели Г. Д.** Посошков как зеркало российской самобытности при вхождении России в капиталистическую мир-систему 43
- Рогачевская М. А. М. В.** Ломоносов – продолжатель идей И. Т. Посошкова о проблемах экономического развития России 49
- Леванов А. Д.** Литературно-публицистические детерминанты развития экономической мысли в России 60
- Левин С. Н.** Государство как субъект модернизации в России: идеи И. Т. Посошкова и современность 66
- Калмычкова Е. Н.** «Единочаятели» Посошкова (сочетание теоретической и прикладной экономической науки в исследованиях российских ученых XVIII - начала XIX веков) 74

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Сухарев О. С.** Институциональная теория технологических изменений: определения, классификация, модели 84
- Ксензова В. Э., Ксензов С. В.** Влияние духовного императива на формирование системы институтов-коридоров х-экономики 107

EDITORIAL

- Latov Y. V.** Almost 300 Years of Russian Economic Almost-Science
(Review of Conference in Financial University) 6

ORIGINS OF THE RUSSIAN ECONOMIC SCIENCE

- Nureev R. M.** "Book on Poverty and Wealth" by I. T. Pososhkov as the Russian
Model of "Sovereign Literature" 13
- Budkevich G. V.** Ivan Pososhkov – the First Russian Economist 30
- Dytel E. P., Gatina E. R.** Cameralistic and “Police” Ideas of I. Pososhkov
about “Russian Land” Accomplishment 36
- Gloveli G. G.** Pososhkov as the Mirror of the Russian Originality during the
Russian Inclusion into Framework of Capitalist World-System 43
- Rogachevskaya M. A. M. V.** Lomonosov as the Follower of I. T. Pososhkov’s
Ideas on Economic Development Problems in Russia 49
- Levanov A. D.** Literary-Publicistic Determinants of the Economic Thought
Development in Russia 60
- Levin S. N.** State as a Subject of Modernization in Russia: Ideas of I. T. Pososhkov
and Modernity 66
- Kalmychkova E. N.** "Edinochayateli" by Pososhkov (Combination of Theoretical
and Applied Economic Sciences in the Research of Russian Scientists
of the XVIII - Early XIX Centuries) 74

INSTITUTIONAL ECONOMIC THEORY

- Sukharev O. S.** Institutional Theory of Technological Change: Definition,
Classification, Models 84
- Ksenzova V. E., Ksenzov S. V.** The Influence of the Spiritual Imperative
on the Formation of the System of X-Economy Channel Institutes 107

**ПОЧТИ-300-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЧТИ-НАУКИ
(ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ В ФИНАНСОВОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ)¹**

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра
Академии управления МВД России,
e-mail: latov@mail.ru*

**ALMOST 300 YEARS OF RUSSIAN ECONOMIC
ALMOST-SCIENCE
(REVIEW OF CONFERENCE IN FINANCIAL UNIVERSITY)**

LATOV YURI, V.,

*Doctor of Social Sciences, Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor,
Leading Researcher of Research Center,
The Academy of Management of the Interior Ministry of Russia,
e-mail: latov@mail.ru*

Крестьянина-предпринимателя Ивана Тихоновича Посошкова (1652-1726) часто называют первым российским экономистом. Для этого есть серьезные основания: его трактат «Книга о скудости и богатстве» можно считать первым произведением российской общественной мысли, специально посвященным более или менее комплексному анализу социально-экономических проблем: торговле, сбору налогов, крепостничеству, регулированию денежного обращения и т.д. Поэтому 24 февраля 1724 г. (именно этой датой И. Т. Посошков подписал свою книгу) российские экономисты имеют право считать датой рождения отечественной экономической науки и отмечать в феврале 2014 г. 290-летие рождения отечественной экономической науки.

Именно это они и сделали – на научной конференции «На заре российской экономической мысли (к 290-летию «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова)», прошедшей в Финансовом университете при Правительстве РФ 26-27 февраля 2014 г.² Хотя юбилей был не очень круглым, конференция собрала около 50 участников не только из Москвы, но и из других городов России (Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Кемерово и др.).

Анализ «Книги о скудости и богатстве» и судьбы ее автора выводит на обсуждение общих проблем институционального развития российской экономики, поскольку отражает противоречия и проблемы не только петровских реформ, но и всей почти 400-летней очень непростой истории модернизации российского общества.

Действительно, становление экономической науки – одно из институциональных условий модернизации докапиталистических обществ. Именно экономическая наука дает индустриальному обществу новую идеологию и новые подходы к решению практических проблем выработки «правил игры».

¹ При написании данного обзора использовались отчеты руководителей секций конференции.

² Данная конференция является уже II-ой международной научно-практической конференцией цикла «Великие экономисты и великие реформы». I-ая конференция этого цикла «Кризисы, реформы, революции» проводилась в октябре 2013 г. и была посвящена 80-летию реформ Ф.Д. Рузвельта в США.

А когда и как родилась экономическая наука в России? Ответ на этот вопрос, мягко говоря, непросто, поскольку это рождение сильно «размыто» во времени.

Как известно, уже во времена молодого Александра Пушкина в России появились собственные свежестуденческие «экономы», которые могли учёно рассуждать, «как государство богатеет». Правда, не надо путать экономику как учебную дисциплину и экономику как полноценную науку. Обучение «экономии политической» началось в России с 1801 г. с чтения Христианом Шлёцером курса политической экономии в Московском университете. Однако профессиональные ученые-экономисты, работающие на уровне современной им мировой науки, появились в нашей стране не раньше чем еще через полвека, во времена И. К. Бабста, А. И. Чупрова и Н. Ф. Даниельсона. Еще чуть позже, во времена М. И. Туган-Барановского, российская экономическая наука стала (правда, ненадолго) уже вполне полноценным элементом международного «ансамбля» экономистов-новаторов.

Итак, последняя треть XIX века – это завершение становления российской экономической науки. А где же ее начало?

В «конкурсе» на звание «первого российского экономиста» у Ивана Посошкова немало конкурентов.

В принципе, начало обсуждения «политэкономических» проблем России можно отсчитывать с дискуссий иосифлян и нестяжателей о церковном землевладении в первой половине XVI века. Увы, хотя тема той дискуссии была вполне экономической, участники «прений» использовали в основном конфессиональные аргументы, к тому же информация о той дискуссии слишком лаконична. Поэтому канонизированных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского лучше считать своего рода «святыми покровителями» российской экономической науки, но не ее родоначальниками.

В качестве ближайшего предшественника Ивана Посошкова можно назвать Ивана Пересветова, публициста времен Ивана Грозного. Судьбы этих двух мыслителей напоминают две вариации на одну тему с разрывом почти в 200 лет. Оба писали челобитные-трактаты для царя-батюшки в надежде, что он последует их добрым советам и сделает самодержавную власть еще самодержавнее. Оба стремились реформировать всё на свете – не только экономику страны, но и ее судебную систему и даже военные приёмы. Оба с интересом смотрели на опыт Турции: как Пересветов жаждал ввести в Россию «правду турецкую», так и Посошков возлагал надежды на перевод «турецкого судейника». Оба, видимо, в результате своих попыток «учить» царей плохо кончили. Книги обоих мыслителей оказались похоронены в государственных архивах и «выплыли» почти одновременно лишь в начале XIX века. У Ивана Посошкова, однако, в «соревновании» с Иваном Пересветовым за звание «первого российского экономиста» есть, как минимум, одно явное преимущество: он написал гораздо больше. Поэтому в его энциклопедической «Книге о скудости и богатстве» можно найти и гораздо больше экономических сюжетов, чем в Большой челобитной Пересветова.

У Посошкова есть еще один предшественник-«конкурент» – живший на полвека раньше Юрий Крижанич, автор тоже вполне энциклопедической «Политики» (1660-е гг.), где затрагивается примерно тот же круг вопросов, что и в «Книге о скудости и богатстве». Если Посошков западно-европейскую культуру отвергал с порога (по принципу «не читал, но осуждаю»), то Крижанич был вполне европейски-образованным интеллектуалом. Увы, хотя Крижанича постоянно «приписывают» к российской экономической мысли, все понимают, что он там находится «на птичьих правах». Иностранец-хорват, да еще и «агент Ватикана» вряд ли может рассматриваться не только как основоположник, но даже как полноправный участник экономической мысли «Святой Руси». По крайней мере, в наши дни.

Конкуренцию Посошкову могли бы составить многочисленные русские дворянские публицисты XVIII в., от Василия Татищева до членов Вольного экономического общества. Но в историю российской экономической науки этих

мыслителей пропускают неохотно за слишком прикладной характер их работ.

Таким образом, в «соревновании» за звание «первого российского экономиста» Посошков определенно побеждает, хотя и не за «явным преимуществом», а скорее «по очкам». Все понимают, что в сравнении с современными ему западно-европейскими экономистами (типа, скажем, Вильяма Петти) Иван Посошков смотрится не очень выигрышно – хотя бы в силу более низкого культурного багажа. Это отчетливо проявляется не только в содержании, но и в стилистике «Книги о скудости и богатстве», которая вряд ли может похвастаться строгой научной логикой. В трудах «первого российского экономиста» новорожденная российская экономическая наука выглядит как-то слишком «посконно и домотканно» – как еще не-совсем-наука, как почти-наука. В такой ситуации многое списывается на «самобытность» первого российского экономиста, в результате нужда приобретает гордые черты добродетели.

Бросающаяся в глаза «самобытность» Посошкова ставит перед «посошковедами» нелегкий вопрос: к какой экономической школе его отнести? Еще в XIX веке стало принято считать его меркантилистом. Ведь поскольку Посошков явно не классик (с его-то дифирамбами в адрес всемогущей государственной власти), то он может быть только меркантилистом, других современных ему экономических направлений просто нет. В наши дни получило распространение другое решение этой старой проблемы – более оригинальное, но, пожалуй, менее корректное. Во всезнающей Википедии можно прочитать: «И. Т. Посошков был первым последовательным институционалистом в истории экономических учений». Следуя этой логике, наш Посошков «опередил» американского Веблена почти на 200 лет. Определенное рациональное зерно в таком суждении есть: Посошков действительно во многом похож на таких отечественных институционалистов, как Ю. М. Осипов, хотя и далек от институционалистов типа А. А. Аузана.

Во время февральской конференции в Финансовом университете вопрос «Кто Вы, Иван Посошков?» постоянно витал в воздухе, провоцируя дискуссии. Приведу лишь некоторые суждения, прозвучавшие на конференции.

Конечно, на конференции звучали выступления, авторы которых привычно относили И. Т. Посошкова к меркантилистам. Например, в выступлении к.э.н. *Г. В. Будкевич* (Финансовый университет) указывалось, что если попробовать дать общую характеристику экономическим воззрениям Посошкова, то его следует считать одновременно и меркантилистом, и первым российским институционалистом. Заслуги И. Т. Посошкова не снижает тот факт, что он обосновывал свои умозаключения в пределах духа той эпохи, в которой жил; посошковское понимание основных направлений государственной экономической политики актуально и для современной России. Аналогичную точку зрения на «меркантилистские основания творческого наследия И. Т. Посошкова» высказал, например, д.э.н. *Я. С. Ядгаров* (Финансовый университет). Несколько иначе сформулировал свою точку зрения д.э.н. *Е. П. Дятел* (Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина): по его мнению, Посошкова хотя и можно называть меркантилистом, но его взгляды ближе всего к камералистике – полидисциплинарной (по современным представлениям) науке о государственном управлении обществом в целом и хозяйством в частности.

Чаще всего на конференции, однако, звучали оценки, связанные с критикой точки зрения о меркантилизме Посошкова.

Сильное впечатление на участников конференции произвело, в частности, пленарное выступление д.э.н. *Р. М. Нуреева* (Финансовый университет). Он указывал, что хотя многие стремятся найти, в чем Посошков опередил современных ему европейских экономистов, есть смысл обратить внимание на то, в чем он от них отставал. По мнению докладчика, «Книга о скудости и богатстве» во многом является своеобразным памятником «государевой литературы» - типичной для стран древнего и средневекового Востока традиции предписывать «государю», как ему организовать систему власти-собственности, пресекая преступный частный интерес. При таком подходе Посошков объективно оказывается не ранним предшественником американского Веблена, а скорее поздним эпигоном какого-нибудь индийского

Каутильи или китайского Шан Яна. Конечно, этот вывод, по мнению докладчика, надо делать осторожно, не стремясь насильно переодеть Посошкова из европейски-меркантилистского камзола в китайский халат. Как двуглавый орёл российского герба смотрит одновременно на Запад и Восток, так и ее многие российские мыслители обладали двойственностью, соединяя западные и восточные идеологемы.

Другой новаторский подход на пленарном заседании предложил д.э.н. *Г. Д. Гловели* (НИУ ВШЭ). Он справедливо указал, что многие странности во взглядах Посошкова – отражение «странного» положения России петровского времени в капиталистической мир-системе. Петр Великий Россию «поднял на дыбы» и «кавалерийской атакой» заставил Европу признать ее сильным участником «европейского оркестра». В результате полупериферийная империя, какой стала Россия, параллельно строила капитализм и самодержавную власть, которые с самого начала оказались в странном симбиозе, одновременно подпитывая и удушая друг друга. Отсюда – странное соседство у Посошкова призывов одновременно к честному судопроизводству и к царскому всевластию, к стимулированию торговли и к мелочной регламентации хозяйства.

Д.э.н. *О. А. Николайчук* (Финансовый университет) выдвинула иной тезис – о Посошкове можно говорить как об основоположнике «идейной политической экономии». По ее мнению, современное поколение российских ученых по-прежнему стоит перед вызовом, содержащимся еще в том самом первом отечественном экономическом труде. Он состоит в том, чтобы дать современное фундаментальное научно аргументированное описание экономической российской системы. Необходима такая теория, которая одновременно позволяет видеть и специфику нашего хозяйственного устройства, и проявление в этой специфике общих экономических законов, когда конкретная страна – в данном случае Россия – является частным случаем проявления общих закономерностей. Взгляды *И. Т. Посошкова*, по ее мнению, заслуживают особого внимания, поскольку автор сумел возвыситься до идеи, что богатство государства немислимо без народного богатства. А предложения *И. Т. Посошкова* в решении аграрного вопроса опередили фактическое его решение почти ровно на 200 лет: автор «Книги о скудости и богатстве» предлагал наделить крестьян землей по праву владения, что и произошло во время «черного передела» в 1917-1918 гг.

Во время конференции была предложена еще одна любопытная «формула» ответа на вопрос о классификации взглядов *И. Т. Посошкова*. Когда во время пленарного заседания д.э.н. *Д. Н. Платонова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) спросили, так к какому же направлению относится этот странный Посошков, вопрошаемый улыбнулся и ответил – «К русскому!». «Русское направление» – это, конечно, скорее указание на путь к ответу, чем сам ответ. Отсылки на «русский дух» указывают на специфику, но не объясняют, насколько она велика (настолько ли, что русские экономисты абсолютно ни с кем не сопоставимы?) и каковы ее причины. Тем не менее, такой подход получил на конференции поддержку в ряде выступлений. Например, доклад д.э.н. *Т. Н. Юдиной* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «О скудости и богатстве современной хозяйственно-экономической мысли и науки в контексте «Книги о скудости и богатстве» *И. Т. Посошкова*» был последовательно выдержан в русле «национальной школы экономической мысли». *Т. Н. Юдина* дала развернутую характеристику *И. Т. Посошкова* как основоположника «национально-вселенской» традиции экономической мысли, продолжателем которой являются представители современной отечественной «философии хозяйства», доказывающие, что «правда является клеточкой хозяйственной системы». Быть может, и есть в этом какая-то сермяжная правда...

Очень интересный подход предложил д.э.н. *А. Д. Леванов* (Кемеровский государственный университет) в докладе «Литературно-публицистическая культура как форма экономической мысли России». Он обратил внимание на то, что кроме собственно экономической теории есть и такая любопытная разновидность экономической мысли как литературно-публицистические произведения, априори рассчитанные не на «ученых мужей», а на обычных людей. В таком случае «Книгу о

скудости и богатстве» (1724) Посошкова надо сопоставлять не с «Богатством народов» (1776) А. Смита, а, скажем, с «Басней о пчелах» (1705) Б. Мандевилля или с «Письмами суконщика» (1724-1725) Д. Свифта. Тем самым докладчик признал пограничное положение Посошкова в истории науки – он, как Мандевилль, одновременно и экономист, и не-совсем-экономист. Невольно вспоминаешь, что и в современной российской экономической мысли немалую роль играет именно публицистика (вспомним, например, комментарии Г. Х. Попова к «Новому назначению» А. Бека, или многочисленные публицистические работы А. А. Аузана). Быть может, не только почти 300 лет назад, но и в наши дни в России экономическая наука остается не-совсем-наукой?

Участники конференции уделили большое внимание общему контексту восприятия трудов И. Т. Посошкова. Так, в докладе к.э.н. *В. В. Остроумова* (Финансовый университет) был дан интересный сравнительный анализ оценочных суждений, связанных с осмыслением места и роли экономического учения Посошкова. На примере наиболее авторитетных научных и учебных изданий советского периода докладчик обосновал, что на всем протяжении этого периода оценки «Книги о скудости и богатстве» сводились к преимущественно идеологизированным классово-формационным постулатам. Наиболее «выдающуюся» роль в этом сыграл Б. Б. Кафенгауза, сообразуясь с мнением которого советские «посошковеды» излагали практически одни и те же «положительные» и «критические» оценочные суждения о творчестве И. Т. Посошкова, неизменно относя его к числу выразителей «классовых интересов купечества». Интересные же «классовые интересы» были у российских купцов XVIII века, если их «выразитель» требовал государственной регламентации рыночных цен и строгих наказаний за отступление от них! Большой интерес у участников конференции в этой связи вызвало выступление д.э.н. *Д. Д. Широкограда* (СПбГУ), посвященный тому, как воспринимают Посошкова зарубежные обществоведы.

Существенное внимание на конференции уделялось также другим представителям начального этапа развития российской экономической науки – тем, кого можно назвать если не последователями Посошкова (кажется, до 1840-х гг. одному лишь М. Ломоносову удалось ознакомиться с «потаенной» «Книгой о скудости и богатстве»), то, по крайней мере, его «единочаятелями». Речь идет о российских мыслителях XVIII века, которые тоже пытались совместить выработку рецептов «оздоровления» российской экономики с защитой ее самобытности (в которую включаются и православие, и самодержавие, и своеобразная народность). По мнению к.э.н. *Е. Н. Калмычковой* (МГУ им. М. В. Ломоносова), утрированный практицизм работ членов Вольного экономического общества и близких к нему мыслителей (вплоть до М. Ломоносова) – отнюдь не случайность. Большинство российских ученых XVIII – начала XIX веков сосредоточилось на проведении именно сугубо прикладных экономических исследований, поскольку они не подрывали традиционных ориентиров духовной жизни российского дворянства. Напротив, абстрактная «философия» политической экономии, тесно связанная с либеральной идеологией, рассматривалась ими как чуждая российской культуре и игнорировалась либо критиковалась. В результате становление российской экономической науки происходило не одновременно с промышленной революцией (как в Англии), а с большим запозданием. Политическая экономия смогла в какой-то степени стать в России новым способом осмысления и решения конкретных проблем, но так и не смогла (по крайней мере, до конца XIX в.) стать новой идеологией.

Таким образом, во время дискуссии в Финансовом университете об экономических взглядах Ивана Тихоновича Посошкова был высказан необычайно широкий спектр ответов на вопрос, к какой же экономической школе следует его относить. Вот перечень основных прозвучавших точек зрения, условно проранжированных по степени радикализма:

1) Посошков – «продвинутый» меркантилист (в статьях данного номера «Журнала институциональных исследований» эта позиция выражена у Г. В. Будкевич и отчасти в статье Е. П. Дятла и Э. Р. Гатиной, на конференции об этом

говорил также Я. С. Ядгаров);

2) Посошков – меркантилистский мыслитель из аномального (периферийного) региона Европы (позиция Г. Д. Гловели);

3) Посошков – камералист (точка зрения Е. П. Дятла и Э. Р. Гатиной);

4) Посошков – представитель российской экономической традиции, представители которой охотно воспринимали только прикладные идеи западной экономической науки, отвергая ее теоретические и философские принципы (позиция Е. Н. Калмычковой);

5) Посошков – институционалист (эта идея звучит у Г. В. Будкевич);

6) Посошков – представитель литературно-публицистической традиции экономической мысли (точка зрения А. Д. Леванова);

7) Посошков – представитель не вполне четко определяемой, но явно резко отличной от западной мысли «русской школы» (на конференции эту позицию озвучили Д. Н. Платонов и Т. Н. Юдина, точка зрения О. А. Николайчук близка к ней);

8) Посошков – представитель не только западной, но и восточной традиции экономической мысли – традиции «государевой литературы» (данная точка зрения выражена Р. М. Нуреевым).

Из других точек зрения на «посошковизм», которые высказывались в научной литературе, но активно не звучали на конференции в Финансовом университете, следует вспомнить сопоставление идей Посошкова с классической политической экономией. Утверждение, что Посошков во многом стоит на уровне ранних экономистов-классиков обосновывают тем, что автор «Книги о скудости и богатстве» считал богатством (подобно Вильяму Петти) не только деньги и материальные ценности, но также и людей.

В заключение обзора дискуссии о Посошкове автор рискнет предложить собственную, еще более радикальную, точку зрения на этот головоломный вопрос.

Из перечисления позиций участников дискуссии видна явная растерянность специалистов по истории экономических учений, которые видят ярчайшую специфичность взглядов Ивана Посошкова и теряются в попытках найти для нее подходящий «ярлык». Видимо, есть смысл попытаться выйти из замкнутого круга перебора школ и традиций экономической науки, отдельные признаки которых можно найти в «Книге о скудости и богатстве».

А что если Посошков вообще не принадлежит ни к одной экономической школе?

На наиболее креативный, по нашему мнению, подход к пониманию «посошковизма» справедливо указал А. Д. Леванов, начав свою статью, публикуемую в данном номере журнала, с утверждения, что «научное экономическое знание не является единственной формой отражения экономических закономерностей».

Действительно, в любом курсе по истории экономической мысли изложение начинается с экономических идей «Законов Хаммурапи», Библии и т.д. Однако затем, начиная с изложения событий нового времени, интерес авторов учебников к экономическим идеям, выраженным в правовых кодексах и религиозных предписаниях, совершенно пропадает. Такое «выпадение» правовых норм и религиозных предписаний из числа памятников экономической мысли объясняют (точнее, подразумевают объяснять) тем, что по мере развития более «высоких» форм экономических знаний (т.е. научных экономических теорий) более «низкие» формы теряют самостоятельное значение.

Хуже всего в истории экономической мысли отражены элементы самого нижнего «этажа» системы экономических знаний – обыденных экономических взглядов обычных (не-ученых) людей. Термин «культура безмолвствующего большинства» был предложен А. Я. Гуревичем для обозначения ментальности простых людей эпохи средневековья – чаще всего неграмотных, но, тем не менее, имеющих определенные представления об окружающем мире («картину мира»). Данное понятие часто истолковывается более широко: им пользуются для обозначения всех массовых не-элитных групп населения, мнения которых формируются в результате жизненного опыта, а не ученых занятий, и не находят

прямого выражения в письменной культуре. Эта простонародная ментальность активно изучается антропологами (представителями экономической и исторической антропологии) и редко привлекает внимание историков экономической мысли. В результате, например, для объяснения «черного передела» и последующего огосударствления земли в России после 1917 г. всегда вспоминают партийные программы эсеров и большевиков, но заметно реже – обычное право крестьян и вообще «народные» представления о правах собственности.

Изучение «простонародных» (обыденных) представлений о хозяйственной жизни затруднено слабостью или даже отсутствием источников. Чтение «Книги о скудости и богатстве», на наш взгляд, – это уникальный шанс услышать голос российского «безмолвствующего большинства» почти 300-летней давности.

Конечно, взгляд на «Книгу о скудости и богатстве» как на выражение «простонародных» суждений и мнений требует определенных оговорок. Трудно точно сказать, в какой степени Посошков писал о том, в чем он был солидарен со своим социальным окружением, а в какой степени выражал лично свои суждения. Сопоставление взглядов Посошкова с тем, что известно о мировоззрении русских крестьян нового времени, вполне подтверждает гипотезу о «простонародности»: перед нами типичное сочетание веры во всецелое царской власти («У нас не вес имеет силу, но царская воля») с очень критической оценкой конкретных действий царской администрации («плохих дворян»). Таких «простецов», которые ненавидят государственных бюрократов, но обожают верховного правителя (царя, Государственного секретаря партии, президента...), много и в современной России.

Уникальность «Книги о скудости и богатстве», которой трудно найти близкие аналоги, согласно нашей гипотезе, во многом объясняется уникальностью петровской эпохи – в частности, противоречивым сочетанием авторитаризма и демократизма царя-плотника. В странах Запада и Востока было много подобных Посошкову умствующих (и даже пишущих) «выходцев из народа». Однако никому из них не приходило в голову написать и преподнести императору, королю или султану поучение, как им надо приумножать государственное благосостояние, поскольку «до бога высоко, до царя далеко». Там трактаты на социально-экономические темы писались учеными представителями элиты – людьми типа визирия Низама аль-Мулька, автора «Сиасет-намэ», или лейб-медика короля Франции Франсуа Кенэ, автора «Экономической таблицы». Лишь в России начала XVIII века на короткий срок возникла парадоксальная ситуация, когда талантливый простолюдин мог надеяться лично встретиться с «царем-батюшкой» (известно, например, что Посошков в 1700 г. лично докладывал Петру I об одном из своих изобретений для нужд армии) и изложить ему свои чаяния. В результате «Книга о скудости и богатстве» является, видимо, единственным в мире образцом комплексного изложения простонародных взглядов на то, «как государство богатеет».

Если оправдана гипотеза «простонародности» взглядов И. Т. Посошкова, то вопрос о том, к какой экономической школе его отнести, автоматически снимается: у «народной мудрости» школ нет. Интерпретация «посошковизма» как голоса «безмолвствующего большинства» в принципе сохраняет за Посошковым статус первого русского экономиста, однако выводит его за границы российской экономической науки. Основоположником российской экономической науки в собственном смысле слова в таком случае следует считать либо М. В. Ломоносова (см. по этому поводу в данном номере журнала статью *М. А. Рогачевской*), либо кого-либо из ученых поколения И. К. Бабста, А. И. Чупрова и Н. Ф. Даниельсона. Впрочем, в той мере, в какой современная российская экономическая наука сохраняет многие неакадемические «правила игры» (например, публицистически-морализаторский стиль, превалирование нормативного анализа над позитивным), Посошков сохраняет право считаться если не ее основоположником, то, по крайней мере, предтечей.

Итак, кто Вы, Иван Посошков? Читатель нашего журнала, знакомясь со статьями участников февральской конференции в Финансовом университете, может теперь сам попытаться найти ответ на этот запутанный вопрос, согласившись с одним из авторов или не согласившись ни с одним из них.

«КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ» И. Т. ПОСОШКОВА КАК РОССИЙСКИЙ ОБРАЗЕЦ «ГОСУДАРЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,

*Заслуженный работник Высшей школы РФ,
доктор экономических наук,
руководитель департамента экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ,
ординарный профессор НИУ ВШЭ,
e-mail: nureev50@gmail.com*

Статья посвящена анализу «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова как русского образца «государевой литературы». Исследуется исторический контекст эпохи, когда была написана книга, показывается влияние восточных и западных традиций экономической мысли. В статье анализируются плюсы и минусы предложенной Посошковым альтернативной программы петровской модернизации, раскрываются особенности меркантилистских и камералистских мотивов автора, а также исторические судьбы России в случае реализации идей потаённой книги.

Ключевые слова: *русская экономическая мысль; восточный деспотизм; меркантилизм; камерализм; модернизация.*

"BOOK ON POVERTY AND WEALTH" BY I. T. POSOSHKOV AS THE RUSSIAN MODEL OF "SOVEREIGN LITERATURE"

NUREEV RUSTEM, M.,

*Honored Worker of Higher School of the Russian Federation,
Doctor of Economic Sciences (PhD),
Head of the Department of Economic Theory,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Tenured Professor of HSE,
e-mail: nureev50@gmail.com*

The author analyzes the «Books on Poverty and Wealth» by I. T. Pososhkov as Russian-style «sovereign literature». The historical context of the era, when the book was written, is explored; the influence of Eastern and Western traditions of economic thought is shown. The author examines the pros and cons of the alternative program of Peter modernization proposed by Pososhkov; features of author's mercantilist and cameralist motives, as well as the historical fate of Russia in the case of implementing the ideas lurking book are disclosed.

Keywords: *Russian economic thought; Oriental despotism; mercantilism; cameralism; modernization.*

JEL: B11, N23.

1. Пролог

«И такое мнение мое о помянутых делах, - писал И. Т. Посошков в доношении Петру I, - что если Бог милостиво презрит на них и Ваше Императорское Величество по настоящему своему желанию благоволит последовать им, то я, без всякого сомнения, могу сказать, что каждый год при нынешних сборах самое малое

собрание казны в царские сокровища миллиона по 3 приходиться будет. А если твердо устоят те новые положения, то легко будет собираться и по шести миллионам в год. А если все изъявленные дела прямо установятся и твердо укоренятся... то будет собираться миллионов и по десяти или и больше каждый год» (*Посошков, 2011. С. 22*). У Ивана Посошкова был широкий размах – он в самом начале своей книги обещал государственную казну (бюджет) по меньшей мере удвоить (с 3 до 6 миллионов рублей в год) и даже утроить-учетверить (до 10 и более миллионов).

Такая самореклама – не редкость в меркантилистской литературе XVII-XVIII веков. Достаточно вспомнить, например, сочинение Иоганна Иоахима Бехера (1635-1682) «Политическое рассуждение о том, как сделать страну богатой и густонаселённой» (1668) или Пьера Лепезана де Буагильбера (1646-1714) «Подробное описание положения Франции, причины падения её благосостояния и простые способы восстановления, или Как за месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить всё население» (1695-1696).

Сразу бросается в глаза необычная обширность тем, которые пытается анализировать Иван Тихонович Посошков (1652-1726). Если Антуан де Монкретьен (1575-1621) в своём «Трактате политической экономии» (1615) – сочинении, специально написанном к созыву Генеральных штатов и адресованном юному Людовику XIII, – «скромно» ограничивался всего 4-мя темами-частями (1. О механических искусствах; 2. О торговле; 3. О навигации; 4. О примере и главных заботах принца), то «Книга о скудости и богатстве» состоит из «трекратного трекратия», то есть из трёх частей, каждая из которых, в свою очередь, состоит из трёх глав (всего 9 глав), посвященных отдельному предмету:

1. О духовности.
2. О воинских делах.
3. О правосудии.
4. О купечестве.
5. О художестве.
6. О разбойниках.
7. О крестьянстве.
8. О земляных делах.
9. О царском интересе.

Каждая из глав начинается с «изъявления того, отчего приключается напрасная скудость», и посвящена тому, «отчего, - по мысли автора, - избыточное богатство умножается» (*Посошков, 2011. С. 27*). Таким образом, автор энциклопедической «Книги о скудости и богатстве» намеревался давать ценные советы Петру Великому буквально по всем важным вопросам современной жизни.

Правда, уже в самом начале своей книги Посошков продемонстрировал и определенные, скажем так, пробелы своей широчайшей эрудиции. Обещая увеличить ежегодный доход российского государства до самое малое 3 миллионов, Посошков не знал, что бюджет Российской империи по смете 1724 года предусматривался в 8,5 миллионов рублей. Таким образом, Посошков обещал сделать то, что Петр Великий успел уже сделать и без его советов. И это лишь одно из противоречий, с которым сталкиваются «посошковеды».

Кто же он такой, Иван Тихонович Посошков? Религиозный проповедник или рациональный экономист? Неравнодушный наблюдатель или глубокий аналитик? Бытописатель нежеланной действительности или недействительной желаемости? Неисправимый мечтатель или последовательный прагматик? Выразитель интересов крестьянства или купечества? Государства или частных лиц? Представитель западной или восточной экономической традиции? Пассивный меркантилист или активный камералист? Смелый революционер или закоренелый консерватор? И вообще, куда он зовёт: вперёд или назад? Россия выиграла бы или проиграла, если бы удалось реализовать все его многочисленные рекомендации? И были ли тогда условия для их практической реализации? Читая его книгу, мы должны попытаться ответить на все эти вопросы.

2. Исторический контекст эпохи

Сначала вспомним, в какую именно эпоху и в какой стране Иван Посошков написал свою знаменитую книгу. Для этого используем концепцию А. Гершенкрона, согласно которой в развитии мирового капитализма можно выделить три эшелона (см. табл. 1)¹.

Таблица 1

Эшелоны развития мирового капитализма, по А. Гершенкрону

«Эшелоны»	Страны	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение в мировой капиталистической системе
1-ый эшелон (с XIV в.)	Западная Европа, Северная Америка	Длительное спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее
2-ой эшелон (к. XVIII – сер. XIX вв.)	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония	Развитие «сжато», импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное
3-ий эшелон (к. XIX – к. XX вв.)	Колониальная и зависимая «периферия» Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (сырьевые придатки)

Для первого (к которому относятся Западная Европа и Северная Америка) характерно длительное спонтанное развитие предпосылок капитализма. Ведущую роль в этих странах играл частный сектор, развитие которого поощряло государство. Длительные сроки развития первого эшелона позволили ему сформировать предпосылки рыночной экономики постепенно, шаг за шагом.

Вторая волна развития капитализма начала формироваться в конце XVIII – середине XIX вв. в странах Восточной Европы, в России, Турции, Японии. Импульс рыночной модернизации для этих стран был задан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами. Капитализм в этих странах не столько вырастал «снизу», сколько насаждался «сверху» – путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства и т.д. Не случайно К. Маркс писал во втором наброске ответа на письмо В. И. Засулич, что в России возник «известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства...» (*Маркс и Энгельс, Т. 19. С. 415*).

Иными путями проходит и процесс разложения феодализма в Восточной Европе. Начиная с XVI в. здесь наступает период феодальной реакции, расширения барщины и усиления крепостничества (так называемое второе издание крепостничества). В XVII-XVIII вв. в Пруссии, Польше, Чехии, Венгрии и России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождается усилением крепостничества. В погоне за увеличением прибавочного продукта обнаруживается тенденция превращения феодальной монополии на личность крепостного в монополию рабовладельческого типа, а феодальной монополии на землю – в монополию частной собственности на землю (*Цаголов, 1949. С. 434*). На этой основе развиваются особо острые формы кризиса феодализма, подготовившие необходимость проведения глубоких аграрных реформ и решения аграрного вопроса. Именно эти проблемы становятся центральными в трудах русских мыслителей того времени.

Для второго эшелона история не предоставила много времени. Эти страны были вынуждены догонять очаги первичного капитализма. В этой модернизации гораздо большую роль сыграло государство, значение которого по сравнению с первым эшелонам значительно возросло.

¹ Подробнее см. (*Herschenkron, 1962. P. 353-364*).

В Европе к востоку от Эльбы возникает специфическая форма ренты, названная Б. Ф. Поршневым барщинно-крепостнической (*Поршнев, 1964*). Она противоречиво соединила в себе черты двух видов ренты – отработочной и денежной. Если для отработочной ренты в Западной Европе была характерна работа крестьян на домениальной земле на парцеллах помещиков, расположенных чересполосно с крестьянскими наделами, то теперь барская земля была объединена в огромные поместья. В отличие от средневековья крупными стали не только собственность феодалов, но и их производство, чего раньше никогда не было.

Если в условиях денежной ренты связь с рынком осуществлялась через крестьянское хозяйство, то здесь – через хозяйство феодалов. Целью натурального хозяйства феодалов при феодализме было удовлетворение потребностей, а они в средние века были более или менее ограничены и мало изменялись во времени. Теперь вместо ограниченной цели у феодалов появляется цель безграничная – погоня за прибылью. Так возникает своеобразная европейская неотрадиционная форма эпохи первоначального накопления капитала. Поскольку в XVIII в. Восточная Европа стала крупным экспортером сельхозпродуктов (зерна, пеньки, льна и др.) в Западную Европу, то барщинное хозяйство нового времени приобрело рыночную ориентацию, но крестьянские хозяйства втягивались в рынок довольно слабо. Экономический подъём, начавшийся в ходе промышленного переворота в Западной Европе, во многом опирался на дешёвые сельскохозяйственные товары, поставляемые из крепостных имений Восточной Европы.

Таким образом в Европе XVII-XVIII вв. стали соседствовать сразу три системы земледелия:

- система традиционных доменов, для которой характерны барщина и оброк (Франция, Германия, Южная Италия, Скандинавия, Ирландия);
- система аллодов, для которой типична денежная рента в пользу феодалов, размеры которой были ограничены юрисдикцией (Испания, Северная Италия, Британия); и
- система крупного феодального землевладения, для которой была характерна барщинно-крепостническая рента (Пруссия, Речь Посполитая, территории Австрийской и Российской империй) (см. рис. 1).

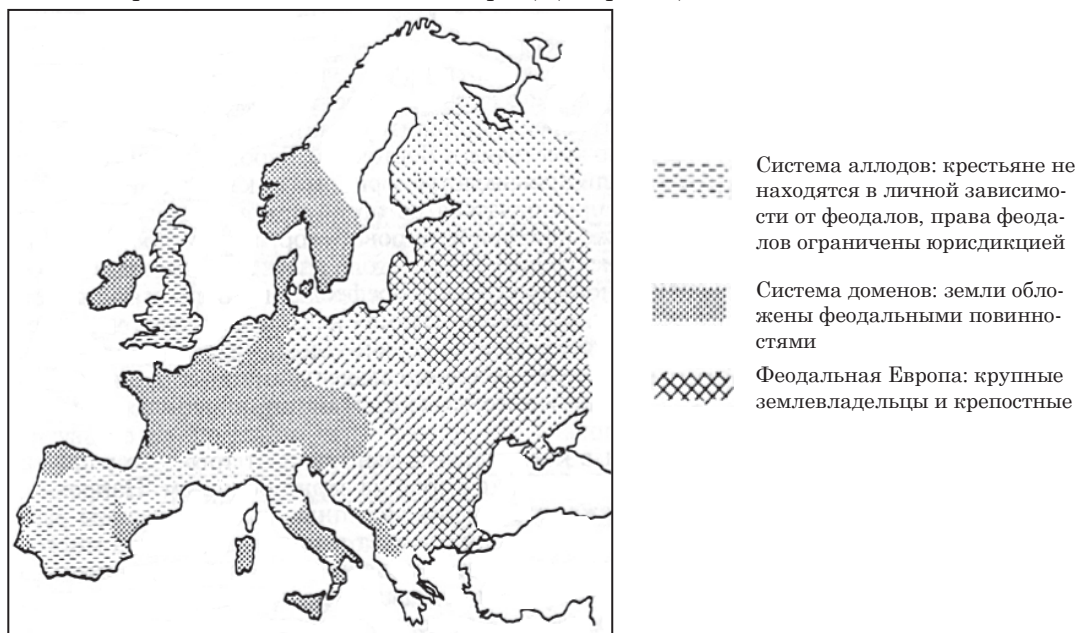

Рис. 1. Аграрный строй Европы XVII-XVIII вв.

Источник: (Leon, 1977. P. 438).

Теоретически возможны два пути буржуазной аграрной эволюции: на базе помещичьего («прусский») или крестьянского хозяйства («американский»). Основное содержание первого – это перерастание помещичьего крепостного хозяйства в буржуазное, а второго – превращение патриархального крестьянского хозяйства в капиталистическое фермерское. Прусский путь буржуазной аграрной эволюции, осуществляемый в интересах помещиков, сделал кризис феодализма на востоке Европы особенно затяжным и мучительным для десятков миллионов крестьян. Пережитки феодализма (помещичье землевладение, малоземелье крестьян и т. п.) просуществовали там до начала XX в.

Использование институтов российской полуазиатской монархии для создания и укрепления капиталистических отношений предопределило не только прогрессивные, но и реакционные черты российского капитализма XVIII – начала XX вв. Развитие императорской России есть яркий пример периферийного капитализма, в котором сосуществовали самые многообразные переходные формы и неотрадиционные отношения. На внешних рынках молодой российский капитализм столкнулся с сильной конкуренцией достаточно зрелого западноевропейского капитализма. А внутри страны его развитию препятствовали многочисленные феодальные и дофеодальные отношения и в экономической, и в политической структуре.

Если для раннего феодализма характерна эпизодическая форма феодальной ренты (например, полюдье в Киевской Руси), то в условиях развитого феодализма феодальная рента собиралась более регулярно. Феодальная рента могла носить либо строго определенный, фиксированный (по душам или по земле) характер, либо прогрессивный характер, если она собиралась из доли урожая (например, десятина, девятина, пятина, испольщина) или дохода (см. рис. 2).

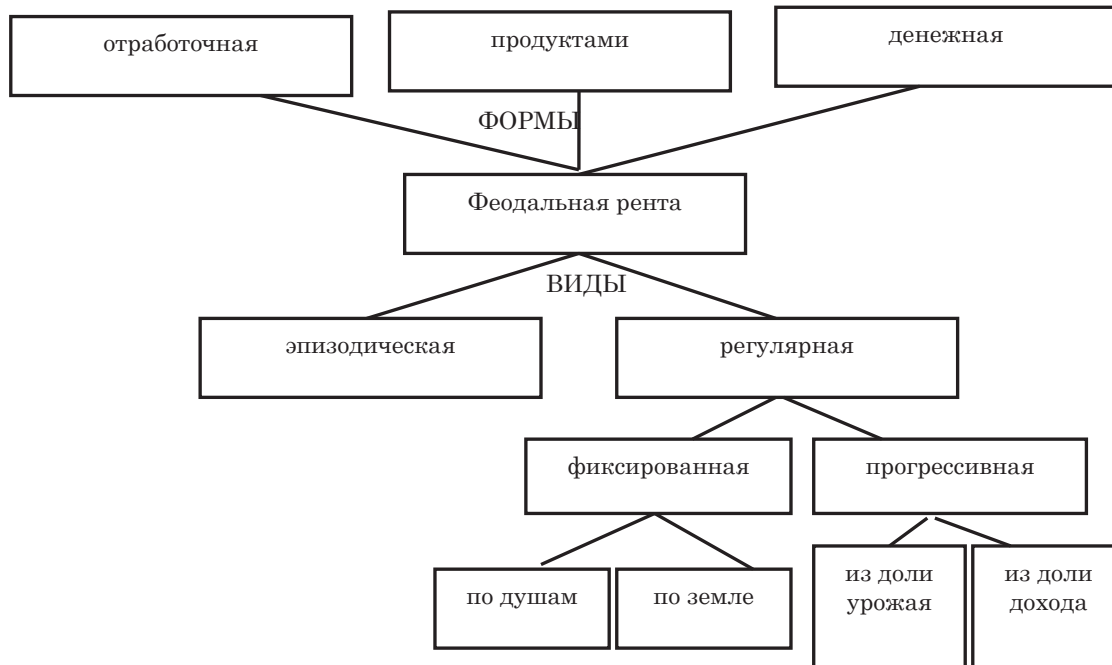

Рис. 2. Формы и виды феодальной ренты

В России подворное обложение было заменено в 1720-е годы подушной податью, которая распространялась на всё население: крестьян и горожан. Уже в начале XVIII в. начинается её стремительный рост, который приобретает к началу следующего века лавинообразный характер (см. табл. 2).

Таблица 2

Размеры денежного оброка с души (в руб.) в России конца XVIII в. – начала XIX в.

Годы:	1760-ые	1770-ые	1780-ые	1790-ые	1800-ые	1810-ые
Размеры денежного оброка с души (в руб.)	1-2	2-3	4	5	10-14	≈30

Анализируя особенности российского варианта буржуазной эволюции, В. Г. Хорос выделяет следующие его черты:

- 1) государство как ведущий субъект социально-экономического развития;
- 2) выборочное заимствование некоторых элементов западно-европейского капитализма;
- 3) асинхронность в XVII - I пол. XIX вв. – параллельное развитие капитализма и усиление крепостничества;
- 4) технико-экономическая модернизация для поддержания монархии и дворянского сословия;
- 5) реакционная хозяйственная и социально-политическая роль дворянства;
- 6) слабая экономическая и политическая дееспособность национальной буржуазии;
- 7) громадная острота социальных противоречий и контрастов².

Таблица 3

Асинхронность институциональных изменений в России в Западной Европе

Институты, необходимые для капиталистической модернизации	Время институциональных изменений	
	В Западной Европе	В России
Активизация торговли	Внешняя торговля – с XVI в., внутренняя – с XVIII в.	С XVIII в. (внешняя торговля контролируется в основном иностранцами)
Формирование правового государства	XVIII – начало XIX вв. (кодекс Наполеона – 1804 г.)	Фактически не завершилось и к началу XX в. (первый свод законов – 1830 г.)
Распространение векселей, бумажных денег	С XVII в.	Со второй половины XVIII в.
Банки, страховые организации	С XVII в. (Банк Англии – с 1694 г., «Ллойд» - с 1710-х гг.)	С начала XIX вв. (Государственный коммерческий банк – с 1817 г., «Первое Российское от огня страховое общество» - с 1827 г.)
Реформирование церкви	XVI-XVII вв.	Вместо Реформации – Раскол.
Ликвидация крепостного права	XIV-XV вв.	1861 г.
Парламентская власть	XVII – первая половина XIX вв.	Элементы парламентаризма – только после 1905 г.

Источник: (Нуреев и Латов, 2013. С. 8).

В отличие от стран первого «эшелона», Россия демонстрирует резкую асинхронность изменений в разных сферах жизни (см. табл. 3). Некоторые институциональные изменения, типичные для западноевропейских стран, Россию вообще обошли стороной (например, Реформация, активизация внешней торговли); другие пришли в нее с существенным запозданием (банки, парламентаризм, отмена

² Подробнее см. (Пантин, Плимак и Хорос, 1986. Гл. 1).

крепостного права). В то же время в некоторых сферах Россия даже обгоняла передовые страны Западной Европы: например, если в Франции внутренние таможенные пошлины, мешавшие формированию внутреннего рынка, отменили лишь в 1792 г., то в России – уже в 1754 г.

Россия – страна, расположенная между Востоком и Западом не только в географическом смысле слова. Даже её герб – двуглавый орёл – постоянно смотрит на Запад и Восток, не говоря уже о том, куда время от времени смотрят её руководители. Существенным недостатком многих представителей посошкововедения была, на наш взгляд, недооценка восточных традиций в творчестве И. Т. Посошкова. Попытаемся кратко восполнить этот пробел.

3. Книга Посошкова в свете традиций восточной экономической мысли

Современный читатель древних манускриптов встречается, по меньшей мере, с двумя объективными трудностями. Первая из них состоит в том, что, обращаясь к письменным текстам далекого прошлого, мы вынуждены признать, что в них очень мало того, что могло бы быть названо экономической мыслью в строгом смысле слова. Вторая трудность заключается в том, что читатель, черпающий свои знания, как правило, из сети Интернет, постоянно чувствует, что глубинный, внутренний смысл этих документов оказывается недоступным, ускользает от него. Это относится даже к российской экономической мысли XVII – первой половины XVIII века, которая предстает перед нами окутанной богатым воображением средневекового человека и религиозным мистицизмом.

Экономическая мысль — одна из форм самосознания людей. О ней мы можем судить по письменным источникам, которые, с известной долей условности, можно разделить на две большие группы: 1) документы, непосредственно отражающие хозяйственную деятельность; 2) произведения, представляющие собой попытку осмыслить отношения, складывавшиеся в производстве, распределении, обмене и потреблении жизненных благ.

Первый тип документов фиксировал эмпирический опыт, а также сложившиеся (и воспринимавшиеся естественными в повседневной деятельности) нормы и нормативы. К числу такого рода документов относятся переписи населения, земельные кадастры, многочисленные документы хозяйственной отчетности и различные юридические акты, оформлявшие имущественные отношения (покупку земли, скота, средств производства, рабов, наем работников, долговые обязательства и т. д.).

Второй тип документов как самостоятельная группа источников появился в древнем мире далеко не сразу. Первоначально осмысление хозяйственной деятельности происходило в рамках общего мифопоэтического творчества древних народов. Чтобы понять особенности такого отражения, кратко охарактеризуем основные типологические особенности восточной духовной культуры.

Когда мы открываем различного рода сочинения различных мыслителей докапиталистических эпох на около-экономическую тематику, то сталкиваемся с проблемой: собственно экономическая тематика не находилась в центре этого общества. Никто не рассчитывал эффективность от строительства пирамид, все в лучшем случае только подсчитывали затраты на их сооружение.

Можно произвести разделение восточной экономической мысли на экономическую мысль в широком и в узком смысле слова.

Экономическая мысль в широком смысле слова пыталась непосредственно отразить разные элементы хозяйственной деятельности (см. рис. 3). Это могли быть как различные законы (например, законы Хаммурапи) и инструкции по поведению, так и религиозные заповеди (например, Коран).

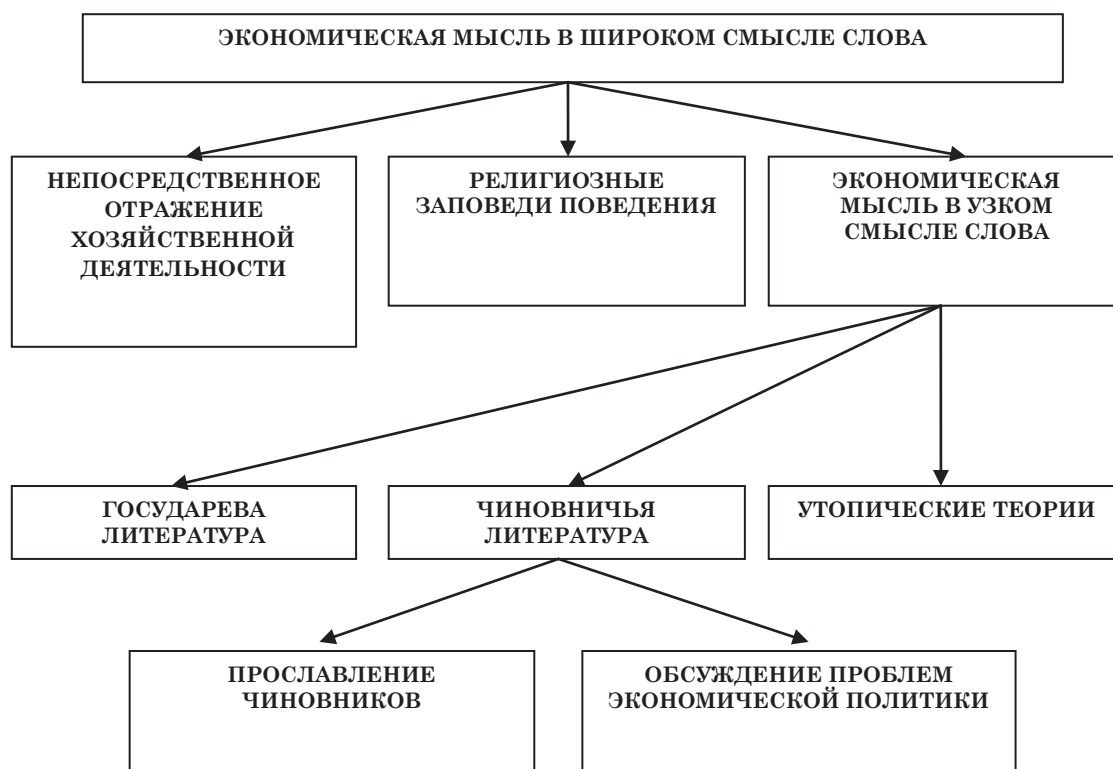

Рис. 3. Восточная экономическая мысль в широком смысле слова

Но существовала и **экономическая мысль в узком смысле слова**, прежде всего отражавшая экономическую ситуацию с позиции господствующего класса. Сочинения такого рода излагали нормативные советы либо от имени правителей, либо от имени чиновников, оказавшихся в окружении деспота.

В качестве общих черт экономической литературы Востока можно выделить следующие:

- *объектом анализа является деятельность государства*, то есть рассматривается не существование отдельных хозяйств, не микроэкономический, а макроэкономический уровень. Государственные интересы были превыше всего;
- *целью экономического анализа является обеспечение процветания государства*. Поскольку основой процветания считалось сельское хозяйство, то оно рассматривается как ствол экономики, а всякая торговля и ростовщичество считались побочными ветками, которые периодически необходимо обрубать;
- *доминирует анализ не реального, а должного*.

Экономические представления жителей Востока были включены в синкретическую, религиозно-мифологическую систему. Восточная литература наполнена многообразными символами. Это связано не только с общим уровнем развития культуры, но и с самим характером письменности. Чтобы обучаться этому письму, требовались годы. Поэтому письменность была уделом избранных, понимать таинственный характер знаков могли не многие. Кроме того, сама система взглядов была глубоко символичной. Неудивительно, что каждое восточное сочинение сохраняло иносказательный характер символа, знака. Ему придавались традиционные, переходящие из поколения в поколение, фетишистские формы, что также усиливало его символический характер (древнеегипетские Поучения, древнеиндийские Дхармашастры и т. д.).

Одной из главных черт восточной литературы являлся ее **государственно-нормативный характер**. В этом своеобразно отразились экономические условия восточных деспотий, в которых человек терялся в толпе подданных.

Действительность в письменных источниках отражалась главным образом в той мере, в какой она имела непосредственное отношение к царю. Повествование велось, прежде всего, от имени фараонов, царей, деспотов, крупных чиновников и высокопоставленных придворных. Центральное место занимали поэтому вопросы организации и управления государственным хозяйством (Артхашастра, Гуань-цзы и др.). В древнеегипетских документах, например, мы находим и перечисление экономических функций деспота (требования к идеальному правителю), и своеобразные должностные инструкции верховного сановника — *чати* (древнеегипетский предшественник средневековых арабских визирей), и биографии служащих, восхваляющих свои организаторские способности и звучные должности, полученные ими по мере восхождения по служебной лестнице, и апологию должности писца — главного винтика в механизме бюрократической государственной власти.

Неудивительно, что восточные письменные источники, как правило, носят нормативный характер, что в них отразилась суровая дисциплина всего восточного общества (регламентация хозяйственной жизни, нормирование труда и быта царских земледельцев и ремесленников и т. д.). Дидактический настрой имеет даже та литература, которая формально являлась «частной» («Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи»; конфуцианские «Беседы и суждения» и т. д.). Догматизм восточной литературы состоит и в том, что для нее типичен не только традиционализм формы, но и априорный, бездоказательный характер содержания. «...У мифа нет той универсальности и ясности, которая присуща теоретической формулировке. Он конкретен, хотя и претендует на неопровержимость своей правоты. Он требует признания от верующего и не претендует на оправдание перед судом критикующего» (Франкфорт, Франкфорт, Уилсон и Якобсен, 1984. С. 28).

Глубокий и всесторонний символизм — органическая черта не только раннего периода развития экономической мысли Древнего Востока, этапа древних цивилизаций (Египет во времена Древнего и Среднего царства, Шумер, Аккад и др.), но и более поздней эпохи, этапа существования «мировых» держав (Ассирия, держава Ахеменидов и др.). Эта черта сохраняется и в средневековой обществоведческой литературе стран Востока.

На протяжении всей истории Востока **в центре экономической мысли были проблемы организации и управления государственным (царско-храмовым) хозяйством**. Они включали в себя в качестве составных частей организацию собственного (царско-храмового) натурального хозяйства и государственную регламентацию неразвитого товарного хозяйства. Организация натурального хозяйства предполагала учет факторов производства (труда, земли, зерна), соблюдение пропорций между отраслями, и прежде всего между сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, организацию страхового фонда (амбарная система в Китае и аналогичные формы в Древнем Египте и Шумере и т. д.), а также заботу о дальнейшем расширении воспроизводства (строительство ирригационных сооружений). Государственная регламентация товарного хозяйства осуществлялась как непосредственно (путем фиксации цен, монополизации отдельных отраслей и т. д.), так и — что было гораздо реже — с помощью косвенных мер (путем изменения уровня налогообложения, через продажу части государственных запасов и др.).

По мере укрепления частного владения и собственности отдельных лиц, развития товарно-денежных отношений и рабства объектом экономической мысли становилось и частное хозяйство должностных лиц. Однако о нем мы можем судить главным образом по юридическим документам, отражавшим имущественные отношения (Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы, Хеттские законы и др.). Частное хозяйство, проблемы его организации и эффективности не стали еще предметом специального экономического исследования. Защита частного владения и собственности населения была в конечном счете не целью, а средством. Основной задачей являлось всемерное усиление экономической власти государства.

К числу высших достижений древневосточной экономической мысли следует

отнести появление самостоятельных, специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством (Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара, Артхашастра, Гуань-цзы), а также произведений, направленных на поддержание стабильности в государстве и обществе (учение Конфуция и др.). Не случайно древнегреческие и римские писатели неоднократно стремились осмыслить и обобщить этот опыт. Проект совершенного государства Платона Маркс назвал афинской идеализацией египетского кастового строя.

Любопытно, что уже в Древнем Египте возникает своеобразный жанр чиновничьей антиутопии (Речения Ипусера, Пророчество Неферти). Он восхваляет идею централизации «от противного», показывая, к чему пришло бы общество, если бы была разрушена централизованная государственная машина³.

4. Российский менталитет: правда как богатство

В свете традиций восточной экономической мысли невольно возникает вопрос о том, кто же такой Иван Посошков – религиозный проповедник или рациональный экономист?

Рождение и развитие политической экономии стало в Западной Европе следствием Реформации и Просвещения. В ходе западноевропейской Реформации было преодолено типичное для средневековья презрение к богатству. Посошков так же не осуждает его рост, но предаёт первостепенное значение духовным основам этого роста. Поэтому прежде чем анализировать многочисленные практические рекомендации И. Т. Посошкова, необходимо разобраться в его трактовке «гобзовитого (изобильного) богатства» и понять причины, которые мешают его развитию в России.

Главной причиной «напрасной скудости» в России, по Посошкову, является ставшая нормой жизни неправда. «Российская земля во многих местах запустела и всё от неправды, и от нездорового и неправого рассуждения» (*Посошков, 2011. С. 37*). «...Для нас важны, - отмечает по этому поводу Л. И. Зайцева, - не столько конкретные советы по различным вопросам, сколько сам подход к их разрешению, заключающийся не в следовании «голой экономической рациональности», а в том, чтобы развивая хозяйство, не забывать об истинном для русского человека: «богатстве-правде» (*Зайцева, 1995. С. 7*).

«Бог – правда, правду Он и любит, - пишет И. Т. Посошков. - И если кто восхочет Богу угодить, то надобно ему во всяком деле правду творить» (*Посошков, 2011. С. 93*). Поэтому в центре его внимания оказывается не материальное («вещественное») богатство, но богатство духовное («невещественное»). Будучи глубоко религиозным человеком, Посошков далёк от экономического детерминизма. Наоборот, он считает, что люди «не ведающие и воли Божией не разумеющие» не способны создать духовно-нравственные основы для развития Отечества. Без укрепления православия никакие реформы не будут иметь успеха в России, которую автор рассматривает как единое целое – «хозяйствующий Дом».

Как же восстановить попираемую всеми правду? Понятие «правды» раскрывается И. Т. Посошковым через три взаимосвязанные категории: порядка, гармонии и согласия⁴. **Порядок** означает строгое исполнение своих обязанностей перед Богом, Царём и другими сословиями того большого хозяйствующего Дома, который называется Россией. **Гармония** заключается в том, что все сословия (и высшие, и низшие) в равной степени участвуют в этом домостроительстве. **Согласие** заключается в том, что все отношения между людьми строятся на христианской любви. Именно любовь должна помогать людям гармонично жить в этом большом хозяйствующем Доме.

Не случайно книга Посошкова начинается с первого «трекратия», в котором говорится о трёх сословиях российского общества, от которых в значительной

³ Подробнее см. (*Стучевский, 1976. С. 151*).

⁴ Подробнее см. (*Зайцева, 1995. С. 18-20*).

степени зависит согласие и гармония: духовенстве, воинстве и судебном сословии. Он считает духовенство высшим сословием и именно с его духовным возрождением связывает будущее развитие России. Мощь государства зависит от воинства. А его сила заметно возрастёт, если будет искоренена всякая неправда и многочисленные злоупотребления, так типичные для воинской службы. Третья глава посвящена анализу правосудия. Неправда в России, по мысли автора, проистекает от неправого суда, который защищает сильных и обижает слабых. А в условиях сохраняющегося и усиливающегося бесправия русскому человеку никогда не удастся разбогатеть. Поэтому Посошков ратует за «прямое правосудие», поскольку от него зависит общее состояние правды на Руси.

Последующее «трекратие» посвящено тем сословиям, которые создают вещественное богатство. Посошков начинает с купечества, которое, по мысли автора, защищает экономические интересы государства. И хотя «торг – дело великое», в нём много обмана и злоупотреблений, которые следует устранить посредством строгой регламентации внутренней и внешней торговли. Две последующие главы посвящены анализу ремесленного производства и необходимости борьбы с ворами и разбойниками.

Последнее «трекратие» посвящено вопросам накопления вещественного богатства. Посошков трактует богатство как способность и умение работать с «прибытком». Он начинает с анализа крестьянского хозяйства, в котором прибыль был связан с земледельческим трудом, именно от него зависит и «царское», и «всенародное» богатство.

Посошков считает необходимым рост «домового богатства» («богатства-довольства», «богатства-достатка»), но ограничивает его сословными рамками, решительно выступая против «лишних украшений». Посошков (в отличие от Петра Великого и «птенцов гнезда Петрова») никогда не был за границей и отношение к ней у него а priori отрицательное. Он бесконечно далёк от теории естественного права, рационализма и классического либерализма в духе Дж. Локка или Д. Юма. Посошков считал возможными и необходимыми насильственные методы установления православных порядков.

В этой связи невольно возникает и другой вопрос: кем является И. Т. Посошков – равнодушным наблюдателем, не умеющим выделить главное, отделив его от второстепенного, или глубоким аналитиком, сформулировавшим широкую альтернативную программу петровским реформам? Попробуем ответить на этот непростой вопрос.

5. Альтернативная программа петровской модернизации?

Книга И. Т. Посошкова носит комплексный характер и затрагивает многие вопросы аграрной, промышленной и торговой политики. По поводу каждой из этих сфер в книге содержатся обширные рассуждения и многочисленные рекомендации. Рассмотрим их.

1) Аграрная политика: вперед, к капитализму, или назад, к азиатскому способу производства?

В центре внимания Посошкова, безусловно, находится аграрная политика. Однако давайте попытаемся понять, куда зовёт автор: вперед, к капитализму, или назад, к азиатскому способу производства?

Посошков – решительный сторонник петровских реформ. Он ратует за их углубление и изменение социальной базы реформ путём укрепления крестьянского хозяйства и увеличения «Царского сбора» (за счет перераспределения феодальной ренты в пользу Царя). Посошков считает, как и древневосточные авторы, что Царь – верховный собственник всей земли («земля – Божья, а Царь – наместник Бога»). Отсюда – идея введения всеобщего поземельного налога не только с крестьян, но и со всех других сословий и всеобъемлющего вмешательства государства в жизнь и жизнедеятельность подданных. «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того

ради они не весьма их и берегут, – пишет И. Т. Посошков, – а прямой им владелец – всероссийский самодержиц, они владеют временно» (Посошков, 2011. С. 291).

Таблица 4

Сравнительная характеристика систем собственности: власть-собственность и частная собственность

<i>Критерии сравнения</i>	<i>Власть-собственность</i>	<i>Индивидуализированная частная собственность</i>
<i>1. Форма собственности</i>	Общественно-служебная собственность	Частная собственность (индивидуальная или коллективная)
<i>2. Субъекты прав собственности</i>	Государственные чиновники – обладатели власти	Владельцы ресурсов, домохозяйства – владельцы собственности
<i>3. Тип правомочий собственности</i>	Властные общественно-служебные правомочия (полномочия) чиновников в рамках иерархической системы государственного управления	Индивидуализированные правомочия владения, пользования, распоряжения и др.
<i>4. Характер распределения правомочий между субъектами (степень индивидуализированности) и степень исключительности</i>	Правомочия размыты между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полной мере никому. Реализация правомочий имеет форму службы	Отдельные пучки правомочий принадлежат независимым от власти и государства частным собственникам
<i>5. Целевая функция субъектов</i>	Максимизация разницы между полученными «раздачами» и произведенными «сдачами»	Максимизация приведенной текущей стоимости активов частного предприятия или дивидендов по акциям (долям в предприятии)
<i>6. Система стимулов</i>	Административное принуждение и контроль	Индивидуальные стимулы к повышению личного благосостояния
<i>7. Механизмы и инструменты передачи прав собственности</i>	Реципрокный обмен (пожалования и конфискации) и редистрибутивный обмен («сдачи» и «раздачи»)	Свободный рыночный обмен (контракты между независимыми участниками)
<i>8. Субъекты-гаранты прав собственности</i>	Специальные административно-карательные подразделения центральной и региональной власти	Суды, правоохранительные органы
<i>9. Механизмы гарантий прав собственности</i>	Административные жалобы	Исковые заявления против нарушителей контрактных обязательств
<i>10. Структура и состав транзакционных издержек</i> а) Спецификация (установление) прав собственности б) передача и перераспределение в) Защита	а) Права собственности намерено размываются чиновниками в целях извлечения ренты и как база для коррупции. б) Высокие издержки влияния в рамках иерархических структур; в) Защита прав производится государственными чиновниками «в индивидуальном порядке»	а) Права собственности четко специфицированы с помощью легальных процедур; б) Издержки заключения и выполнения контрактов; в) Государство защищает в рамках установленных законом процедур права индивидуальных собственников

Таблица составлена А. Б. Руновым.

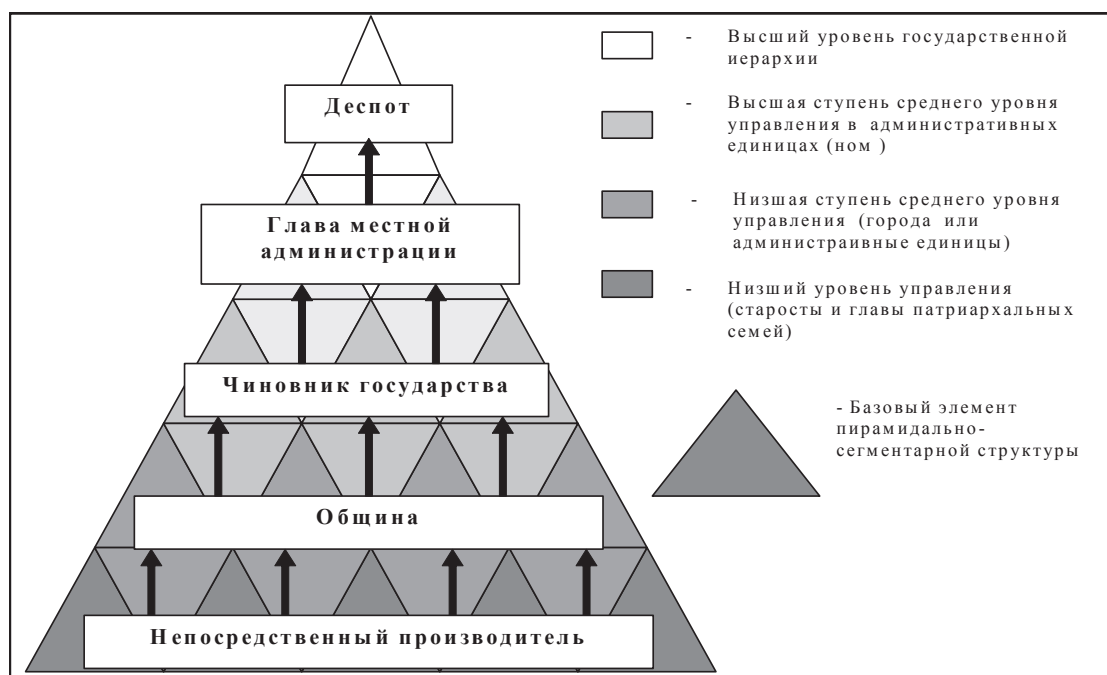

Рис. 4. Движение ренты-налога в системе власти-собственности

Фактически Посошков выступает проводником идеи власти-собственности, которая глубоко отличается от института частной собственности. Различными являются субъекты и форма собственности, типы правомочий собственности и характер их распределения между субъектами, целевая функция субъектов и система стимулов, механизмы и инструменты передачи прав собственности, а также структура и состав транзакционных издержек (подробнее см. табл. 4). Другой является и система управления: она становится пирамидально-сегментарной (см. рис. 4)⁵. *Власть-собственность* возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже (Service, 1975; Sahlins, 1968; Fried, 1967; Васильев, 1982). Посошков, судя по его книге, разделяет также и идею условных (феодалных) прав собственности, согласно которой крестьянин имеет такое же право на землю, как и помещики. Однако для него характерно непонимание того, что помещики фактически проводили политику царя.

2) Промышленная политика: капиталистическая или феодальная?

Посошков – последовательный сторонник петровских реформ. Он требует навести порядок во всём с помощью сильной государственной власти. Перестройка промышленности мыслится им как развитие обрабатывающей промышленности, ориентированной вовне (т.е. прежде всего на экспорт). Однако он не выступает против ее крепостнической природы. Наоборот, он предлагает царю организовать поимку «гулящих ребят» – беглых крепостных крестьян. Крепостнические рамки промышленной политики связаны, с одной стороны, с неразвитостью вольного найма и с дороговизной его оплаты, с другой стороны.

Посошков также выступает за активное субсидирование низших форм производства. При этом он не исключает дифференциацию ремесла, и обосновывает борьбу с «неуказным производством», то есть фактически защищает монопольное право на производство того или иного товара «указными фабрикантами».

3) Торговая политика

Перестройка торговли мыслится им как ограничение экспорта сырья и

⁵ Подробнее см. (Нуреев, 2011; Нуреев и Латов, 2011).

увеличение экспорта готовой продукции. Однако он сторонник соблюдения сословного принципа торговли. Он просит царя защитить интересы купцов от конкурентов-«обидчиков». Такими «обидчиками» являются крестьяне и дворяне. Он считает, что зажиточному крестьянину с «пожитком» в 100-200 рублей необходимо записаться в купечество. Но он решительно выступает против дворянской торговли, которой способствовал Указ о единонаследии (1714 г.).

И. Т. Посошков выступает за единый общероссийский рынок, критикуя процедуру многократного сбора пошлин на внутренних таможах. Он – решительный сторонник пересмотра структуры импорта, выступая против ввоза украшений, дорогой одежды, предметов роскоши, особенно тех, которые могли бы производиться внутри страны.

В этой связи естественно возникает вопрос, кем объективно является Посошков – меркантилистом или камералистом?

Не следует забывать, что меркантилизм выступает как ранняя форма экономического национализма, когда интересы своей нации должны быть удовлетворены за счёт интересов более слабых наций, прежде всего, посредством внешней торговли. Россия, оказавшись во втором эшелоне развития капитализма, должна была защищать свои интересы в борьбе с ушедшими вперёд западноевропейскими нациями. Поэтому не удивительно, что национализм Посошкова ближе к средневропейскому «защищающемуся» национализму, чем к английскому «наступательному».

Вместе с тем забота об интересах российского государства в целом выходит у него на передний план, что объективно роднит его с камералистами. Однако если мы посмотрим, в чём, по мнению Посошкова, должен заключаться «царский интерес», то он сводится им в первую очередь к набору феодальных/«азиатских» монополий, связанных с мелочной регламентацией хозяйственной жизни. Об этом наглядно свидетельствует, например, девятая глава «О царском интересе», которая включает следующие разделы:

1. «Худой тот сбор, когда кто казну собирает, а людей разоряет...»;
2. «Корабельные дела»;
3. «О посошной работе»;
4. «О царском интересе» в торговле;
5. «О соляной продаже»;
6. «Пошлинный сбор с прочих товаров» (торговля внутренняя и внешняя);
7. «Питейные сборы»;
8. «О денежном деле»;
9. «Царь судья и подобен он богу» (вместо заключения) (Посошков, 2011. С. 327-394).

6. Эпилог

И в заключение задумаемся над тем, кто же такой Посошков – революционер или консерватор?

- Он выдвигает широкую программу альтернативной Петру I концепции модернизации России, но апеллирует к тому же самому Петру для её реализации.
- Посошков отстаивает идею укрепления крестьянского хозяйства за счёт ограничения власти помещиков, наивно полагая, что помещики якобы **не являются** проводниками политики того же самого полуфеодального государства, и не понимая, что они пытаются, как и само государство, своими традиционными методами приспособиться к новой реальности.
- Он выступает за усиление вертикали власти, не понимая того, что это усиление объективно означает возврат к восточному деспотизму с его властью-собственностью и азиатскому способу производства.

Не удивительно, что его сочинение в дальнейшем стало объектом дискуссии между сторонниками государственной школы (С. М. Соловьев, Н. П. Павлов-

Сельванский, В. О. Ключевский, А. И. Пашков и др.) и ее противниками (А. Г. Брикнер, В. П. Безобразов, С. Н. Булгаков, Г. В. Плеханов, Д. И. Розенберг и др.).

Сторонникам традиционного подхода к идеям Посошкова как взглядам гениально-непонятого прогрессивного мыслителя не надо забывать, что его взгляды получали и остро-критическую оценку. В частности, «вера в полицейское государство и регламентации» и отсутствие сомнений в ее целесообразности, а также враждебное отношение к загранице вызвало резко отрицательную оценку книги Посошкова со стороны С. Н. Булгакова (*Булгаков, 1914. С. 36-37*). «Московским прогрессистом», «консерватором по преимуществу» называл И. Т. Посошкова Г. В. Плеханов, считавший, что «Книга о скудости и богатстве» насквозь пропитана «духом вотчинной монархии» (*Плеханов, 1925. С. 104-136*).

Вряд ли понимал всё это так глубоко неутомимый правдоискатель Иван Тихонович Посошков, искренне верящий, что сильное и всемогущее государство, строго регламентирующее повседневную жизнь всех сословий российского общества, станет основой процветания горячо любимой им Родины: «И сие мнения моего изъяснительное писание о истреблении всякой великой и малой неправды и неисправностей и о насаждении прямой правды и справедливости, насколько меня Бог помощью своей ниспослал, всё написал без пристрастия. И предлагаю на рассуждение токмо единого высокопарного белого орла, явного правдолюбца, императора всероссийского, Петра Великого, истинного самодержца и столпа незыблемого. О сём же свидетель мне есть Бог, что я не себя ради сие писал, но токмо ревность моя понудила меня на сие дело» (*Посошков, 2011. С. 393*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгаков С. Н.* (1914). История экономических учений. 4-е изд. М.: Тип. Н. А. Яшкина. Ч. II.
- Васильев Л. С.* (1982). Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М.: Наука.
- Васильев Л. С.* (1998). История Востока. М.: Высшая школа.
- Всемирная история экономической мысли в 6 томах. Т. 1. (1987) М.: Мысль.
- Зайцева Л. И.* (1995). Первый русский экономист и мыслитель – Иван Тихонович Посошков. М.: Институт экономики РАН.
- Зайцева Л. И.* (2010). Иван Тихонович Посошков о богоустройстве русской жизни и Россия Петра Первого. М.: Институт экономики РАН.
- Кафенгауз Б. Б.* (1937). И. Т. Посошков, его жизнь и социально-экономические воззрения // *Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве*. М.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Латов Ю. В.* (2013). Иван Посошков как зеркало российской модернизации // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 1.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19.
- Нуреев Р. М.* (2011а). Государственная система сельских земледельческих общин – традиционная командная экономика в национальном масштабе // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 9, № 1.
- Нуреев Р. М.* (2011б). Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА.
- Нуреев Р. М. и Латов Ю. В.* (2011). Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // *Мир России*, № 4.
- Нуреев Р. М. и Латов Ю. В.* (2013). От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития императорской России // *Мир России*, № 4.
- Пантин И. К., Плимак Е. Г. и Хорос В. Г.* (1986). Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М.: Мысль.
- Платонов Д. Н.* (1989). Иван Посошков. М.: Экономика.

- Плеханов Г. В.* (1925). История русской общественной мысли. Т. 2 // *Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. XXI. М.-Л.: Государственное издательство.
- Поршнев Б. Ф.* (1964). Феодализм и народные массы. М.: Наука.
- Посошков И. Т.* (2003). «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. Со вступительной статьёй Ю. М. Осипова, комментарием Б. Б. Кафенгауза и послесловием М. П. Погодина. М.: Наука.
- Посошков И. Т.* (2011). «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. М.: Издательский дом «Экономическая газета».
- Стучевский И. Л.* (1976). Пропаганда государственного централизма в художественной литературе Древнего Египта (по данным «Пророчества Неферти» и «Речений Ипусера») // *Тутанхамон и его время*. М.: Наука.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж. и Якобсен Т.* (1984). В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М.: Наука.
- Цаголов Н. А.* (1949). К вопросу об экономическом содержании «крестьянской реформы». Теоретические заметки // *Известия АН СССР. Отделение экономики и права*, № 6.
- Fried M.* (1967). *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York.
- Herschenkron A.* (1962). *The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
- Leon P. ed.* (1977). *Histoire economique et sociale do monde 1*. Paris.
- Sahlins M.* (1968). *Tribesmen*. Englewood Cliffs.
- Service E.* (1975). *Origin of the State and Civilization*. New York.

REFERENCES

- Bulgakov S. N.* (1914). *History of Economic Thought*. 4th ed. M.: Print. House of N. A. Yashkin. Part II. (in Russian).
- Vasilyev L. S.* (1982). Phenomenon of Power-Property. On the Problem of Pre-capitalist Structures Typology. *Types of Public Relations in the East during the Middle Ages*. M.: Nauka. (in Russian).
- Vasilyev L. S.* (1998). *History of the Orient*. M.: Higher School. (in Russian).
- World History of Economic Thought in 6 volumes. Vol. 1.* (1987). M.: Thought. (in Russian).
- Zaitseva L.* (1995). *The First Russian Economist and Thinker - Ivan T. Pososhkov*. M.: Institute of Economics of RAS. (in Russian).
- Zaitseva L. I.* (2010). *Ivan T. Pososhkov about Bogoustroenie of Russian Life and Russia of Peter I*. M.: Institute of Economics of RAS. (in Russian).
- Kafengauz B. B.* (1937). *I. T. Pososhkov, His Life and Social-Economic Views*. *Pososhkov I. T. Book on Poverty and Wealth*. M.: State Economic and Social Publishing. (in Russian).
- Latov Y. V.* (2013). Ivan Pososhkov as the Mirror of Russian Modernization. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 1. (in Russian).
- Marx K. and Engels F.* *Works*. Vol. 19. (in Russian).
- Nureev R. M.* (2011a). The Public System of Rural Agricultural Communities Is the Traditional Command Economy in the National Scale. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 1. (in Russian).
- Nureev R. M.* (2011b). *Russia: peculiarities of institutional development*. M. NORMA. (in Russian).
- Nureev R. M. and Latov Y. V.* (2011). When and Why Did Development Ways of Russia and Western Europe Diverge (Approach from the Perspective of Institutional Economic History). *World Russia*, no. 4. (in Russian).
- Nureev R. M. and Latov Y. V.* (2013). From "Oriental Despotism" to "Medium-Weak Capitalism": Ragged Path of Institutional Development of Imperial Russia. *World Russia*, no. 4. (in Russian).

- Pantin I. K. Plimak E. G. and Horos V. G.* (1986). *Revolutionary Tradition in Russia: 1783-1883*. M.: Thought. (in Russian).
- Platonov D. N.* (1989). *Ivan Pososhkov*. M.: The Economy. (in Russian).
- Plekhanov G. V.* (1925). *History of Russian Social Thought*. Vol. 2. *Plekhanov G. V. Works*. Vol. XXI. Moscow-Leningrad: State Publ. House. (in Russian).
- Porshnev B. F.* (1964). *Feudalism and the Masses*. M.: Nauka. (in Russian).
- Pososhkov I. T.* (2003). "The Book on Poverty and Wealth" and Other Works. With an Introduction by Y. M. Osipov, Commentary by B. B. Kafengauz and Afterword by M. P. Pogodin. M.: Nauka. (in Russian).
- Pososhkov I. T.* (2011). "The Book on Poverty and Wealth " and Other Works. M.: Publ. House "Economic Newspaper". (in Russian).
- Stuchevsky I. L.* (1976). Promotion of State Centralism in Literature of Ancient Egypt (According to "Neferti Prophecies" and "Sayings Ipusera"). *Tutankhamun and his time*. M.: Nauka. (in Russian).
- Frankfort G., Frankfort G. A., Wilson J. and Jacobsen T.* (1984). *In Anticipation of Philosophy: Spiritual Searching of Ancient Man*. M.: Nauka. (in Russian).
- Tsaholov N. A.* (1949). On the Question of the Economic Content of the "Peasant Reform". Theoretical notes. *Proceedings of the USSR. Department of Economics and Law*, no. 6. (in Russian).
- Fried M.* (1967). *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York.
- Herschenkron A.* (1962). *The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
- Leon P. ed.* (1977). *Histoire economique et sociale do monde 1*. Paris.
- Sahlins M.* (1968). *Tribesmen*. Englewood Cliffs.
- Service E.* (1975). *Origin of the State and Civilization*. New York.

ИВАН ПОСОШКОВ – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИСТ

БУДКЕВИЧ ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Макроэкономика»,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: papirus7@mail.ru

Иван Посошков первым сумел понять основные социально-экономические задачи, стоящие перед Россией, решение которых было необходимо для ее прогрессивного развития. В 1724 г. он написал книгу «О скудости и богатстве», которая принадлежит к числу выдающихся произведений не только русской, но и мировой экономической литературы. Посошков раскрывает развернутую и стройную систему экономических взглядов, что дает право назвать его первым российским экономистом. Безусловно, он обосновывал свои умозаключения, будучи ограничен интеллектуальными пределами своей эпохи. В то же время его понимание основных направлений государственной национальной экономической политики России актуально и сегодня.

Ключевые слова: меркантилизм; институционализм; государственные доходы; богатство вещественное; богатство неимущественное; внутренний продукт; производительность труда; упорядочивание налогов; национальная торговля; общегосударственные интересы.

IVAN POSOSHKOV – THE FIRST RUSSIAN ECONOMIST

BUDKEVICH GALINA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Macroeconomics»,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
e-mail: papirus7@mail.ru

Ivan Pososhkov was a remarkable spokesman of the new line of Russian economic mind in XVII - XVIII cc., whose merit was that he was the first to understand key challenges that Russia was facing to move to prosperity and progressive development. His merits cannot be diminished just due to the fact that he proved his conclusions within a framework of his times. His understanding of the main directions of national economic policy is relevant in our days. In 1724 Pososhkov wrote «Book on Poverty and Wealth», which now belongs to the treasury of the most distinguished economic writings not only in Russia, but in the whole World. In this book he explains developed and harmonic system of economic views, which gives a right to call him the first Russian economist. Also a number of works belong to his feather, where the problems of money supply, military, religious problems and the issue of morality are investigated.

Keywords: mercantilism; institutionalism; public revenues; real wealth; immaterial wealth; domestic product; efficiency of labor; tax ordering; national trade; national interests.

JEL: B31, B52.

Жизнь Ивана Тихоновича Посошкова (1652-1726) относится к периоду рубежа XVII-XVIII вв., когда Россия вступила в новый период своего развития. Это была эпоха Петра I, одним из наиболее значимых постулатов политики которого

стала идея служения самодержца общему благу, славе и чести народа российского. Вся деятельность Петра Великого была направлена на то, «как бы государством управлять таким образом, чтобы все его подданные, попечением его о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Способность служить общему благу, славе и чести народа российского стала основой русской политической идеологии начала XVIII века.

Энергичная деятельность Петра Великого по реформированию государства послужила толчком к развитию экономической мысли. Получает развитие процесс понимания и развернутого обоснования необходимости ликвидации экономической отсталости России, сохранения и укрепления её независимости. Наиболее ярким выразителем нового направления русской экономической мысли этого периода явился Иван Посошков, заслуга которого состоит в том, что он первым сумел понять основные задачи преодоления отсталости России и обосновать условия ее процветания и прогрессивного развития.

Как известно, к концу жизни И. Т. Посошков написал книгу «О скудости и богатстве», которая принадлежит к числу выдающихся произведений не только русской, но и мировой экономической литературы. В этой книге он излагает развернутую и стройную систему экономических взглядов, что дает право назвать его первым российским экономистом. Книга была написана к 1724 г., Петр I умер в 1725 г., но, видимо, книга до него не дошла из-за его болезни в последние годы, хотя предназначалась именно для него. Данное произведение проникнуто глубоким патриотизмом и заботой о благополучии родины, где всесторонне анализируется жизнь страны, её недостатки, содержатся практические указания к их устранению. По своей злободневности и вере в великое будущее России она актуальна и сегодня. В работе подчеркивается, что для решительных преобразований необходимы вмешательство государства, его политическая воля для наступления на интересы «власть имущих» - дворян и землевладельцев. В результате в августе 1725 г. Посошков был арестован и заключён в Петропавловскую крепость, где умер 1 февраля 1726 г.¹

Взгляды экономиста, изложенные в книге «О скудости и богатстве», являлись во многом новаторскими не только для России, но и для Европы. Если попробовать дать общую характеристику экономическим воззрениям Посошкова, то его следует считать одновременно и меркантилистом (он являлся идеологом абсолютной монархии и купечества), и первым российским институционалистом.

Как меркантилист, он выступал не столько с системой теоретических взглядов, сколько с системой практических рекомендаций прогрессивных преобразований, подъема и возрождения производства, совершенствования управления в России. В отличие от западноевропейских меркантилистов, он не отождествлял богатство с деньгами. Богатство государства И. Т. Посошков видел в создании таких условий в стране, при которых путем обогащения всего народа будет обеспечен непрерывный рост государственных доходов. В богатстве всего народа страны он видел могущество государства. Не обогащение господствующих классов, а повышение благосостояния всего народа, по его мнению, создает прочную экономическую основу государства: «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому» (*Посошков, 1951. С. 77*). При богатом народе, по его словам, «царские сокровища с излишеством наполняются», а в случае надобности всегда можно легко будет взять «прибавочный побор» (*Посошков, 1951. С. 14*).

Посошков различал богатство вещественное и невещественное.

Под вещественным богатством он подразумевал богатство государства (казны), а также богатство народа, что по современной терминологии можно отождествить с валовым внутренним продуктом. Источником вещественного богатства Посошков считал труд людей, занятых как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Он заявляет, что никто не имеет права жить без работы и даром

¹ Подробнее о биографии Посошкова см. (*Кафенгауз, 1951; Платонов, 1989*).

есть хлеб. Всякий человек должен трудом производить нужное для своего существования и давать, кроме того, «прибыток». Посошков устанавливал связь между ростом вещественного богатства и уровнем производительности труда. При этом он считал, что свободный труд является более производительным, чем подневольный труд на помещика. В качестве обязательного принципа он выставлял требование не только трудиться всем, но и трудиться с «избытком» — с излишком против того, что нужно для существования работающего, т. е. каждый должен производить еще и прибавочный продукт.

Под невестественным богатством Посошков понимал «истинную правду»: законы, правовые условия, эффективное управление страной – т.е. «правила игры», те ценности, которые сегодня мы называем «институтами», способствующими здоровому функционированию рыночной экономики и общества. При составлении нового Уложения он предлагает использовать лучшее, что имеется в западноевропейских законах и даже в «турецком судебнике», о котором он слышал, что в нем многое изложено «ясно и праведно паче немецкого правления».

По мнению И. Т. Посошкова, полезнее заботиться об увеличении материальных благ, в чем и состоит богатство, чем об увеличении количества денег, об обогащении казны. Источником богатства он называл производительный труд, а причинами скудости – недостаточное развитие промышленности, отсталость сельского хозяйства, неудовлетворительное состояние торговли. Для уничтожения скудости и достижения богатства Посошков предлагал два условия: 1) уничтожить праздность и заставить всех людей прилежно и производительно работать; 2) решительно бороться с непроизводительными затратами, осуществлять строжайшую экономию. В своих высказываниях о богатстве народа и о «праведных» законах И. Т. Посошков требует избавить экономику страны от бесчисленных налогов, считая, что для этого необходима реформа налоговой системы по сокращению и упорядочению налогов. Он противник множественности налогов: по его мнению, следует установить единый «государственный ... сбор..., то есть десятинный», а также установить единую пошлину с товара.

Прежде всего, И. Т. Посошков отмечал необходимость развития отечественной промышленности, диверсифицированное развитие которой и в настоящее время является актуальной проблемой для России. В числе мер, направленных на её развитие, он рассматривал насаждение приоритетных отраслей крупной промышленности, как важное средство сохранения и приумножения денег в стране, а также рациональное использование природных ресурсов, увеличение исследований месторождений полезных ископаемых. Он предлагал усилить на их базе строительство новых заводов за счет расширения государственного субсидирования и даже предлагал строить заводы за государственный счёт и передавать их затем в частные руки. Развитие отечественной промышленности он считал нужным для удовлетворения как внутреннего спроса, так и для вывоза товаров за границу. Кроме того, он считал, что развитие крупной промышленности будет способствовать росту сбережений в стране: «А как у нас в Руси обретаются вещи, ..., то всем тем надобно управлятися нам самим, а у иноземцев отнюдь бы никаких тех вещей и на полцены не покупать. А и сукон солдатских, мнится мне, у иноземцев покупать ненадобно ... сукнами нам потребно приниматися своими ж, чтоб те деньги у нас в Руси были» (*Посошков, 1951. С. 127*).

Иван Посошков ратовал за то, чтобы из России вывозили не сырье, а готовый продукт: «Чем им лен да пеньку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна парусные и канаты, и нитки, и брать у них за те полотна ефимки и иные потребные нам вещи» (*Посошков, 1951. С. 147*). Вообще следует отметить, что требование бережливости во всем, экономного расходования материальных благ и денег, жесткая позиция против хищнического отношения к естественным богатствам страны красной нитью проходит через всю книгу Посошкова. Исходя из общегосударственных интересов, он излагает наиболее целесообразные, с его точки зрения, принципы их эксплуатации.

Являясь идеологом купечества, Посошков особое внимание в своем сочинении отводил вопросам внутренней и внешней торговли. Он писал: «Торг – великое дело! Купечеством всякое царство богатица, а без купечества никакое и малое государство быть не может» (Посошков, 1951. С. 17). По его мнению, организация внешней торговли должна защищать российское купечество от иностранной конкуренции, что обеспечит высокую прибыль национальным купцам и будет способствовать приумножению денег в стране. Он считал необходимым ввозить только то, что не производится в России. Ограничение ввоза предметов роскоши должно было сохранять, по его мнению, деньги в стране. Следует подчеркнуть, что эти понятия он не ограничивал сферой быта, а рассматривал их в более широком смысле с позиций интересов общества. Ярким примером в этом отношении является его проект борьбы против хищнического отношения населения к естественным богатствам. С точки зрения современного подхода, он ратовал за сохранение экологии – выступал против хищнического истребления лесов, рыбы до нереста, сбора незрелых орехов и других подобных мер, наносящих вред природе и обществу. Посошков обоснованно доказывал, что правильные принципы использования природных богатств способствуют их умножению, а вредные наносят невосполнимый ущерб.

В отношении внутренней торговли И. Т. Посошков предлагал установить одинаковые цены на товары, «чтобы она (цена), какова в первой лавке, такова была и в последней» (Посошков, 1951. С. 120). «Установленная цена» должна была назначаться государством или «купеческим правлением», а соблюдение торговли по «установленным ценам» обеспечиваться строгой системой надзора за торговлей. Высказывания И. Т. Посошкова о торговле и промышленности обосновывают возможность отнести его к меркантилистическому направлению экономической мысли в России и к первым государственным деятелям. Этот вывод обосновывается тем, что Посошков доказывает необходимость развития национальной торговли и промышленности методами государственной опеки и государственного регулирования.

Являясь сторонником абсолютной монархии, он критически относился к системе и порядкам управления в России, видел в них препятствие к устранению скудости и умножению богатства в стране. Ставя вопрос о богатстве, он отстаивал номиналистическую теорию денег. По существу своей теорией денег И. Т. Посошков оправдывал финансовую политику Петра I, который для финансирования войн прибегал к чеканке неполноценных монет. И. Т. Посошков был глубоко убежден, что ценность денег устанавливается государственной властью. Этот взгляд на ценность денег находится в прямой связи с его воззрениями о значимости государственной власти, что соответствует эпохе неограниченного самодержавия.

И. Т. Посошков раньше физиократов XVIII в. осознает, что главным источником благосостояния страны является земля, но при этом понимает, что для реализации целей национального развития необходимо обилие денег. Для решения данной задачи он предлагал отменить подушную подать, укрепить финансы путем введения всеобщего поземельного налога. Однако государственная политика, удовлетворяющая лишь фискальным целям, не может служить основанием разумной государственной политики. По его мнению, только на почве развития сельского хозяйства и промышленности возможно процветание государства. Другими словами, впервые была высказана мысль о том, что забота правительства должна быть направлена на развитие национальных производительных сил. По мнению Посошкова, в России много нетронутых естественных богатств: когда у нас разовьется самостоятельное производство предметов насущной необходимости, иностранцы будут к нам «ласковее, прежнюю свою гордость всю отложат и за нами станут гоняться». Способы поощрения отечественной промышленности по Посошкову – это тарифы, организация складочных торговых мест, развитие мануфактур, привлечение иностранных мастеров для обучения русских, обеспечение грамотности народа и другие подобные меры.

Политика закрепощения крестьян получила своё завершение еще в Соборном уложении 1649 г. Однако Посошков, выражая интересы крестьянства, открыто требовал отмены крепостного права и стремился ограничить власть помещиков определенными рамками. Именно он впервые выступил с инициативой законодательной регламентации повинностей крепостных крестьян, поскольку считал, что среди причин бедности крестьян важное значение имеет произвол помещиков над крестьянами. Он предлагал царю оградить крестьян от насилия помещиков. Его предложения были таковы: законодательно точно определить размеры крестьянских повинностей (оброка и барщины) в пользу помещика, отделить крестьянскую землю от помещичьей. повинность должна была определяться в зависимости от земельного надела крестьянина. Одновременно Посошков рекомендовал нищих и бездомных «хватать» и прикреплять к фабрикам. Он требовал от царя заботы о крестьянстве и о национальном купечестве – заботы такой же, как он проявлял к дворянству. Для своего времени программа И. Т. Посошкова по «крестьянскому вопросу» была прогрессивной. Ее осуществление в значительной мере ослабило бы положение помещиков, что могло способствовать развитию дальнейшей прогрессивной эволюции общественных отношений.

Злободневны мысли И. Т. Посошкова о правосудии. Реформе суда и администрации посвящается целая глава в его книге, в которой рекомендуется заменить весь состав существующих судей и администраторов. «Лутши изначала ради уставления правды в суды посадить из niskих чинов, а паче из приказных людей, кои в делах искусны и страх Божий в себе имут. И с ними посадить, где пристойно, и из военного чина, кии от службы отставлены, и ис купечества, в которых острога умная есть». «И тем niskородным судьям надлежит дать такое величество, чтобы они никаких лиц не боялись, кроме Бога да царя, и делали б все свой дела но новосочиненному его императорского величества указу неизменно, а от своего ума не мудрствовали бы» (*Посошков, 1951. С. 91*). Новая администрация должна иметь сильную власть, злоупотребления чиновников должны жестоко караться. Примером может служить его предложение установить определенную таксу для «мзды» чиновникам или оплаты труда просителями. За нарушение таксы берется с чиновника штраф «сторичный», если попадаетея второй раз, следует назначить «за рубль по двести рублей, наказание на козле, а за третью вину либо смерть, либо в вечную работу к рудокопным делам». Взятничество, связанное с нарушением закона, должно повлечь за собой разорение дома виновного и его запустение, чтобы было «в роды родов памятно». Нельзя установить правосудия без того, чтобы «судей малых и великих не казнить». «Невозможно правому суду установиться, аще сто других судей не падет» (*Посошков, 1951. С. 90*). Управление и суд он сравнивает с «задерневшей» землей, на которой нельзя посеять пшеницу, пока «терния огнем не выжгут». В вопросах реформы суда и управления взгляды Посошкова следует оценить как прогрессивные. Для составления нового судебника, в частности, он считал необходимым созыв депутатов от всех сословий, в том числе и от крепостных крестьян.

К злоупотреблениям со стороны господствующего класса относятся и выразительные слова Посошкова о безуспешности усилий Петра I: «он на гору, аще и сам десять тянет, а под гору миллионы тянут, то како дело его споро будет? И аще кого он и жестоко накажет, ажно на то место сто готово» (*Посошков, 1951. С. 99*). Однако эти мысли автора не следует трактовать как критику «провалов» реформаторской деятельности Петра Великого. Эти критические высказывания относятся лишь к представителям господствующего класса, к дворянству, потворствующему злоупотреблениям, а также к недостаткам управления, которые мешают процветанию России. Предложенные преобразования, по его мнению, должны привести страну к богатству и к социальному миру, к золотому веку, когда укоренится любовь и правда, исчезнет вражда и даже «высокомнимые» дворяне присмиреют.

Посошков не уставал повторять, что наша родина не уступает другим

странам своими богатствами и возможностями, он верил в дарования русского народа. При этом он признает, что, возможно, будет полезным приглашать на русскую службу знающих и «радетельных» иноземцев – военных и мастеров. Но вместе с тем он указывает на своекорыстные иноземцев, которые «засунут сильным персонам подарок рублей во сто» и за то получают «прибыли себе по миллиону» (Посошков, 1951. С. 123).

Заслуга И. Т. Посошкова состоит в том, что он внес значительный вклад в дело экономического развития России, правильно понял основные задачи ее развития и боролся за их осуществление. Все сделанное им с полным обоснованием позволяет назвать его «первым русским экономистом». Многие мысли И. Т. Посошкова опередили свое время. Труды Посошкова вошли в историю русской культуры, в историю русской политической, экономической и философской литературы. Сведения о них и о личности автора перешли в западноевропейскую научную литературу, тем самым он занял почетное место и в истории мировой экономической мысли. Обзор идей нашего великого соотечественника, глубоко верящего в будущее своего народа и в процветание России, хочется закончить его же словами: «Без сомнения могу сказать... вся наша великая Россия обновится как в духовности, так и в гражданственности» (Посошков, 1951. С. 242-243).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кафенгауз Б. Б. (1951). И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.: Издательство АН СССР.

Платонов Д. Н. (1989). Иван Посошков. М.: Экономика.

Посошков И. Т. (1951). Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.: Издательство АН СССР.

REFERENCES

Kafengauz B. B. (1951). I. T. Pososhkov. Life and Activity. M.: Publ. House of the USSR Academy. (in Russian).

Platonov D. N. (1989). Ivan Pososhkov. M.: The Economy. (in Russian).

Pososhkov I. T. (1951). Book on Poverty and Wealth and Other Works. Ed. by B. B. Kafengauz. M.: Publ. House of the USSR Academy. (in Russian).

КАМЕРАЛИСТСКИЕ И «ПОЛИЦЕЙСКИЕ» ИДЕИ И. Т. ПОСОШКОВА О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ «ЗЕМЛИ РУССКОЙ»

ДЯТЕЛ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ,

*заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики
Уральского федерального университета
(ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»),
e-mail: dytelevgeny@rambler.ru;*

ГАТИНА ЭЛЬМИРА РИНАТОВНА,

*студент
Высшей школы экономики и менеджмента УрФУ,
e-mail: egatinie@gmail.com*

В статье рассматриваются взгляды И. Т. Посошкова как отражение экономического мировоззрения жителей российского государства начала XVIII века. Проводится сравнение этих взглядов с возникшими в Западной Европе парадигмами экономико-правового и управленческого мышления – камералистикой и концепцией полицейского государства. Камералистика как наука об управлении государственным хозяйством была связана с камеральным (без применения метода двойной записи) счетоводством, когда учет осуществлялся через объем услуг, предоставляемых трудом, землей или «капиталом» (совокупностью создаваемых человеком экономических благ). В концепции полицейского государства исходным пунктом анализа выступал человек как член сообщества (государства), умеющий соблюдать правила общежития и законы, грамотно хозяйствовать. Определить нормы поведения такого человека и условия, способствующие достижению этой цели, – вот задача, которую ставил перед собой И. Т. Посошков.

Ключевые слова: история экономической мысли; вещественное и невещественное богатство; камералистика; полицейское государство.

CAMERALISTIC AND “POLICE” IDEAS OF I. POSOSHKOV ABOUT “RUSSIAN LAND” ACCOMPLISHMENT

DYTEL EVGENY, P.,

*Head of the Department “Economic Theory and Economic Policy”,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
e-mail: dytelevgeny@rambler.ru*

GATINA ELMIRA, R.,

*Student,
Graduate School of Economics and Management - Ural Federal University,
e-mail: egatinie@gmail.com*

The paper presents I. T. Pososhkov's views as a reflection of XVIII century Russian state residents' economical mindset. There is a comparison between these views and the paradigms of economical, legal and managerial thinking which emerged in Western Europe – cameralistics and the conception of police state. Cameralistics as a science related to government household was connected with cameral accounting (without double entry method), when account was maintained through a services volume given by labor,

land or "fund" (human-produced economic goods complex). According to the conception of police state, a person in his social determination is an analysis benchmark. He is a community (government) member that is able to observe social behavior rules and the laws, to keep house correctly. A goal set by Pososhkov is to describe behavior norms of such a person and conditions which help to solve this purpose.

Keywords: *history of economic thought; material and non-material wealth; cameralistics; police state.*

JEL: B31.

Становление императорской Руси в эпоху Петра I требовало решения большого числа задач, начиная с определения и достижения естественных границ государства, его землеустройства и заканчивая вопросами управления народным хозяйством огромной страны. Практические задачи предполагали их теоретическое осмысление, за которым следует выработка определенных рекомендаций. Одним из тех, кто взял на себя этот нелегкий труд, был Иван Тихонович Посошков.

И. Т. Посошкову и его литературным произведениям посвящено немало работ. После многих глубоких и детальных исследований (например, обзора Н. П. Павлова-Сильванского (*Павлов-Сильванский, 2009*), на который опираются авторы¹), казалось бы, мало что можно добавить в осмыслении его вклада в становление экономической мысли в Российском государстве. Зачем же наши современники обращаются к И. Т. Посошкову: из любознательности, из стремления уточнить какие-то детали, в порядке изучения истории экономической учений, или по другой причине?

Достижение переднего края науки является необходимым условием получения новых результатов независимо от того, какой аналитический аппарат используется ученым, каких взглядов он придерживается, в какой стране живет и какими языками владеет. Однако чтобы это требование не было формальным, необходимо глубокое изучение истории вопроса. Наука как единое целое существует не только в пространстве, но и во времени. Анализ истории науки выявляет упущенные возможности и неиспользованные открытия.

Еще более важно определение долговременных тенденций общественного развития и научного познания, выраженных в принципе совпадения логического и исторического. К. Маркс проиллюстрировал его образным выражением: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Далее он отмечал: «Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» (*Маркс и Энгельс. Т. 46. Ч. 1. С. 42*). Сделаем еще один шаг, признаем, что еще не проявившееся системное качество может генерировать становление «целого», под которым мы понимаем не только (не столько) анатомию человеческого организма, сколько социально-экономическое устройство общества. В этом утверждении нет ничего особенно нового, поскольку речь идет о процессах самоорганизации в живой и неживой природе. Проблемным кажется применение этого положения к данному конкретному случаю. Неужели И. Т. Посошков мог сформулировать некие положения, актуальные с точки зрения современных управленческой и экономической наук?

Отдавая должное этому выдающемуся человеку, напомним читателю основные факты его жизни. Посошков Иван Тихонович родился под Москвой в 1652 или 1653 г., умер 1 февраля 1726 г. в Петербурге. Село, где он родился, состояло в ведении Оружейной Палаты, жившие в нем крестьяне работали в различных мастерских Государева двора. Этим путем, по-видимому, Посошков и приобрел свои разнообразные технические познания — по иконописи, гравированию и черчению,

¹ Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869-1908) относится к числу классиков российской экономической науки, поэтому его наблюдения по поводу работ Ивана Посошкова сохраняют актуальность и в наши дни, спустя более 100 лет. Многие цитаты из «Книги о скудости и богатстве» в данной статье даны по работе Н. П. Павлова-Сильванского из «Большой биографической энциклопедии».

оружейному делу и в особенности по столярному ремеслу, чеканке денег и винокуренному производству. В «Книге о скудости и богатстве» Посошков рассказывает, в частности, что в 1700 г., когда Петр I повелел делать круглые медные деньги, и «никто из русских людей, ни из иноземцев не сыскался такой человек, чтобы те инструменты к такому делу соорудить», тогда Посошков взял эту работу на себя и «все то денежное дело установил». Правда, в своей практической предпринимательской деятельности Посошков не имел особенного успеха, хотя был искусным техником, умным, предприимчивым человеком и бережливым хозяином. После ряда неудач лишь под конец жизни он после долговременной усердной работы приобрел некоторый достаток.

Неуспех его практической деятельности, видимо, обуславливался тем, что умственные его интересы часто перевешивали заботу о материальном достатке. «От юности своей — искренно говорит он — был таков: лучше ми какову пакость на себя нанести, нежели видя что бесполезно молчать». Не имея сил умолчать, исполненный «презельной горячности» к общему благу, он пишет ряд докладных записок (проектов) и три обширных полемических сочинения; пишет к ущербу для своих дел, «иногда и нужду свою домовную презрев».

И. Т. Посошков — отчаянный правдоискатель. Он считает, что все должно быть сделано правильно. Не разбирая детально источники его вдохновений, упомянем лишь, что на первом месте стоит священное писание (вернее предание, каковым является Новый завет), на втором — государева воля и интересы государя (царя), на третьем — здравый смысл, объединяющий жизненный опыт и практическую смекалку.

Главный результат его размышлений — «Книга о скудости и богатстве», сие есть изъяснение, от чего приключается напрасная скудость и от чего гобзвитое богатство умножается — была закончена 24-го февраля 1724 г. В общих чертах эта книга обсуждает два основных предмета:

- 1) всенародное обогащение, составляющее истинное царственное богатство, а в связи с этим и пополнение царской казны (царский интерес), и
- 2) истребление всякой неправды и неисправностей.

Эти два предмета, «богатство» и «правду», Посошков сознательно объединяет под общим заглавием («Книга о скудости и богатстве»), так как в «истинной правде» он видит «невещественное богатство» и находит, что «без насаждения правды» нельзя «народ весь обогатить» (Посошков, 1951. С. 1-3). Основным источником возрастания богатства, по его мнению, является «истинная правда».

Приведем примеры, как этот ресурс используется и как он не используется (в России), и что надо делать по разумению И. Т. Посошкова: «В немецких землях, — говорит он, — вельми людей берегут, а наипаче купецких людей: и того ради у них купеческие люди и богаты зело. А наши судьи нимало людей не берегут, и тем небрежением все царство в скудость приводят». И пока не устроится в России прямое правосудие, то «никакими мерами от обид богатым нам быть, яко и в прочих землях, невозможно, такожде и славы добрые нам не нажить: понеже все пакости и непостоянство в нас чинится от неправого суда и от нездорового рассуждения и от нерассмотрительного правления и разбоев... И крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды, и российская земля во многих местах запустела, и все от неправды и от нездорового и от неправого рассуждения». Ввиду этого «правосудное установление — самое есть дело высокое», «паче всех художеств, на свете сущих». С традиционными оговорками о своей мизерности и простоте, Посошков дает подробную инструкцию судье, в особенности настаивая на том, чтобы он был нравственным и богобоязненным человеком. Нравственное увещание следует поддерживать угрозой великих штрафов и жестоких казней: «невозможно правому суду установиться, аще сто, другое судей не падет: понеже у нас на Руси неправда весьма застарела...». Жестокими казнями надо вывести также и лжесвидетельство на суде: лжесвидетелям отсекают голову и на колы ставят при входе в канцелярию «и колико лжесвидетелей ни явится, всех рядом головы на коле тыкать».

Теперь попробуем ответить на вопрос: принадлежит ли И. Т. Посошков по своему мировоззрению к одному из известных нам течений экономической мысли?

Воспользуемся таблицей (см. табл. 1), в которой известный современный историк-популяризатор В. Р. Мединский сопоставляет основные черты экономического мировоззрения Ивана Посошкова и Адама Смита (*Мединский, 2010. С. 45*). По этой таблице хорошо видно их коренное различие, совпадающее с водоразделом между нормативным и позитивным подходом к экономической науке².

Это не значит, что Адам Смит, автор «Теории нравственных чувств», недооценивал роль моральных, правовых и иных норм человеческого общежития. Но для Смита эти нормы были моральной максимой преследующего свои цели эгоистического индивида³ (позже он был назван homo economicus). Такой индивид был продуктом длительного исторического развития рыночной экономики, сложившейся в условиях западноевропейской цивилизации. В России нового времени (отчасти даже в наши дни) такой индивид не считался социальной нормой.

Таблица 1

**Основные черты экономического мировоззрения И. Т. Посошкова и А. Смита
(по В. Р. Мединскому)**

Анализируемые проблемы	Иван Посошков (1652/1653 – 1726)	Адам Смит (1723-1790)
Место экономики в жизни общества	Экономика подчиняется законам нравственности и интересам людей	Экономика сама определяет все стороны жизни общества
Роль государства	Государство определяет параметры экономической жизни	Государство должно максимально устраниться из экономической жизни
Взаимоотношения участников экономической жизни	Партнерские отношения жителей «общего дома»	Эгоистические (каждый преследует личный интерес)
Цель экономической жизни	Удовлетворение потребностей людей и государства	Личное обогащение
Смысл обогащения	Служить Вере и Правде	Показать свое личное избранничество
Источник богатства	Совместный труд	Следование личным (эгоистическим) интересам
Причина бедности	Нарушение нравственных законов	Леность и глупость людей
Долг богатых	Служить обществу	Отсутствует
Обращение с бедными	Научить их зарабатывать	Изгнать их из общества (или рынок все равно их изгонит)

Чтобы найти в Европе XVIII века аналоги взглядам И. Т. Посошкова, надо обратить внимание не на классическую политэкономия, а на совсем другие, более прикладные направления экономической мысли того времени.

Цивилизация, можно сказать, складывается там, где возникает потребность и необходимость арбитража, примиряющего различные, нередко противоположные интересы. Арбитром становится лицо, которому доверено вершить «справедливый

² Нормативный подход означает, что наука не просто описывает изучаемые явления (как при дескриптивном, описательном подходе), а выдвигает рекомендации: как должна быть устроена и как должна действовать изучаемая система. Разумеется, для этого необходимо, чтобы система сама по природе была нормативной, т.е. воспринимающей управляющие воздействия. Иными словами, нормативный подход формирует менеджериальную (управленческую) экономику.

³ Сошлемся в этой связи на известный афоризм Ларошфуко: «То, что мы принимаем за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой или нашей собственной хитростью».

суд»⁴. В роли кодекса, регулирующего взаимоотношения людей, выступают религиозные, обычные, гражданско-правовые и иные нормы. Для решения спорного вопроса нужна информация, которая опирается на учет имущества, человеческого труда, в целом человеческой деятельности. И здесь мы должны признать, что едва ли главной чертой экономических размышлений И. Т. Посошкова является необходимость учета вещественного и невещественного богатства и определение путей его правильного использования. В этом смысле он *камералист*, и в этом его принципиальное отличие от экономистов как представителей позитивной экономической науки.

Камералистика – это наука об управлении государственным хозяйством. Свое название камеральные науки получили от камеральных управлений, создававшихся в средние века князьями, герцогами и королями, имевшими значительное собственное хозяйство. Для подготовки чиновников и управляющих хозяйством крупных феодалов на особых факультетах университетов и в камеральных школах преподавались науки, получившие названия камеральных. К камералистике относятся не столько научные исследования, сколько прикладные рекомендации по ведению хозяйства. Один из разделов камералистики был посвящен систематизации способов пополнения государственной казны, т.е. государственных финансов. Данное понятие четко специфицирует область рассуждений автора «Книга о скудости и богатстве».

В свое время К. Маркс охарактеризовал камералистику как «мешанину разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы» (*Маркс и Энгельс. Т. 23. С. 13*). Отметим, что германская бюрократия доказала свою эффективность в управлении «полицейским государством». Но в данном случае мы хотели обратить внимание на другую сторону вопроса. Управленец не имеет и не может иметь дела с «чистой наукой», основанной на моделировании экономической действительности дедуктивным методом (путем восхождения от абстрактного к конкретному). Талантливый бюрократ – всегда системщик, соединяющий в единое комплексное целое самые разнородные, экзогенные и эндогенные факторы. Именно такой, нормативный в своей основе, подход демонстрирует И. Т. Посошков, подчиняя все свои рассуждения об использовании земельных, человеческих и иных ресурсов достижению высших целей.

Камералистика тесно связана с так называемым камеральным счетоводством. Это одна из форм простого счетоводства, т.е. без применения метода двойной записи. Как прикладная наука, она начинается со счета денег. Отсюда своеобразный *меркантилизм* И. Т. Посошкова, ставящего во главу угла накопление товарных денег, выполняющих роль всеобщего эквивалента: «А и серебряные денги еще и не надлежит их во иные земли отъпускать, обаче лутче их делать из самого ж чистаго серебра, чтоб они противу царе-ивановских денежек чистотою были или бы и лутче, дабы в роды родов имя его и меж поселяны славилося чистотою серебров в денгах. И таковые денги надлежит в торгах русских иметь, за рубежи отнюд их не отъпускать, за рубежи одни токмо червонцы отъпускать» (*Посошков, 1951. С. 235*).

Кроме учета денег Посошков стремится учесть (регламентировать) буквально всё вокруг, включая число поклонов при молитве. «Характерной чертой религиозных воззрений Посошкова является пристрастие к внешней, обрядовой стороне религии, - пишет в этой связи Н. П. Павлов-Сильванский. - Однако он останавливается на числе поклонов не потому, что придавал им исключительное значение, а потому, что он во всем любил порядок и правила; точно так же, как, рассуждая о необходимости в канцеляриях писать уписисто, чтобы не было лишней истраты бумаги, он говорит, что на странице следует писать по 40 строк, а в записных книгах не меньше 50». С точки зрения Посошкова, это – тоже нормативы

⁴ Н. П. Павлов-Сильванский указывал, что «хотя Посошков говорит определенно о "судебнике" и о "судебной книге", но, кажется, он по-старому тесно соединяет суд с управлением и под судебником разумеет собрание законов, также, как он часто называет всяких управителей судьями».

«истинной правды» («невещественного богатства»), которые необходимо соблюдать жителям российского государства.

Автор «Книги о скудости и богатстве» стремился разумно (по его мнению) регламентировать все стороны хозяйственного поведения всех участников экономической деятельности. Вот еще один пример: «И мнитца мне, надлежит крестьянскому двору быть мерою, в долготу и с гуменником пятидесят сажен или штидесят, а шириною целому двору быть 12 сажен, а полудвору 8 сажен а четверте двору 6 сажен, а осмушечному 4-х сажен. А дълина всем одинаравная, чтобы овины у всех в далекости от двороваго строения были» (Посошков, 1951. С. 196).

Такого рода рекомендации/регламентации касаются буквально всех сторон жизни русского человека. Они увязаны с требованиями камерального учета, в котором «в отличие от патримонального (имущественного учета по двойной записи) регистрации подлежат не только расходы и доходы, но и возникновение прав на их осуществление или получение и в первую очередь бюджетные назначения» (Соколов, 1996. С. 59). Посошков, которому эта западная прикладная наука была неизвестна, пишет в полном соответствии с ее рекомендациями: «А у кого земля собственная, то он ее росчищает и распахивает и навозом наваживает и год от году и худая земля добреет, такожде и сенные покосы раскашивают, и от того царскаго величества интерес умножается» (Посошков, 1951. С. 184). Для этого, конечно, «надлежит всем жилым землям и пустошам учинить межи недвижимыя, буде с кем не разделила ни река, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотреть какую ни есть недвижимую признаку, коея б нарушить нелзя было. А буде нет таковыя признаки, то и на чистом месте мочно зделать недвижимая признака, ибо выкопать яма глубокая, аршина в три или в четыре и шириною такожде, и навозить ее полну камня болшаго и накласть бугром, чтобы матерые земли выше было, и на то камень насыпать земли аршина на дъва или болши и тот бугор вековым утином и будет» (Посошков, 1951. С. 186).

Таким образом, Иван Посошков – не простой ультра-ортодокс и ригорист, который считает, что отступление от религиозных и других установившихся в государстве норм должно строго караться вплоть до смертной казни. Он – государственный: ведь «истинное государственное богатство», как метко разъясняет Посошков, состоит не в финансах, а в благосостоянии народа, и государство должно заботиться прежде всего о богатстве народа, а не о фискальных своих интересах. «Собранию царских сокровищ», «царскому интересу» он посвящает особую (последнюю) главу своей книги, а в остальных рассуждает о «всенародном обогащении»: «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато; в коем царстве люди будут убоги, то царству тому не можно слыть богатому».

«Книга о скудости и богатстве», таким образом, не стоит особняком от тенденций экономической науки того времени. Напротив, она тесно связана именно с той сферой, которая исследовала проблемы «полицейского государства»⁵. В XVIII в. наблюдался рост числа трудов по проблемам управления, которые в меньшей степени имели научно-систематический характер, а в большей – практически-инструментальный. В них анализировались вопросы повышения эффективности управления с целью усиления и распространения государственной власти, повышения собираемости налогов и сборов, поддержки хозяйства и общего благосостояния. В качестве правового наименования государственного обеспечения «хорошего порядка» в обществе служил термин «власть полиции». Назначением полицейской государственной деятельности считалось обеспечение счастья граждан, безопасности и благосостояния. Поэтому с термином «полиция» идентифицировалось не только обеспечение правопорядка, но в целом внутреннее управление (за исключением управления финансами).

Одной из первых крупных работ, посвященных изучению «полицейской деятельности», стала книга французского ученого Н. Деламаре (1639-1723) «Трактат

⁵ В литературе можно найти справедливое утверждение, что «русским реформатором, придерживающимся модели полицейского управления, был И. Т. Посошков» (1652-1726) (Маршев, 2012).

о полиции». Н. Деламаре не определял понятие «полиция», но перечислил все предметы «полицейской деятельности», т. е. те сферы общественных отношений, которые объединены «полицейской деятельностью». В разработанной им системе Н. Деламаре выделил 11 частей той «материи», в которой применяется «полицейская деятельность»: религия; обычаи; здравоохранение; питание; публичный порядок и спокойствие (мир); дорожное хозяйство; торговля; мануфактура (производство); служебный персонал; поденная работа (т. е. работа тех, кто продавал свою рабочую силу). Совпадение с областью интересов его современника И. Т. Посошкова – практически стопроцентное.

В заключение нам хотелось бы провести параллели с современными проблемами российского общества. В наши дни высока необходимость развивать производственную и общественную инфраструктуру, включая то, что ранее называлось «полицейскими услугами». Поэтому обращение экономистов и управленцев к истокам анализа проблем государственного управления, включая «Книгу о скудости и богатстве», более чем обосновано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е.
 Маршев В. И. (2012). История управленческой мысли: Учебник. М.: Инфра-М.
 Мединский В. Р. (2010). О русском воровстве, особом пути и долготерпении. Олма Медиа Групп.
 Павлов-Сильванский Н. П. (2009). Посошков, Иван Тихонович // *Большая биографическая энциклопедия*. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103403/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2).
 Посошков И. Т. (1951). Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Редакция и комментарии Б. Б. Кафенгауза. М.: Издательство Академии наук СССР.
 Соколов Я. В. (1996). Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней: Учебн. пособие для вузов. М.: Аудит, ЮНИТИ.

REFERENCES

- Marx K. and Engels F. Work. 2nd ed. (in Russian).
 Marshev V. I. (2012). Managing thought History: Course book. M.: Infra-M. (in Russian).
 Medinsky V. R. (2010). Towards Russian Stealing, Special Route and Long Patience. Olma Media Group. (in Russian).
 Pavlov-Sylvansky N. P. (2009) Pososhkov, Ivan Tikhonovich. *Big Biography Encyclopedia*. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103403/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2). (in Russian).
 Pososhkov I. T. (1951). "Book on Poverty and Wealth" and Other Works. Ed. and Comm. by B. B. Kafengaus. M.: Publ. House of the USSR Academy. (in Russian).
 Sokolov Y. V. (1996). Accounting: from the Very Beginning till Now: Tutorial for Universities. M.: Audit, UNITY. (in Russian).

ПОСОШКОВ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ САМОБЫТНОСТИ ПРИ ВХОЖДЕНИИ РОССИИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ МИР-СИСТЕМУ

ГЛОВЕЛИ ГЕОРГИЙ ДЖЕМАЛОВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
зав. центром Института экономики РАН,
e-mail: glovelig@mail.ru*

Статья интерпретирует «Книгу о скудости и богатстве» Ивана Посошкова как своеобразную реакцию на вхождение России в рамки капиталистической мир-экономики. Голландская гегемония в ранней мир-экономике определила геокультурный ареал как западного меркантилизма, так и петровских реформ в России. Однако Российская империя стала частью капиталистической мир-системы как полупериферия, и результаты преобразований нередко оказывались противоположными исходному геокультурному ареалу мир-системного центра. Самобытная экономическая мысль Посошкова отразила эти противоречия.

Ключевые слова: мир-системный анализ; геокультурные ареалы; меркантилизм; полупериферия; «второе издание крепостничества».

POSOSHKOV AS THE MIRROR OF THE RUSSIAN ORIGINALITY DURING THE RUSSIAN INCLUSION INTO FRAMEWORK OF CAPITALIST WORLD-SYSTEM

GLOVELI GEORGE, G.,

*Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor,
State Research University «Higher School of Economics»,
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
e-mail: glovelig@mail.ru*

The paper interprets Ivan Pososhkov's "Book on Poverty and Wealth" as an original reaction to Russian inclusion into framework of capitalist World-economy. Dutch hegemony in early World-system determined common geocultural patterns for Western mercantilism as well as reforms of Peter the Great in Russia. However, Russian Empire became an integral part of capitalist World-economy as a semi-periphery, and transformations resulted frequently in contrasts of the initial geocultural patterns of World-system core. Pososhkov's native economic thought reflected these contradictions.

Keywords: World-Systems Analysis; geocultural patterns; mercantilism; peripheral empire; second serfdom.

JEL: B31.

Характеристика И. Т. Посошкова в его отношении к меркантилизму может стать точнее, если опираться на **мир-системный анализ (МСА)** – перспективный метод для синтеза стадиялистского (формационного) и локально-цивилизационного видения крупномасштабных исторических процессов. Плодотворность применения методологии МСА в истории экономических учений первым отметил Ю. В. Латов (Латов, 2007. С. 205). Однако он ограничился анализом господства современного мейнстрима как отражения конкуренции национальных экономических систем, а точнее – гегемонии **США** в «ядре» (центре) капиталистической мир-экономики

(КМЭ), т.е. современной мир-системы.

Но США – отнюдь не первый мир-системный лидер капитализма. Они стали гегемоном мир-системного ядра (МСЯ), одолев другого претендента – германский рейх («Второй» и «Третий») и сменив в этой роли **Великобританию** («фабрику мира» в XIX веке). Великобритания, в свою очередь, ранее (как «владычица морей» в XVIII веке) перехватила гегемонию у **Голландии** (Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов), попутно сокрушив другого претендента-конкурента, Францию. Наконец, гегемония Голландии стала возможной благодаря победе сформировавшейся КМЭ (мир-системы с относительно автономными и притом расширяющимися цепочками рыночного обмена, структурирующими международное разделение труда) над западной католической **мир-империей** испано-австрийских Габсбургов в Тридцатилетней войне (1618-1648 гг.). С XVI-XVII веков началось и подчинение (иногда и поглощение) КМЭ незападных мир-империй (*Валлерстайн, 2001. С. 95-107*).

Напомним читателю, что КМЭ – это иерархия с тремя ярусами: «ядром» (центром), периферийными окраинами и полупериферийными зонами. Такое неравенство структурных позиций определяет невозможность одинаковых стадий развития и пределы восхождения отсталых («догоняющих») стран.

Центр (мир-системное ядро) выделяется **отраслевым разнообразием** сельского хозяйства и растущей обрабатывающей промышленности, требующим труда более высокой квалификации, а вместе с тем – отношений аренды и вольного найма. Именно в МСЯ сосредоточены передовые технологии и фундаментальная наука.

На периферии формы контроля над трудом откатываются к внеэкономическому принуждению (барщина, плантационное рабство); обычны упадок ремесла и клерикальная реакция. Вследствие недостатка «отраслевой решётки» здесь нередко наблюдается расстыковка различных секторов хозяйства (прежде всего аграрного и ремесленно-промышленного) и подчинённое положение на мировом рынке.

Изначально (т.е. с XVI-XVII веков) МСЯ составили **приатлантические страны северо-западной Европы** (Нидерланды, Англия, Франция), а специализацией периферийных стран стали зерно, растительное сырьё (древесина, хлопок, сахар и т.п.), драгметаллы. Ослабевшие западно-средиземноморские и центрально-европейские страны (Испания, Италия, Германия), вытесненные на полупериферию, активно участвовали в перераспределении к центру ресурсов (золото, серебро, пряности) от периферийных отсталых регионов. Конкуренция за гегемонию в МСЯ между сильнейшими *национальными государствами* носила как экономический, так и военно-политический характер, но имела также и **геокультурный** аспект. Становление и функционирование КМЭ порождало «геокультурные ареалы» - страны-образцы для подражания в хозяйственном и культурном быту. Их последовательность совпадает с «эволюцией командных высот капитализма» (*Дерлугьян и Харрис, 2007. С. 6*): Северная Италия (прежде всего, Флоренция, Венеция и Генуя) – Нидерланды (Амстердам) – Англия (Лондон). Но наряду с эталонами (примерами для подражания) существовали и противоположные им отрицательные примеры.

Меркантилизм – это школа не только экономического протоанализа, но и протоанализа в **геополитике и геокультуре**. Еще А. Серра в «Кратком трактате о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов» (1613 г.) выделяет Венецию с ее «величайшей торговлей», а также противопоставляет Геную, с бесплодной почвой и множеством денег, – Неаполю, бедному при всем плодородии окрестных земель (*Серра, 2004. С. 148-149*).

Для хрестоматийных А. де Мокретьяна и Т. Мана эталонный ареал, который и восхищает, и буквально бесит от зависти, – уже Нидерланды с их громадным флотом и процветанием торговли и промышленности (см. *Люблинская, 1965. С. 117-120; Monroe, 1924. P. 175-182*). Проницательнее всех смотрит У. Петти: перечисляя

достоинства и преимущества Голландии, он отмечает значение для активного торгового баланса не только корабельного доминирования, но и разнообразия переработки дальнепривозного сырья, а также тот факт, что наиболее трудоемкие отрасли – хлебопашество и мясо-молочное скотоводство – голландцы переложили на поляков и датчан (*Петти, 1940. С. 169-171*). А Дания и особенно Польша – это как раз страны периферийной зоны «второго издания крепостничества» к востоку от Эльбы (*Виппер, 1922. С. 10-11; Бродель, 1988. С. 259-260*).

Польша (Речь Посполитая) – случай особенно одиозный, запечатленный в «Политичных думах» (1663 г.) современника Петти – «Юрия Сербенина», он же Юрий Крижанич (*Крижанич, 1997. С. 270-271*). Поборник российского великодержавия («самовладства»), он воочию наблюдал приращение России Востоком с одновременным геокультурным разворотом на Запад. Крижанич хвалит помещный способ вознаграждения воинов, «что существует ныне в этом православном царстве и у турок» как «лучший на свете» (*Крижанич, 1997. С. 124*). В то же время он фиксирует коммерческое наступление на Турцию французов, англичан и брабантцев, окруживших Константинополь-Стамбул торговыми ладьями, «словно густым лесом» (*Крижанич, 1997. С. 45*). Он обличает «чужебесие» славян, но подчеркивает, что они сами толком не умеют ни мастерить, ни торговать, ни считать. В качестве образцового примера Юрий Крижанич приводил Английскую и Брабантскую (Нидерланды) земли с удобными корабельными пристанями и торжищами, благодаря чему «процветает всякое ремесло и земледелие и великая морская торговля», а также Французское королевство с «хорошими законами» (*Крижанич, 1997. С. 33-34*).

В геокультурном видении Петра I воспроизводится то же противопоставление – отталкивающей бедной и безнарядной Польши (*Соловьев, 1991. С. 584*) и привлекательного северо-запада Европы. Можно привести множество примеров сознательной ориентации Петра Великого именно на северо-западные страны: новая столица-«парадиз» на Неве по образцу Амстердама; новый монетный двор по образцу Лондонского; желание иметь «своих Тюреннов и Сюллиев»; андреевский флаг по образцу голландского и т.д. Самодержец-меркантилист тянул страну к геокультурному ареалу и втягивал её в капиталистическую мир-систему как великую военную европейскую державу. Как метко заметил Н. М. Карамзин: «Пылкий монарх с разгоряченным воображением хотел сделать Россию – Голландиею... удивил Европу нашими победами» (*Карамзин, 1991. С. 35*). Но российская «новая Голландия» разительно отличалась от пленительного образца. Она была без торгового флота, без успеха в насаждении цехов (*Дементьев, 1903*), без перехода к интенсивному земледелию (*Гловели, 2009а. С. 120-121*). Зато – с порабощением населения в помещичьих имениях, на казённых заводах и посессионных фабриках (*Кагарлицкий, 2004. С. 261*). С усилением продовольственно-сырьевой тенденции в экспорте и зависимости в импорте от стран МСЯ. А также со «вторым изданием крепостничества» - вплоть до месячины, заклеянной А. Н. Радищевым. *Хотели, как в Голландии, – вышло, как в Польше* (*Гловели, 2009б. С. 18-23*).

Посошков (в противоположность Крижаничу, самому Петру I и его «птенцам»-проходимцам) Запада не видел, западных книг не читал. Западную науку и импортные «безделки» и «прихоти» он отвергал и обличал, бранил теми же словами, что огнепальный Аввакум – измененную обрядность. Ярый ревнитель «веры самой чистой», Посошков в «Завещании Отеческом» хулит «проклятого Коперника, Богу суперника» (цит. по: *Райков, 1947. С. 182*). Самобытному искателю христианской правды определено была чужда какая-либо идея «естественного порядка», «естественного закона» (вроде закона Орезма – Коперника – Грешема), «естественного права», «естественной цены». Какой может быть «естественный закон», когда есть «царская воля»?

Но вместе с тем Посошков – несомненный сторонник петровских преобразований и в том, что касается военно-территориальной экспансии, и в том,

что касается достижения активного торгового баланса. Здесь – схождения с западным меркантилизмом, для которого торговый баланс был неотделим от баланса политического, а различия проходят по критерию «морская» / «континентальная» держава. В то же время той поглощенности порывом к господству на морях, который пронизывает сочинения и практику английских и французских меркантилистов, Крижанича и Петра I, у Посошкова нет. Своим пристальным вниманием к «земляным делам» Посошков ближе к широко известному теперь автору памфлета «Австрия превыше всего» (1684 г.) Филиппу фон Хорнику.

Посошков был убежден, что «царство воинством расширяется, а купечеством украшается». Россия Петра и Посошкова с реформированным на западный манер воинством (о турецком примере речи уже нет!) оказалась способной «войти в европейскую геополитику при шпаге» (*Валлерстайн, 1996. С. 38*). Но вовлечение в КМЭ сопровождалось ужесточением налогового гнета в России – как и в тщившейся в то время стать лидером МСЯ Франции. Как реакция на «скудостное состояние» соотечественников, обремененных податями и пошлинами, возникает наиболее передовая (в том числе и по западным меркам) идея Посошкова – о едином налоге.

В КМЭ «Петербургская» империя была вовлечена все же не как периферия, а как полупериферия, которой поначалу удалось разнообразить свою промышленность за счет мобилизованных металлорудных ресурсов, о чем велеречиво сказал читавший «потаенную книгу» Посошкова Михаил Ломоносов (*Ломоносов, 2013. С. 19-20*). И здесь – принципиальное отличие Посошкова (так же как и Ломоносова) и от Крижанича, и от тех «либеральных народников» конца XIX в., и от современных «прокоммунистических критиков российского капитализма», с которыми сопоставляет Посошкова Ю. В. Латов (*Латов, 2013*). А также – важное добавление – от евразийца П. Савицкого. Ведь и Воронцов, и Даниельсон, и Савицкий (и повторяющий *их* аргументацию, не ведая того, шелкопер Паршев) доказывали, что капитализму западного образца положены пределы географической обездоленностью России (*Гловели, 2009а. С. 58-61, 149-151, 155*). А Юрий Крижанич, хотя главной причиной слабости ремёсел в Московском царстве считал то, что оно хотя и «безмерно велико», но со всех сторон закрыто для морской торговли, в то же время скрупулёзно перечислял ресурсы, которых России *не хватает* – от всех известных тогда семи металлов до грецких орехов (*Крижанич, 1997. С. 34*).

Посошков в этом отношении – полная противоположность. Он – «ресурсный оптимист», уверенный в изобилии «вещей, в Руси обретающихся», и сам немало изыскавший (*Посошков, 1951. С. 149-150*). Да, Посошков сетовал на то, что ничего не сыскано на Кольском полуострове (где лишь при советской власти открыт «минералогический рай»). Но все же в петровскую эпоху уральским «железом лучше свейского» прирастали и военное могущество, и экспорт России.

К сожалению, многообещающий «прорыв» времен Петра Великого быстро стал захлебываться. Одна из главных причин – в том, что такого сближения государственно-экспансионистских интересов с интересами «средних классов», которое отличало страны МСЯ, в императорско-дворянской России не произошло. Личная судьба Ивана Посошкова – яркий тому пример: историки считают, что его арест и смерть в тюрьме вызваны именно возмущением дворянской верхушки «наглою» попыткой купца давать советы императору. Россия из полупериферии сползала к периферии, к «недоедим, но вывезем» и к военным поражениям (*Гловели, 2014. С. 406-410, 423-427*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арриги Дж. (2007). Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего».

Бродель Ф. (1988). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс.

- Валлерстайн И.* (1996). Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2100 // *Свободная мысль*, № 5.
- Валлерстайн И.* (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга.
- Виппер Р. Ю.* (1922). Иван Грозный. М.: «Дельфин».
- Гловели Г. Д.* (2009а). Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. СПб.: Алетейя.
- Гловели Г. Д.* (2009б). Евразийское месторазвитие и эталонные ареалы экономических реформ в истории России // *Федерализм*, № 2.
- Гловели Г. Д.* (2014). Экономическая история. Углубленный курс. М.: Юрайт.
- Дементьев Е. М.* (1903). Цехи в России // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Полутом 75. СПб.
- Кагарлицкий Б. Ю.* (2004). Периферийная империя. М.: Ультра-Культура.
- Карамзин Н. М.* (1991). Записка о древней и новой России. М.: Наука.
- Крижанич Ю.* (1997). Политика. М.: Новый свет.
- Латов Ю. В.* (2007). История экономических учений как отражение конкуренции национальных экономических систем в ядре мир-экономики // *Terra Economicus*, Т. 5. № 3.
- Латов Ю. В.* (2013). Иван Посошков как зеркало российской модернизации (к 290-летию рождения российской экономической науки) // *Terra Economicus*, Т. 11. № 1.
- Ломоносов М. В.* (2013). Слово похвальное Петру Великому // *Русские писатели об экономике*, Т. 1. XVIII-XIX века. М.: ГЭОТАР-Медиа.
- Люблинская А. Д.* (1965). Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л.: Наука.
- Петти У.* (1940). Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз.
- Посошков И. Т.* (1951). Книга о скудости и богатстве. М.: Изд-во АН СССР.
- Райков Б. Е.* (1947). Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Серра А.* (2004). Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов // *Мировая экономическая мысль сквозь призму веков*, Т. 1. М.
- Соловьев С. М.* (1991). Сочинения. Книга VII. М.: Мысль.
- Monroe A. E.* (1924). *Early Economic Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

REFERENCES

- Arrighi G.* (2007). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. M.: Publ. House "Territory of Future". (in Russian).
- Braudel F.* (1988). *Material Civilization, Economy and Capitalism*. Vol. 2: *The Wheels of Commerce*. M.: Progress. (in Russian).
- Wallerstain I.* (1996). *Russia and Capitalist World-Economy, 1500-2100*. *Free Thought*, no. 5. (in Russian).
- Wallerstain I.* (2001). *An Analysis of World Systems and a Situation in Modern World*. Saint-Petersburg: University Book. (in Russian).
- Vipper R. Yu.* (1922). *Ivan the Terrible*. M.: Dolphin. (in Russian).
- Gloveli G.* (2009a). *Geopolitical Economy in Russia: from Discussions on Originality to Global Conceptions*. Saint-Petersburg: Aleteiya. (in Russian).
- Gloveli G.* (2009b). *Eurasian Topogenesis and Geocultural Patterns for the Economic Reforms in Russian History*. *Federalism*, no. 2. (in Russian).
- Gloveli G.* (2014). *Economic History. A Profound Course*. M.: Urait. (in Russian).
- Dementyev E. M.* (1903). *Guilds in Russia* // *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Semi-Vol. 75. Saint-Petersburg. (in Russian).
- Kagarlitsky B. Yu.* (2004). *Peripheral Empire*. M.: Ultra-Culture. (in Russian).
- Karamzin N. M.* (1991). *Memoir on Ancient and Modern Russia*. M.: Science. (in Russian).

Russian).

Krizānic Yu. (1997). Politics. M.: New World. (in Russian).

Latov Yu. V. (2007). History of Economic Thought as the Reflection of National Economic Systems Competition within the «Core» of the Economy-World. *Terra Economicus*, vol. 5, no. 3.

Latov Yu. V. (2013). Ivan Pososhkov as the Mirror of the Russian Modernization. (to the 290th Anniversary of the Russian Economic Science). *Terra Economicus*, vol. 11, no. 1. (in Russian).

Lomonosov M. V. (2013). Eulogy of Peter the Great. *Russian Writers about Economy*, vol. 1. XVIII-XIX centuries. M.: Geotar-Media. (in Russian).

Lyublinskaya A. D. (1965). French Absolutism in First One-Third of 17 century. Moscow - Leningrad: Science. (in Russian).

Petty W. (1940). Works in Economics and Statistics. M.: Sotsekgiz. (in Russian).

Pososhkov I. T. (1951). Book on Poverty and Wealth. M.: Publ. House of Academy of Science of USSR. (in Russian).

Raykov B. E. (1947). Essays on History of Heliocentric in Russia. Moscow – Leningrad: Publ. House of Academy of Science of USSR. (in Russian).

Serra A. (2004). Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere. *World Economic Thought in the Light of Centuries*, vol. 1. M.: Thought. (in Russian).

Soloviev S. M. (1991). Writings. Book VII. M.: Thought. (in Russian).

Monroe A. E. (1924). Early Economic Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press.

М. В. ЛОМОНОСОВ – ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ИДЕЙ И. Т. ПОСОШКОВА О ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

РОГАЧЕВСКАЯ МАЙЯ АНТОНОВНА,

*кандидат экономических наук, доцент,
Сибирский институт управления – филиал «Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ» (Новосибирск),
e-mail: mrogachevskaya@mail.ru*

В статье на основе нового прочтения произведений М. В. Ломоносова раскрываются его экономические суждения, в которых прослеживается преемственность идей, высказанных И. Т. Посошковым. Они направлены на достижение «благополучия, славы и цветущего состояния российского государства». Отдавая приоритет промышленному развитию России, Ломоносов устанавливает взаимосвязь народнохозяйственных отраслей с торговлей и транспортом; показывает особенность развития европейского и сибирского регионов России, особое внимание обращает на необходимость решения социальных проблем. Воззрения Ломоносова являются соответствующими более высокому уровню развития страны, чем идеи Посошкова.

Ключевые слова: история экономической мысли; российская экономика; промышленность; земледелие; Северный морской путь; народонаселение.

M. V. LOMONOSOV AS THE FOLLOWER OF I. T. POSOSHKOV'S IDEAS ON ECONOMIC DEVELOPMENT PROBLEMS IN RUSSIA

ROGACHEVSKAYA MAYA, A.,

*Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Siberian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Novosibirsk),
e-mail: mrogachevskaya@mail.ru*

The author considers new approaches to economic judgments in works written by M. V. Lomonosov, where one can observe the continuity of ideas put forward by I. T. Pososhkov. Those are aimed at the achievement of “well-being, glory and prosperity of the Russian state”. Putting the priority on the industrial development of Russia, Lomonosov established interrelations between economic branches, trade and transport; showed peculiarities of the development of European and Siberian regions of Russia. A special attention is paid to the necessity to solve social problems. Lomonosov's views are independent and correspond to a higher level of the development of the country.

Key words: history of economic thought; the Russian economy; industry; agriculture; the Northern Sea Route; population.

JEL: B31.

Условия формирования экономических воззрений М. В. Ломоносова

Экономическое развитие России, относительно медленное в XVI-XVII веках, было резко ускорено Петром I, который разработал широкую программу преобразования России. Обратив особое внимание на насаждение крупной

промышленности, он содействовал развитию внешней и внутренней торговли, сельского хозяйства, расширению водных путей сообщения; укреплял финансы и денежное обращение страны. На этой основе начали складываться экономические условия, соответствующие отношениям *мануфактурного* меркантилизма, минуя *монетарный*, приведя к представлению в сознании российских людей понятия богатства не в деньгах, а в натурально-вещественной форме.

Глубоко уважавший Петра I И. Т. Посошков, будучи сторонником идеи сильного государства, пишет для него книгу, нацеленную на подъем экономического значения России в Европе. Решение поставленной задачи Посошков видит в *приумножении* факторов, способствующих *росту богатства*, и *преодолении* факторов, приводящих к его *потерям* (Посошков, 2010. С. 47). Анализ его направляется на расширение и углубление реформ, проводимых Петром Великим.

Изложенные в «Книге о скудости и богатстве» проблемы привлекли внимание образованного общества. Поскольку «Книга...» в то время напечатана не была, то многие переписывали ее для себя. Имелась она и в личной библиотеке М. В. Ломоносова, с которой он поручил сделать копию для академической библиотеки.

Будучи членом Петербургской академии наук, Михаил Ломоносов в своей практической деятельности стремился обеспечить достижение величия России, направляя свои помыслы и дела на преодоление ее экономической и культурной отсталости. На этом поприще он показал себя экономистом, способным решать крупные задачи национального масштаба. Однако отечественные историки, занимавшиеся исследованием возникновения и развития русской экономической мысли, уделяли его воззрениям незначительное внимание, считая Ломоносова лишь демографом, поскольку цельного экономического произведения, предназначенного для научной аудитории или для широкого круга читателей, он не оставил.

Между тем, внимательное прочтение ряда работ, относящихся к конкретным производственным и техническим вопросам, обнаруживает, что Ломоносов, доводя научные исследования до степени практической реализации, делал и соответствующие экономические выводы. Можно уверенно полагать, что его интерес к экономическим проблемам был вызван не просто чтением, а внимательным изучением «Книги о скудости и богатстве», многие рассуждения автора которой находили понимание и развитие в собственных работах Ломоносова.

Деятельность Ломоносова в значительной степени пришлась на период царствования Елизаветы Петровны, когда сложились благоприятные условия для развития естественных наук. Решая текущие задачи, он видел их перспективу и во многих случаях работал впрок, обогнав свой век.

Постепенно у него накапливались знания, позволившие ему выработать собственное суждение о социально-экономическом состоянии России. Продолжая размышлять об экономической пользе химии, физики и других естественных наук, о металлургической и металлообрабатывающей отраслях промышленности; думать о положении народа, он приходит к выводу, что в экономике все должно быть взаимосвязано и взаимообусловлено.

Можно предположить, что этому способствовала и его работа над мозаичным портретом Петра I, задуманном еще в первой половине 1750-х годов. Портрет должен был представлять крупное масштабное полотно, составленное из огромного количества кусочков разнообразного материала и формы, на котором Петр занимает центральное место на фоне полтавского сражения. Можно предположить, что с того периода в уме Ломоносова стало складываться представление о народном хозяйстве, как о совокупности множества разнообразных взаимосвязанных экономических элементов.

Поскольку императрица Елизавета Петровна покровительствовала Ломоносову, то он часто посвящал ей стихи, а к юбилейным датам ее царствования писал торжественные оды. В 1761 году, когда готовились отмечать 20-летие восхождения Елизаветы Петровны на престол, все ждали от него очередного

стихотворного восхваления. Но в этот раз за перо взялся не поэт, а ученый, решивший отметить не столько прошлые заслуги дочери Петра Великого, сколько привлечь внимание императрицы к социально-экономическим проблемам, стоящим перед Россией.

В письме, адресованном И. И. Шувалову, но предназначенном правительнице¹, он, обобщая свое понимание социально-экономического состояния страны и рассматривая перспективы ее развития, пишет: «Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки мыслей моих, простирающихся к приращению общей пользы» (*Ломоносов, 1952. С. 383*). Теперь он отнесся к своим запискам более внимательно. Накопленные знания позволили ему наметить программу экономических исследований, учитывая и численность населения России, и состояние промышленного производства, и внешней торговли, способствующие дальнейшему подъему страны. Однако надежда, что содержание письма станет известным государыне, к сожалению, оказалась тщетной: через месяц после юбилейных торжеств она скончалась.

История повторилась: Посошков обратился к Петру I, а Ломоносов – к Елизавете Петровне (формально – к ее фавориту И. И. Шувалову) с посланиями, имеющими для России важное социально-экономическое значение, но обоим правителям смерть помешала даже ознакомиться с ними.

Предназначенные им документы имеют похожее содержание. В них рассматриваются аналогичные проблемы, являющиеся результатом длительных раздумий о благе страны как купца-мануфактуриста Посошкова, так и ученого-академика Ломоносова.

И. Т. Посошков писал свою «Книгу...» для царя, «утаенно от зрения людского трелетным трудом», надеясь, что имя его будет царем «скрыто от сильных лиц». Он рассчитывал на текущее исправление указанных им «неисправ» (*Посошков, 2010. С. 219*).

М. В. Ломоносов обращается к И. И. Шувалову открыто. Он не столько подводит итог ранее происшедшим событиям, сколько, опираясь на них, намечает программу будущего развития России.

Оба послания различаются степенью анализа, что объясняется разным уровнем образования их авторов, различием занимаемого общественного положения, определяющим широту их государственного видения.

Авторы – сторонники сильного государства, их взгляды выражают присущее обоим стремление обеспечить величие России.

Посошков – ремесленник и купец, ему близки меркантилистические понятия, хотя он и сумел подняться над ними в вопросах положения крестьян, финансов и денежного обращения. Ломоносов – ученый, обладающий масштабным мышлением, рассматривает экономические проблемы с вершины научного знания.

Посошков – первопроходец в экономической науке России, а Ломоносов – его преемник, продолжатель его идей. Он стремился поднять значение России на более высокую ступень, до уровня наиболее развитых стран.

Посошков в «Книге...» рассматривает достаточно широкий круг вопросов: 1. О духовности. 2. О воинских делах. 3. О правосудии. 4. О купечестве. 5. О искусстве. 6. О разбойниках. 7. О крестьянстве. 8. О земельных делах. 9. О царском интересе. Непосредственно к экономической сфере относятся главы, посвященные внутренней и внешней торговле, промышленности и ремеслу («искусству»), крестьянству, финансам и денежному обращению. В других главах он отмечает их косвенное влияние (*Посошков, 2010. С. 590*).

Ломоносов анализирует состояние России, сложившееся после осуществления Петром I основных реформ: это уже другой уровень экономики и иное понимание «общей пользы», характеризующейся всесторонним преобразованием государства. Он пишет: «Все... по разным временам замеченные

¹ Поскольку оно не имело названия, то впоследствии его стали именовать «О сохранении и размножении российского народа» (по наименованию первой главы) или «Письмо к Шувалову».

порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы: 1. О сохранении и размножении российского народа. 2. О истреблении праздности. 3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении. 4. О исправлении земледелия. 5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств². 6. О лучших пользах купечества. 7. О лучшей государственной экономии. 8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира» (Ломоносов, 1952. С. 383)³. Сопоставление их с темами, рассматриваемыми Посошковым, показывает, насколько изменилась ситуация в стране, равно как и стоящие перед нею задачи.

Развитие промышленности

Иван Посошков, подобно другим прогрессивно мыслящим людям из окружения Петра, поддерживал стремление царя *развивать крупную отечественную промышленность*. Однако сам он (и это видно в «Книге...») сосредоточивал внимание на ремесленном производстве, занимающемся, в основном, изготовлением предметов потребления. Посошков считал, что разбогатевшим мастерам следовало предоставлять право, постепенно расширяя производство, превращать ремесленную мастерскую в более крупное предприятие. Посошков прозорливо отметил очень важную для России той поры возможность развития первичных форм производства и последовательное превращение их в более крупные и сложные. Ремесленная мастерская становилась бы, таким образом, «мастерским домом» (Посошков, 2010. С. 141, 145, 146).

Программа, разработанная Ломоносовым, была значительно шире. Она охватывала все важнейшие стороны деятельности государства, обеспечивающие его политическую и экономическую самостоятельность.

В «Письме...» он указывает, что экономические вопросы и предложения по ним весьма важны, а потому они требуют тщательной проработки, т.е. «глубокого рассуждения... и предосторожной силы к произведению в действо». Ученый не противопоставлял интересы правительства и народа, а наоборот надеялся, что основные государственные замыслы будут направляться на то, чтобы «не токмо художества и науки размножались, но и чтоб народ от того пользу имел» (Ломоносов, 1952. С. 384).

Главную роль в развитии национального производства Ломоносов отводит промышленности. Вместе с тем, для него становится очевидным, что отрасли, входящие в состав промышленности, обладают различной степенью важности. Возникает необходимость выделить из них наиболее значимую.

Как естествоиспытатель, он привык продумывать каждый эксперимент, а потому и к экономическим проблемам он подошел, поставив перед собой точную задачу: найти условия, способствующие созданию процветающей экономики, и осуществить их. Обладая стратегическим мышлением, Ломоносов моделирует национальное производство, в центре которого, по его мнению, следует поместить важнейшую, определяющую отрасль. Однако Россия огромна, а потому не может быть единого подхода к условиям развития в европейской части страны и в Сибири. Для европейского региона, включая Урал, таким центром (основой экономики), безусловно, является промышленность, важнейшей составляющей которой он полагал металлургию. Без металлов не может обойтись ни одна отрасль народного хозяйства, ни тем более армия и флот.

«Металлы, – по мнению Ломоносова, – подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребным. ...Ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли. ...Металлы отверзают недра земные к плодородию. ...И кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло простое употребления металлов миновать не может». К этому рассуждению он добавляет

² «Художеством» называлось в XVII-XVIII вв. промышленное производство.

³ Правда, программа, намеченная М. В. Ломоносовым, не была им полностью реализована. Им была написана первая глава, частично затронуты проблемы второй главы, а остальные, если и были написаны, до нас не дошли. Ломоносовское «Письмо к Шувалову» осталось практически неизвестно современникам, оно было впервые полностью напечатано лишь в 1871 г.

обобщение: «Военное дело, купечество, мореплавание и другие государственные нужные учреждения неотменно требуют металлов, которые (до петровских преобразований. – М. Р.) почти все получаемы были от окрестных народов, так что и военное оружие иногда у самих неприятелей нужда заставляла перекупать через другие руки, дорогою ценой». Исходя из этого, Ломоносов рассматривал металлургию как основу развития национального производства, полагая ее «предводительницей ко всему внутреннему богатству» (Ломоносов, 1934. С. 15, 17).

Придавая большое значение металлам, Ломоносов разрабатывает программу развития металлургии, охватывающую поиск месторождений, добычу руды, металлургическую и металлообрабатывающую промышленность. Он видит взаимосвязь металлургии с другими отраслями материального производства, сферой обращения, социальной сферой, включая подготовку рабочих, а также состояние и развитие путей сообщения.

Ученый доказывал, что развитие металлургической промышленности непосредственно зависит от горнодобывающего производства, а оно, в свою очередь, определяется степенью изученности недр. То, что Россия богата полезными ископаемыми, не вызывало у него сомнений. Но их поиск был сопряжен с трудностями, обусловленными объективными причинами, к которым он относил недостаточное научное развитие в России минералогии и геологии, слабое распространение среди населения соответствующих знаний, а также «малолюдство» северных районов европейской части России, Урала, Сибири.

Наибольшими предпосылками для развития металлургической промышленности в XVIII веке обладал Урал, располагавший богатыми залежами руд черных и цветных металлов, огромными лесными массивами⁴. Металлообрабатывающая промышленность размещалась, тяготея к историческим местам производства металла (кричное железо), а также к районам, население которых традиционно изготавливало изделия из железа – вблизи Москвы, Тулы, других крупных городов, а теперь занималось этим и в Санкт-Петербурге. Все это обуславливало необходимость изучения наиболее рационального размещения металлургических и металлообрабатывающих предприятий относительно их сырьевой и топливной базы, а также знание путей доставки сырья, топлива, вспомогательных материалов и перевозки готовой продукции.

Пути подъема сельского хозяйства

Отстаивая промышленный путь развития страны, Посошков придавал большое значение совершенствованию сельскохозяйственного производства. Он призывал продолжать деятельность Петра по внедрению в России новых культур (картофель, томаты, виноград, лекарственные травы), улучшению пород разводимого скота, совершенствованию агротехники, созданию и применению более эффективных орудий труда.

Мимо его сознания не прошли последствия реформаторской деятельности Петра I, обусловившие рост численности городского населения, а также численности работников, занятых в промышленности Урала, Москвы, Петербурга, на строительстве дорог, верфей, увеличившиеся рекрутские наборы в армию и флот. Их брали из деревни. Это вызвало необходимость увеличения производства продовольствия: бывших крестьян, прежде обеспечивавших себя плодами своего труда, теперь надо было кормить (Посошков, 2010. С. 67). Одновременно с этим возрастала потребность в сырье для текстильной и кожевенной промышленности, так как необходимо было обмундировывать армию и флот.

В 1747 году внимание Ломоносова привлекла изданная на немецком языке книга Губертуса, представлявшая руководство по организации крупного сельскохозяйственного производства. Убедившись в том, что ее рекомендации приемлемы для условий северо-западного региона России, ученый переводит ее, назвав «Лифляндская экономия». В ней отстаивалась наиболее прогрессивная в то

⁴ В металлургическом производстве в то время использовался древесный, а не каменный уголь.

время трехпольная система земледелия, дававшая возможность использовать «отдыхавшее» поле под пастбище для скота.

Понимая, что всего предусмотреть нельзя, он советует читателям: «Искусной земледелец должен по обстоятельствам своего домостройства свою работу помесечно расположить. В том очень много состоит, чтобы все в пристойное время делать» (Бак, 1955. С. 410).

Чтобы поднять эффективность земледелия, Ломоносов предлагает создать Государственную коллегия земского домостройства, и вменить ей в обязанность заботиться об улучшении сельскохозяйственного производства, заботиться о лесах, каналах, дорогах, о местной переработке сырья, о выявлении экспортных ресурсов.

Четко определив взаимосвязь сельского хозяйства и потребностей промышленности в сырье и неземледельческого населения в продовольствии, Ломоносов обращает внимание на необходимость подбора продуктов земледелия и животноводства, учитывая наилучшие условия их производства, транспортировки и реализации.

Роль торговли в экономике

Размышление о развитии промышленного и сельскохозяйственного производства неизбежно привели Ломоносова к проблеме сбыта изготовленной продукции, т.е. к выяснению состояния внутренней и внешней торговли. Важнейшим условием развития внутренней торговли он считал предоставленное Елизаветой Петровной российскому купечеству право свободно торговать в любом городе, на любой ярмарке. Он доказывал, что ремесленники и крестьяне, работающие на рынок, а тем более промышленники, используя местные преимущества и традиции, способны предоставить населению, живущему в иных местностях, разнообразные товары, чего достичь в собственном хозяйстве невозможно.

В своей «Книге...» Посошков отмечал, что Россия, отторгнутая от европейской промышленности, не имела многих видов производства. Это привело к тому, что внешняя торговля оказалась в руках иноземцев, устанавливавших цены и на свои и на российские товары. Будучи сторонником протекционизма, он рассматривал внешнюю торговлю как важнейшую сферу экономической деятельности государства, способствующую развитию отечественной промышленности.

По мнению Посошкова, правительство должно держать внешнюю торговлю под строгим контролем, регулируя ввоз и вывоз в зависимости от реальной потребности экономики. Он призывал не ввозить товары, производимые в стране, а также разные «безделки», называя так галантерейные товары, украшения, шелковые ленты, «разные пития» и т.п. (Посошков, 2010. С. 127, 129, 130, 131). Следует ввозить материальные товары, необходимые для развивающейся промышленности и ремесла. Вывозить же нужно готовую продукцию, а не сырье.

Ломоносов, соглашаясь с Посошковым, также придавал большое значение *внешней торговле*, рассматривая ее как условие, благоприятно воздействующее на народное хозяйство. Он замечал, что, вывозить товары следует лишь в том случае, когда развитие отечественного производства превосходит внутренние потребности, и «многие нужные вещи» «не токмо нас довольствуют, но избытком своим и другие земли снабдевают». В свою очередь, и россияне могут получить разнообразные, не производимые у нас товары.

Разделяя протекционистские идеи своих предшественников (Петра I и Посошкова), Ломоносов считал необходимым поощрение экспорта и ограничение импорта и высоко оценивал «пошлинные уставы, лично разработанные и введенные царем». Во главу угла Ломоносов ставил необходимость отстаивать интересы промышленного развития России, так как во время правления Анны Иоанновны внимание к промышленности ослабло.

Изыскивая *экспортные ресурсы*, Ломоносов примкнул к позиции меркантилистов, считая возможным развивать второстепенные, с точки зрения

внутреннего потребления, отрасли промышленности, если их продукция имеет спрос за рубежом и приносит прибыль, способствуя активизации торгового баланса страны. Он отмечает, что насаждение в России «разных художеств, которых продукты из других государств в Россию привозят в великом множестве на многие тысячи рублей», позволит *уберечь* значительную *массу денег* от вывоза за границу. Более того, он согласен с Посошковым, что вместо ввоза товаров лучше пригласить иноземцев, «мастерства имянитого и у нас на Руси небывалого», для обучения русских мастеров новому ремеслу. При этом в заключаемых с ними «крепких договорах» следует указывать и на их обязанности, а не только на предлагаемые блага.

Одновременно Ломоносов поддерживает требование Посошкова защитить интересы российских *изобретателей* («вымышленников»), поскольку был уверен, что «вымыслить» русские мастера могут не хуже иноземцев. Обеспечив охрану и поддержку российской интеллектуальной собственности, Россия достигнет уровня иноземного ремесла и сможет превзойти его. Посошков был уверен, что «художники добрые прославятся яко же иноземцы». Соглашаясь с ним, Ломоносов не только окружает себя молодыми изобретателями, но и сам в свободное время занимается поисками новых производственных решений. Так, получив положительный результат изготовления цветного стекла различных оттенков на своей Усть-Рудицкой фабрике, Ломоносов обратился к правительству с предложением организовать заводы по производству стеклянной посуды, а также галантерейных вещей (набалдашники для тростей, бисер, стеклярус, табакерки, запонки) синего, голубого, бирюзового цвета, которые могут стать значительной статьёй экспорта. Особо он подчеркивал возможность производить «оконишныя цветныя стекла, каковых знатное число из Италии через здешний порт в Персию провозят, и чрез сие бы получать ...прибыль зело большую». К сожалению, осуществить это ему не удалось (*Рогачевская, 2000. С. 173*).

Ломоносов, замечая, что «Российская Империя внутренним изобильным состоянием... с лучшими европейскими государствами равняется, а многие превосходит», все же вынужден был соглашаться с тем, что в развитии внешней торговли она оставалась позади передовых стран Европы. Ученый дал научное объяснение этого отставания, показав преимущество морских держав перед континентальными, причем сделал он это несколько раньше, чем его великий современник, английский экономист Адам Смит. Речь идет о значении *владения морским побережьем для активной внешней торговли*.

Западноевропейские страны, а также страны средиземноморского бассейна издавна, имея удобные морские границы, бухты, заливы, устья полноводных рек, глубоко проникающих внутрь континента, создали свой флот и развили внешнюю торговлю на основе морского судоходства, что способствовало их экономическому прогрессу. Рассматривая географическое положение России с точки зрения его воздействия на экономическое состояние страны, Ломоносов отмечал, что у континентальной в целом России тоже имеется обширное побережье, только в северных и восточных морях, но слабо изученное, а потому и не освоенное.

Северный морской путь – условие развития Сибири

В XVIII веке многие мореплаватели из разных стран искали новые пути из портов Европы в Индию. Не стала исключением и Россия. В предисловии к работе «Краткое описание разных путешествий по северным морям и поискам возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию», Ломоносов пишет: «Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходят. Первое – от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных; второе – от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира; третье – от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными странами чрез купечество». Этот третий источник и становится объектом его внимания. Придавая внешней торговле важное значение,

он с гордостью пишет, что «по открытию петровою рукою во многие моря пристаней, по соединению рек каналами, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, бывшие неудобства исчезли, и ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает». Более того, Россия может и должна «как в европейских купеческих пристанях утвердиться, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть» (Ломоносов, 1952. С. 421, 422).

О возможности развития торгового мореплавания северным путем он говорил еще в 1755 году в «Письме о Северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». Ломоносов утверждал, что поскольку Россия оказалась обладательницей побережья северных и восточных морей, то и обживать и обустраивать их надлежит именно ей. «Россия, не меньше счастьем, – замечал он, – как силой и общим рачением простерла свою власть до берегов Восточного океана и в пространстве одного открыла неведомые земли» (Ломоносов, 1952. С. 422). Для развития Сибири, считал Ломоносов, основополагающее значение имеет овладение Северным морским путем, могущим стать по отношению к Сибири своего рода катализатором.

Он был уверен, что именно освоение побережья Северного Ледовитого океана будет способствовать решению важнейшей для России многофакторной задачи:

- 1) завершится превращение континентального государства в морскую державу;
- 2) расширятся возможности для внешней торговли;
- 3) произойдет заселение пустынных берегов и островов. На побережье и в устьях рек возникнут порты и торгово-промышленные города;
- 4) во внутренних южных районах Сибири получат развитие сельское хозяйство, различные промышленные предприятия для обеспечения себя и северных поселенцев всем необходимым;
- 5) будут созданы условия для развития экономических и культурных связей России с восточными странами, способствующие росту ее военного и политического значения (Рогачевская, 2006. С. 181).

Ломоносову было известно, что сибирские реки текут в Северный Ледовитый океан, а это способствует реальному установлению контакта между южным и северным регионом. Внутренние (южные) районы Сибири станут обеспечивать северных поселенцев и мореходов «хлебом, скотом и рыбою, корабельным строением, лесом, пенькою и смолою и чайтельно железом, ибо одного руд редкие места не имеют» (Ломоносов, 1952. С. 494). Сибирь станет заселяться, будут введены в экономический оборот ее природные ресурсы. «Будет время, когда Сибирь, наполненная разными народами, на разных языках будет приносить похвалы дому Петрову» (Ломоносов, 1990. С. 110).

Обоснование реальности идеи освоения Северного морского пути поражает грандиозностью замысла и проработкой экономических потенциальных возможностей этого обширного региона, раскрывающих перспективы его развития. Северный морской путь обеспечит возможность развития экономики не только этого региона, но и всей России. Исходя из этого, М. В. Ломоносов делает смелый вывод: **«Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном»** (Ломоносов, 1952. С. 498).

Социальные проблемы в трудах М. В. Ломоносова

Внимательный наблюдатель и вдумчивый исследователь, Ломоносов в письме к Шувалову замечает, что экономическое состояние и подъем России непосредственно зависят от положения населения.

Обращаясь к «Книге...» Посошкова, он видел, что центральной идеей, пронизывающей все его произведение, является нравственность и честное отношение людей к делу, своим обязанностям. Ломоносов солидарен с таким подходом. Он хорошо понимал, что для развития промышленности, ремесла, торгового мореплавания, а также армии и военного флота требуется все большее

число людей. Поэтому не вызывает удивления, что изложение своих экономических взглядов и программы исследований он начал с проблем народонаселения, производительного использования труда, а уже затем перешел к другим вопросам.

Ломоносов указывает на прямую зависимость между численностью населения и процветанием государства. В этом прослеживалась определенная логика: при господстве ручного труда во всех отраслях народного хозяйства результативность общественного производства зависела от количества и производительности применяемого труда. Для России это было крайне важно: даже центр Европейской части страны был заселен слабо, еще меньше – ее север и юго-восток, а Урал и Сибирь вообще характеризовались «малолюдством». Решать стоящие перед страной задачи в таких условиях было более чем сложно. Обеспокоенный сложившейся в России ситуацией, ученый в присущей ему манере, кратко и деловито поставил и сформулировал острейшую для страны проблему: «О сохранении и размножении российского народа». Именно ее решение Ломоносов считал «самым главным делом», так как только в многочисленном трудолюбивом населении «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» (*Ломоносов, 1952. С. 384*).

Если среди европейских мыслителей-меркантилистов середины XVIII века также преобладало мнение, что большая численность населения, ее быстрый рост – условие богатства страны, то ученые-физиократы, выступившие со своими взглядами во второй половине века, не соглашались с ними. Они утверждали, что росту численности населения должно предшествовать возрастание производства продуктов земледелия, необходимое для удовлетворения потребностей. А в конце XVIII столетия Т. Р. Мальтус уже объявил рост численности населения бедствием, приводящим к обнищанию значительной его части, «доказав» это математически. Однако не следует забывать, что их рассуждения относились к сравнительно густонаселенным странам Европы, тогда как позиция Ломоносова отражала конкретно-исторические условия России, страдавшей не от переселения, а, напротив, от малой численности населения.

Поскольку это обуславливается «общей пользой» государства, то необходимые меры, направленные на увеличение численности населения страны, должно было, по его мнению, осуществлять правительство.

Элементарная для современных демографов истина, что естественный прирост населения зависит от соотношения численности родившихся и умерших, а так же от состояния здоровья населения и продолжительности его жизни, потребовала в то время от Ломоносова глубоких раздумий. Результаты их были неутешительны.

У черносошных (государственных) крестьян проблем с рождаемостью не возникало. Сложней оказалась ситуация с рождаемостью у крестьян, находившихся в собственности малопоместных дворян.

Так, в условиях ограниченной помещичьей собственности сложилась практика внутриобщинных браков, что приводило к «неравному супружеству». Ученый прямо указывал на бесплодность брака, когда «малых ребят, к супружеской должности не способных, женят на девках взрослых или мужчины в престарелых летах женятся на очень молодых девушках». Ломоносов требовал запрещения насильственных браков «ибо, где любви нет, ненадежно и плодородие» (*Ломоносов, 1952. С. 385*).

Исходя из соображений необходимости увеличения численности населения, он требовал запретить постригаться в монашество женщинам до 45 лет, а мужчинам до 50 лет. Иными словами, Ломоносов восставал против всего того, что «приращению народа вредно».

Исследуя факторы убыли населения, Ломоносов отмечал высокую и раннюю смертность от болезней и производственных травм: «Многие, коим бы ожить, умирают». Преодолеть такое положение можно было бы, по его мнению, на основе организации врачебной помощи, построенной «по правилам, медицинскую науку

составляющим», подчеркивая обязательность приглашенным иноземным врачам и аптекарям обучать русских учеников. Он показывает, что отсутствие медицинской помощи и аптек наносит государству весьма значительный урон (*Ломоносов, 1952. С. 396, 397*), так как на народную медицину уповать не приходится.

Кроме этого, многие местности буквально обезлюдели и пришли в запустение от постоянных побегов крестьян в сопредельные страны, вызываемых тягостью барщины, помещичьей жестокостью и солдатскими наборами. Ученый предлагает «пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы».

Преодолеть убыль населения в стране Ломоносов советовал также при помощи иммиграции. Огромная Россия «в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы» (*Ломоносов, 1952. С. 401, 402*).

Одновременно глубокую озабоченность Ломоносова вызывала судьба детей, вовлеченных в промышленное производство. На ману-фактурах труд детей эксплуатировался безжалостно. Ученый с горечью вспоминал, что и на рудниках Саксонии детей «заставляли разбивать, толочь и растирать руду», т.е. применяли их «несмотря на нынешнее просвещение ... вместо толчейных мельниц». Поэтому он предлагал сооружение и применение мельниц «для лутчего ускорения работы и для бережения малолетних детей, которые в нежном возрасте тяжкою работою и ядовитую пылью здоровье тратят и на всю жизнь себя калечат» (*Рогачевская, 2000. С. 165*).

И Посошкова, и Ломоносова волновала сплошная безграмотность российского населения, хотя причины, вызвавшие их беспокойство, были различными.

Посошков говорил преимущественно о крестьянах, которые, будучи неграмотными, не имели возможности защищаться от самоуправства помещиков. Он предлагал крестьянам отдавать детей учиться грамоте у дьячков. Об организации школьного обучения детей он не задумывался (*Посошков, 2010. С. 163*).

Ломоносов занимал другую позицию: его заботила перспектива развития промышленности, обеспечение ее квалифицированными работниками. Он высказывал прогрессивную идею о необходимости обучения детей из рабочих семей в специальных технических школах, где подготавливались бы рабочие высокой квалификации, необходимые для находящейся в казенном ведомстве металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Особенно это было важно для Урала, имевшего для России преимущественное значение.

Ломоносов на этом не останавливается: по его инициативе и благодаря его энергии и настойчивости открывается первый в России Московский университет и при нем гимназия. Им разработаны и первые программы научных дисциплин, обеспечивавшие уровень подготовки специалистов, по качеству не уступавшие европейским. Необходимо добавить важную черту в деятельности великого ученого: преподавание в университете предполагалось вести не на латыни, а на *русском языке*.

Последний труд

Возглавляя Географический департамент Академии наук, Ломоносов задумал создать «Русский атлас». В 1760 г. он лично разработал «академическую анкету», необходимую для сбора статистических данных, характеризующих отдельные районы России. «Атлас» рассматривался им в качестве составной части большой работы, названной им «Экономический лексикон российских продуктов», в которой были бы представлены «имена всех российских товаров», производимых в сельском хозяйстве и в промышленности; место и примерный объем их производства; традиционные рынки сбыта и пути доставки. Лексикон должен был стать научно-практическим трудом по изучению экономики страны, «чтобы внутренняя государственная экономия имела пользу».

Работа над «Экономическим лексиконом» была им начата в 1763 году. В следующем году уже стали поступать заполненные анкеты. Однако смерть ученого в апреле 1765 года не позволила ему создать этот интереснейший и оригинальный

труд. Остались незавершенными многие другие его работы и нереализованными многочисленными планы.

Таким образом, благодаря Ломоносову идеи первого русского экономиста Ивана Тихоновича Посошкова получили продолжение и развитие. Вне всякого сомнения, и сам Михаил Васильевич Ломоносов по праву должен войти в ряд российских ученых-экономистов. То, что он сделал и что предполагал осуществить, было направлено на достижение «благополучия, славы и цветущего состояния государства», выражающееся во «внутреннем покое, безопасности и удовольствии подданных». И с этим невозможно не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бак И. С. (1955). М. В. Ломоносов в борьбе за развитие производительных сил России / История русской экономической мысли: в 4 т. Под ред. А. И. Пашкова. М.: Госполитиздат. Т. I. Часть первая, 755 с.

Ломоносов М. В. (1952а). Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии (1747 – 1765 гг.). М.–Л.: Изд. АН СССР, 689 с.

Ломоносов М. В. (1952б). О сохранении и размножении российского народа // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии (1747 – 1765 гг.). М.–Л.: Изд. АН СССР, 689 с.

Ломоносов М. В. (1934). Первые основания металлургии, или рудных дел // Ломоносов М. В. Сочинения. Л.: Изд. АН СССР. Т. VII, 612 с.

Ломоносов М. В. (1990). Для пользы общества... М.: Сов. Россия, 384 с.

Посошков И. Т. (2010). Книга о скудости и богатстве. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 592 с.

Рогачевская М. А. (2000). М. В. Ломоносов об экономических проблемах России // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО), № 7, с. 163-175.

Рогачевская М. А. (2006). История экономических учений. Новосибирск, 309 с.

REFERENCES

Buck I. S. (1955). M. V. Lomonosov's Struggle for the of Productive Forces Development in Russia / History of Russian Economic Thought: 4 vol. / Ed. by A. I. Pashkov. M.: Gospolitizdat, vol. I, part 1, 755 p. (in Russian).

Lomonosov M. V. (1952a). Short Description of Various Voyages on Northern Seas and Demonstration of a Possible Passage through the Siberian Ocean to East India. / Lomonosov M. V. Complete works, vol. 6. Works on Russian History, Social-Economic Issues and Geography (1747 – 1765). M.–L.: Publ. House of AS USSR, 689 p. (in Russian).

Lomonosov M. V. (1952b). On Preservation and Expansion of the Russian Nation. / Lomonosov M. V. Complete works, vol. 6. Works on Russian History, Social-Economic Issues and Geography (1747 – 1765). M.–L.: Publ. House of AS USSR, 689 p. (in Russian).

Lomonosov M. V. (1934). The First Foundations of Metallurgy or Ore Mining. / Lomonosov M. V. Works. L.: Publ. House of AS USSR, vol. VII, 612 p. (in Russian).

Lomonosov M. V. (1990). For the Benefit of Society... M.: Sov. Russia, 384 p. (in Russian).

Pososhkov I. T. (2010 (1937)). Book on Poverty and Wealth. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPAN), 592 p. (in Russian).

Rogachevskaya M. A. (2000). M. V. Lomonosov on Economic Problems of Russia. EKO, no. 7, pp. 163-175. (in Russian).

Rogachevskaya M. A. (2006). History of Economical Theories. Novosibirsk, 309 p. (in Russian).

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ЛЕВАНОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Кемеровский государственный университет,
e-mail: anatoliilevanov@mail.ru

В статье выявлена взаимосвязь становления российской экономической науки и её отражения в литературных и публицистических трудах соотечественников. На примерах научной деятельности экономистов России XVIII-XIX веков (включая И. Т. Посошкова) показано, что в формировании экономической науки большую роль сыграли их мировоззренческие и нравственные позиции. Увлечение идеалами общинности-соборности-народности и литературно-публицистическая форма общественной мысли оказали сильное воздействие на экономическое мышление отечественных учёных, препятствуя развитию формализованных концепций.

Ключевые слова: российская экономическая мысль; литературный образ экономики; экономика и мораль.

LITERARY-PUBLICISTIC DETERMINANTS OF THE ECONOMIC THOUGHT DEVELOPMENT IN RUSSIA

LEVANOV ANATOLY, D.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor,
Kemerovo State University,
e-mail: anatoliilevanov@mail.ru

The author reveals the correlation between the formation of Russian economic science and its reflection in the literature and public works of compatriots. On examples of scientific activity by Russian economist in XVIII-XIX century (include I. T. Pososhkov) it is shown, that in economic science formation large role was plaid by their ideological and moral position. Passion ideals of community-unity-nationality and literary-publicistic form of social thought had a strong impact on the economic mindset of Russian scientists, preventing the formalized concepts development.

Keywords: Russian economic thought; literature image of the economics; economics and moral.

JEL: B10.

Научное экономическое знание не является единственной формой отражения экономических закономерностей. Экономические знания содержатся во многих обобщениях людей практического дела, в трудах философско-нравственного направления, в бытовых наблюдениях – в поговорках, пословицах, в парадоксах, а также в литературном и публицистическом творчестве. Да и само по себе научное знание не может быть представлено как некая абстракция, лишённая иллюстративного, пояснительного материала.

Литературно-публицистические произведения являются существенным компонентом развития экономической мысли как за рубежом, так и в России. Становлению экономики как отрасли знаний предшествовало её философско-правовое и литературно-публицистическое отражение, которое предвосхитило научное представление, инициировало и подтолкнуло к возникновению

самостоятельных исследований в этом направлении.

Элементы анализа экономической направленности, которые послужили предвестником формирования экономической науки, можно найти, например, в публицистических работах англичан Томаса Гоббса и Бернарда Мандевилля.

Так, одна из работ Т. Гоббса, вышедшая в 1640 году, носила примечательное название – «Элементы законов, естественных и политических», а другая (1658 г.) – «Левиафан» (как переносное обозначение государственного устройства и роли государства). В них важной характеристикой общественного устройства считались его естественные основы – природное стремление человека к самосохранению и удовлетворению своих потребностей, соблюдение гражданского мира и благополучия. Значительное место, отводимое Т. Гоббсом понятию «естественное», означало триединство божественного замысла, институтов общества и индивидуального человеческого проявления. Заложённая этим мыслителем идея «естественных законов» позже получила развитие, например, в учениях физиократов.

Б. Мандевиль стал известен благодаря своему стихотворному памфлету (1705 г.) «Ропщущий улей, или Плуты становятся добродетельными» (другие варианты названия – «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными», «Басня о пчёлах»). В дальнейшем эта работа несколько раз переиздавалась и дополнялась. Одно из дополнений носило название «Исследования о происхождении нравственной добродетели», которое, весьма возможно, привлекло внимание и А. Смита (автора «Теории нравственных чувств»). Басня стала в дальнейшем широко известной благодаря парадоксальности авторской оценки как бережливости, так и стремления к мотовству и к роскоши. Дискуссия, порождённая произведением Мандевилля, была продолжена в XX веке Дж. М. Кейнсом в его «Общей теории занятости, процента и денег», в которой великий экономист, процитировав отрывки из «Басни» и обозначив основные позиции экономистов-предшественников, высказался за умеренную позицию в отношении сбережений и текущих расходов.

Знаменитый английский писатель и публицист Д. Дефо тоже сочетал в своём творчестве научный анализ и художественный вымысел. Будучи хорошо знаком с процессом становления теории и практики бухгалтерского учёта, Дефо в романе «Робинзон Крузо» (1719 г.) предложил художественный образ поведения одинокого поселенца, который был в XIX веке активно использован в учениях представителей австрийской школы. Предметом анализа в этих учениях стали потребности и желания Робинзона, получаемое удовлетворение от их потребления, тяготы труда, оценки запасов продуктов, поведение в различных гипотетических хозяйственных ситуациях. На этом «литературном» основании постепенно сформировалась теория максимизации поведения индивида.

Работы указанных мыслителей позволяют предположить, что экономическое мышление началось с образно-художественных представлений о первичных (а поэтому самых важных) для человека взаимоотношениях – о пользе обмена, достижения желаний, структуре потребностей, справедливости. Учёность в какой-либо отрасли знаний в сочетании с высоким практическим профессионализмом инициировали появление экономических обобщений в форме публицистических или литературных «опусов». Многолетние, можно сказать вековые наблюдения, суждения и обобщения, облечённые в эти формы, легли в основу экономической науки.

Общепризнанно, что экономическая теория как таковая началась с нормативно-публицистических трудов меркантилистов, к числу которых относится и работа И. Т. Посошкова. Многие «странности» знаменитой «Книги о скудости и богатстве» связаны с тем, что она имеет черты не научного, а публицистического трактата, обращаясь не только к «чистой логике», но и к эмоциям. В этой связи, не вдаваясь в детализацию многочисленных идей нашего соотечественника, обратим внимание на одно важное обстоятельство – на трактовку им смысла

богатства. Предлагаемое им деление богатства на два вида – вещественное и невещественное (опередившее на полтора века аналогичное предложение представителя исторической школы В. Рошера) – указывает на ценность не только располагаемых вещественных благ, но и духовно-нравственных устоев человека. Стало быть, богатство – это и забота о ближнем, и равноправие членов общества, и соблюдение общечеловеческих норм морали.

Влияние литературы и экономической науки было обоюдным. Первоначально (в XVIII веке) литераторы и публицисты сильно влияли на развитие экономической мысли, но затем (в XIX веке) началось и обогащение литературного отражения жизни за счёт профессиональных научных трудов экономистов.

Вторжение в повседневную жизнь противоречивых законов рыночных, финансово-кредитных отношений не могло не отразиться в художественных произведениях творческой интеллигенции. Наглядных примеров много: поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» о полукриминальной специфике нарождающегося российского предпринимательства; сложная панорама становления английского капитализма первой половины XIX века в произведениях Ч. Диккенса; творчество немецкого писателя и драматурга Б. Брехта, отразившего сложный, порой нечеловеческий мир торговли в пьесе «Мамаша Кураж и её дети»; роман американского Т. Драйзера «Финансист»; художественное повествование о драматичной судьбе предпринимателя-банкира; драма купца «Фомы Гордеева» М. Горького. С некоторой долей условности можно сказать, что модная ныне среди экономистов поведенческая теория была предвосхищена многими рассказами и повестями А. П. Чехова («Маленькая выгода» и другие). В творчестве всех названных писателей товарно-денежный, рыночный мир олицетворял противоборство добра и зла, войны и мира в жизни людей. Во второй половине XX века признание этого факта экономистами получило название «фиаско рынка».

В становлении российской экономической мысли XIX века приняли участие ряд видных писателей, учёных и публицистов, которые не специализировались на экономической тематике, но которые были озадачены ответами на сложные экономические темы. Так или иначе, в сюжетах их рассказов, повестей и очерков ставились вопросы о смысле торговли и роли купечества, значении денежного богатства, эффективности подневольного труда, развитии предпринимательства, институтов землевладения и землепользования и т.п. Очевидно, что литературное отображение хозяйственных явлений, бытовых зарисовок инициировало поиск объяснения научным языком экономических закономерностей. Общая литературная культура, стиль речи, богатство русского языка не могли пройти бесследно. Научные и учебные труды отечественных экономистов создавались и писались под влиянием этого обстоятельства. Доказательством тому служат произведения М. И. Туган-Барановского, С. Ю. Витте, Д. И. Менделеева и других представителей отечественной экономической мысли.

Кроме того, в российских условиях, когда экономическая теория ещё не выделилась в самостоятельную отрасль знаний, а её формирование осложнялось спецификой общественно-политического и хозяйственного строя, ряд её положений затрагивал и отражал литераторы, обладающие энциклопедическими знаниями и сыгравшие определённую роль в распространении экономических знаний западных учёных в российской среде.

Наиболее известный пример тому – яркая интерпретация учения А. Смита великим А. С. Пушкиным. В известных строках «Евгения Онегина» А. С. Пушкин несколькими словами дал гениальное по общему признанию пояснение к учению А. Смита о «Богатстве народов» – о жизненно важной форме богатства, которое заключается в «простом продукте», а не в деньгах. Указал поэт и на то, что А. Смит вскрыл источники происхождения богатства. Всякий, кто разделяет это положение А. Смита, может, полагал поэт, считаться «глубоким экономом».

Заметим, что многие исследователи творчества А. С. Пушкина обратили внимание на высокий уровень его экономического мышления, на знание поэтом

многих практических сторон хозяйственной жизни (Аникин, 1989). Поэт, оказывается, был знаком не только со взглядами А. Смита, но и с идеями Ж.-Б. Сэя, С. Сисмонди, И. Бентама, Ж. Неккера. Многочисленные заметки, статьи и письма поэта говорят о том, что он имел представление о политической экономии, у него был свой взгляд на денежно-кредитную систему, на налоговую политику, на детали формирования семейного бюджета. Во многих стихотворных произведениях и в прозе Пушкин использовал экономические и социальные термины, поднимаясь до теоретического обобщения окружающей его реальности.

Другими яркими примерами сочетания дара писателя и экономиста-мыслителя в XIX веке были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, перу которых принадлежит большое количество произведений – от очерков и статей до повестей и романов.

А. И. Герцен (1812–1870) известен как борец с самодержавием. Он был знаком с идеями западных социалистов, с воззрениями Ж.-Б. Сэя и Т. Мальтуса, Н. Г. Чернышевского и имел свою точку зрения на политическую экономию как науку.

Одним из истоков литературного творчества Герцена было своеобразное понимание им предназначения политической экономии. По его убеждению, этой науке нет дела до человека как такового, поскольку человеку экономистами отводилась лишь роль производителя богатства. (Позже это гиперкритическое отношение к экономической науке получит развитие у Льва Толстого.) В будущем обустройстве Отечества он основную роль отводил вере русского народа в себя и сельской общине. «Русская сельская община, - писал Герцен, - ... представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; государству никогда не следовало посягать на неё; община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а поэтому автономна во всём, что касается её внутренних дел» (цит. по *Утопический социализм в России, 1985. С. 129*).

Не менее показательной была научно-публицистическая и литературная деятельность Н. Г. Чернышевского (1828-1889). Стоит обратить внимание на сами названия произведений, которые принадлежат этому мыслителю: статьи и заметки «Капитал и труд», «Экономическая деятельность и законодательство», «Примечания к «Основаниям политической экономии».

Казалось бы, различные по своей тематической направленности публикации объединяются, говоря словами Чернышевского, идеями гуманности и заботы об улучшении человеческой жизни. Во многом разделяя идеи А. И. Герцена о перспективности развития общинных отношений, Чернышевский дал более развёрнутый анализ экономическим отношениям, критически рассматривая учения А. Смита и Дж. С. Милля (подробнее см. *Цаголов, 1956*). Частная собственность, капитал, соперничество, наёмный труд, по мнению Чернышевского, не отражают глубинные отношения между трудящимися. Последним ближе отношения товарищества, коллективности. Установление принципов, объединяющих работников, имело бы решающее значение в повышении результатов производства, способствовало бы развитию личности человека, прогрессу общества в целом. Художественный образ такого общества – знаменитый роман «Что делать?». Мастерские Веры Павловны, круг её единомышленников, семейные отношения, устройство быта – это видение писателем именно такого варианта экономического и социального развития.

Богатое литературное отечественное наследие, надо полагать, явилось благодатной почвой для деятельности переводчиков трудов западных экономистов. Роль переводчиков в формировании отечественной экономической науки ещё не нашла должного освещения и признания. Но совершенно очевидно, что изложение материала первоисточника во многом зависит не только от уровня экономических знаний переводчика, но и от общего кругозора и литературной подготовки автора перевода. Опыт показал, что многие соотечественники оказались готовы к столь ответственной работе и добросовестно её выполняли. Как известно, первое

систематическое изложение политической экономии в России было написано не на русском, а на французском и немецком языках – речь идет об учебнике «Курс политической экономии» (1815 г.) А. К. Шторха. Но уже к середине XIX в. в России были осуществлены переводы с английского, немецкого и французского языков важнейших трудов многих европейских учёных.

Кроме того, писатели и публицисты инициировали интерес к исследованию экономических проблем, их деятельность задавала идеологическую направленность экономического анализа. В современных исследованиях истории экономической мысли в России подчёркивается ряд специфических черт российского экономического образа мышления, которые, считаем, были predetermined трудными указанными представителями художественной и общественно-политической мысли. Прежде всего, это касается духовно-нравственного оттенка экономических мировоззрений, большого внимания к национальным чертам жизни россиян, к оценке возможностей практического применения теоретических познаний.

Укажем на противоречивость объективного значения социально-экономических аспектов творчества отечественных публицистов и писателей. Акцент на национальную самобытность российского общества и на духовно-нравственные ориентиры в его развитии не способствовали возникновению и формированию формализованных концепций и учений, подобных классической политической экономии, учениям австрийской и неоклассической школ. Строгая логика анализа экономических процессов, присущая названным направлениям, позволила утвердиться им в качестве самостоятельных лидирующих учений. Отечественная экономическая мысль далеко не во всем следовала образцам западноевропейской мысли. Увлечение, с одной стороны, идеалами общности-соборности-народности, а с другой – литературно-публицистическая форма общественной мысли оказали сильное воздействие на экономическое мышление отечественных учёных, публицистов и политических деятелей.

Подводя итог, укажем, что в художественной литературе взаимодействуют две стороны восприятия и оценки экономической деятельности – её описание и экономическая этика. Авторы художественных произведений, образно изображая производственную, трудовую деятельность, процессы обмена, распределения и потребления, бытовые сцены, одновременно придают им морально-нравственное звучание. В связи с этим мы разделяем мнение, согласно которому «увлечение исключительно моделированием экономических процессов ... ведёт к упрощённому пониманию живой экономической действительности» (*История экономической мысли России в лицах, 2007, с. 8*). Важна мера понимания, важен поиск оптимального сочетания того и другого. И в этом не последнее место принадлежит мировому и отечественному литературному наследию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин А. В. (1989). Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М.: Мысль.

История экономической мысли России в лицах. (2007). Словарь-справочник: учебное пособие. Под ред. проф. Н. Н. Думной и доц. О. В. Карамовой. М.: КНОРУС.

Утопический социализм в России. (1985). Хрестоматия. Общ. ред. А. И. Володина. М.: Политиздат.

Цаголов Н. А. (1956). Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М.: Госполитиздат.

REFERENCES

Anikin A. V. (1989). Muse and Mammon: Pushkin Social-Economic Motives. M.: Thought. (in Russian).

History of Economic Thought in Russia in faces. (2007). Glossary: a Tutorial. Ed. by Prof. N. N. Dumnya and Assoc. Prof. O. V. Karamova. M.: KNORUS. (in Russian).

Utopian Socialism in Russia. (1985). Readings. General Ed. by A. I. Volodin. M.: Politizdat. (in Russian).

Tsaholov N. A. (1956). Sketches of Russian Economic Thought in the Serfdom Fall Period. M.: Gospolitizdat. (in Russian).

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ: ИДЕИ И. Т. ПОСОШКОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛЕВИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории и государственного управления,
Кемеровский государственный университет,
e-mail: levin@kemsu.ru*

В статье работа И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» рассматривается как адресованный «заказчику» в лице Петра I «институциональный проект» модернизации России, построенный на диалоге «самодержца» с представителями всех сословий в лице «многонародного совета». Этот проект сопоставляется с практикой институционального проектирования в условиях современной России. Выявлены причины провалов модернизационных проектов, связанные с несформированностью представительства «широких групп интересов» на «рынках власти» и слабостью контроля «правителя» (правлящей группы) над бюрократической «вертикалью» власти.

Ключевые слова: государство; рынки власти; правитель (правлящая группа); властная вертикаль; институциональное проектирование.

STATE AS A SUBJECT OF MODERNIZATION IN RUSSIA: IDEAS OF I. T. POSOSHKOV AND MODERNITY

LEVIN SERGEY, N.,

*Doctor of Economic Sciences (PhD),
Professor of the Department «Economics and public administration»,
Kemerovo State University,
e-mail: levin@kemsu.ru*

The paper regards work by I. T. Pososhkov "Book on Poverty and Wealth" as addressed to "the customer" in the person of Peter I «institutional project" of Russia' modernization, built on dialogue of "autocrat" with representatives of all estates represented by "multinational Council."

This project is compared with the practice of institutional design in modern Russia. The author determines the causes of modernization projects failures associated with underdevelopment of "broad interest groups" representation in "market power" and weakness of control of the "ruler" (the ruling group) over bureaucratic "vertical of power".

Keywords: state; power market; ruler (the ruling group); vertical of power; institutional design.

JEL: B52, H11.

Ключевой проблемой модернизации российской экономики и социума является вопрос о её субъектах. Особенностью России является несформированность «широких групп интересов» и отсутствие их представительства на «рынках власти». В этих условиях основным субъектом модернизации становится государство, персонифицированное в «правителе» («правлящей группе»), опирающемся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Однако «властная вертикаль» достаточно быстро трансформируется в систему «статусных торгов», субъектами

которых выступают различные группы бюрократии, ориентированные на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству.

Поэтому условиями реализации «правлящей группой» функции субъекта модернизации являются: *сохранение её автономии от других субъектов «властной вертикали» и ориентация на «выращивание» широких групп интересов и диалог с ними.*

И. Т. Посошков первым предложил вариант обеспечения этих условий, соединив идею «самодержавия» как силы, потенциально способной взять под контроль дворянско-бюрократическую «вертикаль власти», с обоснованием необходимости диалога самодержца с представителями всех сословий общества. При этом в центре его внимания оказались проблемы «институционального проектирования» новых «правил игры», призванных устранить «неправды». Он выступил с предложением разработки нового Уложения взамен Уложения 1649 г. Оставляя решающую роль в его принятии самодержцу, И. Т. Посошков предлагает ему для составления кодекса созвать представителей от духовенства, администрации «высокаго и низкаго чина», дворянства, купечества, «фискалов», солдат и опытных крестьян из старост и сотских, а также «детей боярских» - холопов, создав из них «многонародный совет» (Посошков, 1951. С. 81-83). Необходимость такого совета обосновывается тем, что «без многосоветия и без вольного голоса никоимиделы невозможно, понеже бог никому во всяких деле одному совершеннаго разумения не дал...» (Посошков, 1951. С. 83). Более того, вся «Книга о скудости и богатстве» представляет собой «институциональный проект», разработанный для потенциального «заказчика» в лице Петра I. Важнейшим достоинством этого «проекта» является ориентации автора на представительство широких групп интересов. В этом плане показательна оценка этого произведения Д. Н. Платоновым: «Часто создается впечатление, что Посошков вел записи того «многонародного совета» России, который он предлагал учредить Петру I. При чем он старается воспроизвести в книге «вольный голос» почти всех сословий и «чинов», кроме поместного дворянства. «Книга о скудости и богатстве» - некий «собор» идей, чаяний и пожеланий русского народа» (Платонов, 1989. С. 86-87).

В то же время опыт показал, что надежды автора этого проекта на его реализацию самодержавным «правителем» не оправдались. Это было обусловлено тем, что российский абсолютизм оказался недостаточно «автономен» от частных интересов элитарных «групп интересов», образующих дворянско-бюрократическую «властную вертикаль». Ярким примером такого развития событий стало решение вопроса о спецификации прав собственности на землю. В допетровской России преобладала система условной служебной собственности на землю (поместная система). В её рамках права собственности фактически распределялись между «правителем» (царь выступал в качестве верховного собственника), дворянами и крестьянскими общинами. Это была «смешанная» и «размытая» система прав собственности, которая не создавала достаточно стимулов для эффективного развития сельского хозяйства. И. Т. Посошков в русле своей концепции предложил вариант модернизации этой системы, который строился на поиске баланса интересов «самодержца», дворян и крестьян. Он предложил использовать правомочия «правителя» как верховного собственника для спецификации прав собственности на землю, предполагающей их распределение между помещиками и крестьянами. Его предложения предполагали закрепление за крестьянами части земли (Посошков, 1951. С. 193). При этом должны были возникнуть стимулы к развитию как дворянских, так и крестьянских хозяйств, а государство получило бы растущие поземельные налоги. Однако «правлящая группа» пошла по пути закрепления за дворянством права частной собственности на землю, которое оказалось сопряженным с фактическим введением частной собственности на крепостных крестьян. Показательно, что убежденный сторонник частной собственности Е. Т. Гайдар соглашается с тем, что избранный путь приватизации земли как основного

актива в тех исторических условиях привел к нелегитимности частной собственности на землю в глазах крестьянства. Он следующим образом оценивает результаты «аграрной революции», проведенной в течение XVIII века: «насажденная разом государством взамен традиционной феодальной, смешанной, дворянская частная собственность никогда не имела глубоких корней, исторической легитимизации, гарантий правовой устойчивости. Баланс земельных отношений допетровской Руси был резко нарушен. Дворяне держали землю от государства за службу. Если они теперь не обязаны служить, то и крестьяне свободны от своих государственных обязательств их содержать. В обыденном сознании дворянскому праву на землю противостоит имеющее ничуть не меньше оснований крестьянское право» (Гайдар, 1997).

В то же время такое признание не помешало отечественным реформаторам (видное место в рядах которых, как известно, занимал Е. Т. Гайдар) при проектировании и реализации реформ допустить по существу аналогичные «провальи». Более того, в условиях современной «постсоветской» России «провальи» институционального проектирования приобрели системный характер. По нашему мнению, *фундаментальные причины этих провалов обусловлены спецификой сложившихся в стране «рынков власти», а также особенностями восприятия этой специфики субъектами институционального проектирования.*

В этой связи необходимо отметить, что условием социально-экономического развития является превращение «насилия» из преимущественно разрушительной силы в политический ресурс, приносящий владельцам экономические выгоды (это является центральным положением развивающейся в настоящее время междисциплинарной концепции социальных порядков (Норт, 2011). *Политический ресурс представляет собой контролируемый государством ресурс легитимного насилия.* Во всех обществах он становится предметом особого рода «торгов», соединяющих вертикальные и горизонтальные транзакции. В результате возникают «рынки власти» (политические рынки). В то же время их структура качественно различается в различных типах общества, образуя набор дискретных институциональных альтернатив. В качестве основных дискретных институциональных альтернатив организации «рынка власти» выступают: классический политический рынок, бюрократический (административный) и политико-бюрократический (политико-административный). Последний представляет собой «институциональный гибрид», соединяющий элементы статусных «торгов» и классических политических рынков.

«Классический» политический рынок возникает в институциональных рамках, закрепляющих разделение экономики и политики во взаимосвязанные, но автономные подсистемы общества. Он является предметом анализа в теории общественного выбора, в центре внимания которой находится политический выбор в условиях прямой и представительной демократии (Бьюкенен, 1997. Т. 1. С. 31-206; Мюллер, 2007). Поскольку в теории общественного выбора трактовка политики как особого рода рынка впервые получила развернутое обоснование, поэтому представленные в её рамках модели можно определить как «классические» политические рынки. Они выступают как элемент социально-экономической системы, базирующейся на саморегулирующихся экономических рынках, управляемых ценами и неподвластных прямому государственному влиянию. В рамках такой системы политические рынки выступают как механизм производства общественных благ (в широком смысле слова), которые требуют использования государственного принуждения. При этом экономические и политические рынки выступают как относительно автономные, но связанные отношениями взаимозависимости подсистемы.

Субъектами классических политических рынков выступают «избиратели», «публичные политики» и профессиональные бюрократы («рациональные бюрократы»). Они образуют агентскую цепочку, в рамках которой избиратели являются принципалами, а публичные политики и профессиональные бюрократы

агентами (речь идет об идеальной модели, причем в теории общественного выбора отмечается несовершенство политических рынков). В то же время специально подчеркивается, что наличие «открытых» и конкурентных политических рынков создает условия для формирования эффективной системы прав собственности, построенной на четком разделении и взаимодействии режимов частной и государственной собственности.

Э. Г. Фуруботн и Р. Рихтер, характеризуя конституционные правила, определяющие институциональную структуру экономики, основанной на частной собственности, включают в их число систему прав собственности, контрактного права и правила, обеспечивающие достоверность обязательств государства уважать частную собственность (Фуруботн, 2005. С. 335-337). «Открытые» и конкурентные политические рынки выступают важнейшим элементом механизма контроля за государством, обеспечивающим его ориентацию на поддержание режима защищенных исключительных прав частных собственников. В то же время общественный сектор как система производства общественных благ, включающих услуги государства по спецификации и защите прав собственности, функционирует в рамках режима государственной собственности.

Вышеописанная система служила и служит провозглашаемой нормативной целью проводимых в постсоветский период экономических и политических реформ. Однако реальный ход постсоветской трансформации был задан сложившейся в предшествующий период структурой «рынков власти», что можно считать ярким проявлением «эффекта исторической обусловленности развития» (path dependency).

Исходным пунктом развития выступил сложившийся в ходе эволюции советской экономики и социума бюрократический (административный) рынок. Анализ бюрократического (административного) рынка как системы «товарных» и властных трансакций был проведен такими исследователями, как П. Авен, В. Широкин, В. Найшуль, С. Кордонский и др. (Авен, 1987; Найшуль, 1992; Кордонский, 2000). Субъектами статусных «торгов» на бюрократическом рынке выступали различные группы номенклатуры, встроенные в единую партийно-государственную иерархию. При этом центральным звеном этой системы выступали вертикальные торги. Руководящие органы использовали в рамках таких «торгов» инструменты властной мотивации и права на распоряжение ресурсами. Руководители предприятий и ведомств использовали свои преимущества, базирующиеся на владении адекватной экономической информацией о ресурсах и потребностях, а также на контроле над реальным процессом производства. Система вертикальных торгов дополнялась горизонтальными торгами между организациями.

Важнейшими особенностями бюрократического (административного) рынка являются:

1. Сращивание политических и экономических торгов при решающей роли торговли властным ресурсом (это следствие политизации экономики, когда основная масса не только общественных, но и частных благ производилась в рамках централизованно управляемого государственного хозяйства).
2. Статусное неравенство участников торгов и преобладание статусной конкуренции. Важнейшей целью всех участников является борьба за укрепление своих статусных позиций, что расширяет реальные возможности смягчения бюджетных ограничений.

Развитие по пути бюрократического рынка с присущими ему механизмами статусной конкуренции означало формирование особого режима прав собственности, характеризующегося «перевернутостью» отношений принципал-агент на формальном и реальном уровнях этой системы. На уровне формальных прав собственности государство являлось принципалом, а представители партийно-хозяйственного номенклатуры различного уровня – его агентами. Однако перетекание экономической власти к хозяйственной номенклатуре предприятий и ведомств, а также к руководителям местных партийно-государственных структур

означало, что, формально оставаясь агентами, управляющие все больше превращались в принципалов, контролирующих наибольший объем прав собственности на ресурсы. При этом узкий состав этих специальных групп интересов и ориентация их участников на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству придает им характер распределительных коалиций, снижающих своими действиями эффективность экономики (показательным представляется характеристика их деятельности как проявления «красного склероза», данная М. Олсоном) (Олсон, 1998).

Сложившаяся структура бюрократических рынков во многом предопределила направления институциональной трансформации экономики во время перестройки и в постсоветский период. Центральную роль отечественные реформаторы отводили проведению массовой и максимально быстрой приватизации, которая призвана была разрушить взаимосвязь власти и собственности. При этом особую надежду реформаторы возлагали на то, что действующие в условиях конкуренции частные собственники создадут массовый спрос на право. Речь в данном случае идет как об их ориентации на активное использование в экономике либеральных формальных норм, так и о коллективных действиях на политическом рынке, направленных на дальнейшее совершенствование этих норм и практик их применения.

Таким образом, по замыслу реформаторов массовая приватизация должна была сыграть решающую роль в разделении экономической и политической сфер, формировании относительно самостоятельных экономических и политических рынков. Однако полученные результаты не оправдали этих надежд. Во-первых, «слабое» российское государство вынуждено было идти на постоянные «сделки» с узкими по составу, но влиятельными группами интересов, выступающими как распределительные коалиции. Во-вторых, не произошло формирования субъектов спроса на либеральные формальные нормы. В роли потенциального субъекта рассматривался, прежде всего, развивающийся бизнес. Однако высокие издержки коллективного действия для большинства предпринимателей, а тем более для других групп населения, по существу блокировали становление широких групп интересов, способных стать субъектами конкурентного политического рынка. В этих условиях узкие по составу группы интересов, обладающие устойчивыми экономическими и политическими преимуществами, оказались заинтересованными в ослаблении государственной защиты прав собственности, поскольку извлекали существенные выгоды из передела активов в свою пользу.

В результате вместо планируемого разделения «экономики» и «политики», формирования системы классических политических рынков произошла трансформация советского бюрократического (административного) рынка в постсоветский политико-бюрократический (политико-административный), представляющий собой «институциональный гибрид», соединяющий элементы статусных «торгов» и классических политических рынков.

Конфигурация сложившегося в стране гибридного политико-бюрократического рынка ограничивает потенциал современного *российского государства как субъекта модернизации*.

Характерными чертами отечественного политико-бюрократического рынка являются:

- 1) Реальное сращивание политических, бюрократических и экономических «торгов» при их формальном разделении.
- 2) Встречная «бюрократизация» политических и экономических транзакций и «политизация» бюрократических и экономических «торгов». «Бюрократизация» заключается в том, что конкурентоспособность акторов в политике и бизнесе определяется статусом во властной иерархии. «Политизация» означает, что «бюрократы» и «предприниматели» ведут себя как «политики», ориентируются на наращивание своего политического (властного) ресурса. Это ведет к тому,

что из системы практически полностью вытесняются, с одной стороны, публичные политики, выступающие как агенты избирателей, а с другой – «рациональные бюрократы», ориентированные на эффективное выполнение функций административного управления. В результате основными субъектами отечественного политико-бюрократического рынка стали: *«политизированные» бюрократы и «политизированные» предприниматели.*

Место публичных политиков занимает высшее звено политизированной бюрократии в лице «правлящей группы». Нижестоящие звенья бюрократии (включая представителей силовых и правоохранительных структур), при условии лояльности правящей группе и выполнении определенного минимума общественно необходимых функций, имеет возможность «приватизировать» часть государственных функций и путем «продажи» политического ресурса реализовывать свои частные интересы. Бизнес, в первую очередь крупный, представляет собой совокупность политизированных предпринимателей, которым правящая бюрократия предоставила возможности доступа к распоряжению активами и использованию политического ресурса при условии выполнения имплицитных обязательств политической лояльности и ряда функций по поддержанию экономической и социально-политической стабильности в стране. Модификация этой системы в 2000-е годы по существу завершила процесс постсоветской реструктуризации отечественных «рынков власти», связанный с восстановлением в новых формах единой иерархии властных торгов с включением в её состав компонентов и форм классических политических рынков. Результатом её стало формирование властной вертикали. В рамках политики её построения федеральные власти приняли комплекс мер по укреплению своих переговорных позиций в торгах с представителями крупного бизнеса и руководителями региональных и местных властных структур.

Соответственно, в современной России федеральная власть выступает в экономике как верховный «хозяин», заинтересованный в укреплении своего контроля над нижестоящими «хозяевами» территорий (руководителей региональных органов власти) и «производственных» корпоративных структур (владельцами и менеджерами общенациональных по масштабу деятельности частных и государственных компаний). Это означает, что сформировавшаяся в России *«вертикаль власти» - это вовсе не иерархическая система административного управления, а система статусных торгов между политизированными бюрократами и политизированными предпринимателями, выступающими как «хозяева» отраслей и территорий.*

При этом существует двухсторонняя зависимость между параметрами отечественного политико-бюрократического рынка, с одной стороны, и структурой и целевыми функциями субъектов институционального проектирования, с другой стороны. Особенности сложившегося в стране «рынка власти» определяет элитарный состав субъектов институционального проектирования, в качестве которых выступают *либеральное экспертное сообщество и правящая политизированная бюрократия.* Оба субъекта, будучи достаточно узкими по составу группами интересов, позиционируют себя в качестве «благодетельного диктатора», руководствующегося общественным благом и способного сформулировать и обеспечить реализацию общественных интересов. Либеральное экспертное сообщество видит в правящей бюрократии инструмент реализации своих проектов в условиях, когда оно не уверено в их поддержке большинством населения. Поэтому оно лоббирует принятие либеральных проектов в обход демократического процесса, минуя общественные дискуссии и политическую конкуренцию вокруг программ общественного развития. С другой стороны, правящая политизированная бюрократия имеет собственные представления об общественном интересе и использует разработки либерального экспертного сообщества для их теоретического обоснования. При этом данные разработки подвергаются существенной модификации, в результате чего принимаемые нормативные акты выступают уже

как относительно самостоятельные проекты, отражающие целевые установки правящей бюрократии.

«Провалы» либерального экспертного сообщества неразрывно связаны с его нормативной ориентацией на использование моделей и инструментов институционального проектирования, созданных и продемонстрировавших свою эффективность в условиях институциональной системы, построенной на разделении и взаимодействии экономических и классических политических рынков. Это означает, что они слабо учитывают специфику, *как объекта, так и субъекта реформирования*. Примером этого могут служить реформы государственного управления в России. Рекомендации экспертного сообщества базировались на применении стандартных инструментов нового государственного менеджмента (НГМ), которые работают в условиях, когда субъектом реформы выступают публичные политики, объектом – профессиональная (рациональная) бюрократия, а контролером – структуры гражданского общества, представляющие интересы избирателей-потребителей публичных услуг. В России же эти реформы проводились, как пишет Е. А. Капогузов, в условиях *«совпадения субъекта реформ, её объекта и контролера реформ»* (Капогузов, 2012. С. 314). В этом качестве выступила правящая политизированная бюрократия, которая модифицировала предложения либерального экспертного сообщества под свои интересы. В результате заявленные цели реформ, связанные с повышением качества и эффективности государственного управления не были достигнуты.

Последствием провалов этого и многих других институциональных проектов для либерального экспертного сообщества является снижение её общественной и профессиональной репутации. Потери правящей бюрократии связаны с дискредитации её деятельности в глазах населения, что в перспективе угрожает опасным снижением уровня лояльности общества существующей власти. Усиление такой угрозы потенциально может заставить правящую бюрократию учитывать в своих институциональных проектах интересы более широкого круга экономических и социальных акторов. В этом случае актуализируются идеи И. Т. Посошкова о необходимости диалога государства с широкими слоями общества, обязательного учета их «вольного голоса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авен П. и Широкин В. (1987). Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // *Известия СО АН СССР (Сер. «Экономика и прикладная социология»)*, № 3, с. 32-41.

Бьюкенен Дж. М. (1997). Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии: пер. с англ. // *Сочинения*; гл. ред. кол. Нуреев Р.М. и др. М.: «Таурис Альфа», Т. 1, с. 31-206.

Гайдар Е. Т. (1997). Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма.

Капогузов Е. А. (2012). Институциональная структура производства государственных услуг: от веберовской бюрократии - к современным реформам государственного управления. Омск: Изд-во Ом.гос. ун-та.

Кордонский С. Г. (2000). Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ.

Мюллер Д. (2007). Общественный выбор III / пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова. М.: ГУ-ВШЭ.

Найшуль В. (1992). Либерализм и экономические реформы // *МЭ и МО*, № 8, с. 69-81.

Норт Д., Уоллис Д. и Вайнгаст Д. Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.

Олсон М. (1998). Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз: пер. с англ. Новосибирск: ЭКОР.

- Платонов Д. Н.* (1989). Иван Посошков. М.: Экономика.
- Посошков И. Т.* (1951). Книга о скудости и богатстве / Ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР.
- Фуруботн Э. Г. и Рихтер Р.* (2005). Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В. С. Каткало, Н. П. Дроздовой. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та.

REFERENCES

- Aven P. and Shironin V.* (1987). Reform of the Economic Mechanism: the Reality of the Planned Changes. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR (Series "Economics and Applied Sociology")*, no. 3, pp. 32-41. (in Russian).
- Buchanan J. M.* (1997). Settlement agreement. *Logical Foundations of Constitutional Democracy: Transl. from English. Works*; Ed. by Nureev R. M. et al. M.: "Taurus Alpha", vol. 1, pp. 31-206. (in Russian).
- Gaidar Y. T.* (1997). State and Evolution. How to Separate the Property from the Government and Increase the Well-Being of Russians. St. Petersburg: Norma. (in Russian).
- Kapoguzov E. A.* (2012). The Institutional Structure of Production of Public Services: from Weberian Bureaucracy - to Modern Public Administration Reform. Omsk: Publ. House of Omsk State University. (in Russian).
- Kordonskiy S. G.* (2000). Authority Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia. M.: OGI. (in Russian).
- Muller D.* (2007). Public Choice III / Transl. from English. Ed. by A. P. Zaostrovtshev, A. S. Skorobogatov. M.: HSE. (in Russian).
- Naishul V.* (1992). Liberalism and Economic Reforms. *MEiMO*, no. 8, pp. 69-81. (in Russian).
- North D., Wallis J. and Weingast D. B.* (2011). Violence and Social Orders. Conceptual Framework for the Interpretation of the Written History of Mankind. M.: Publ. House of Gaidar Institute. (in Russian).
- Olson M.* (1998). The Rise and Decline of Nations. Economic Growth, Stagflation, Social Sclerosis: Transl. from English. Novosibirsk: EKOR. (in Russian).
- Platonov D. N.* (1989). Ivan Pososhkov. M.: The Economy. (in Russian).
- Pososhkov I. T.* (1951). Book on Poverty and Wealth / Ed. and Comments by B. B. Kafengauz. M.: Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).
- Furubotn E. G. and Richter R.* (2005). Institutions and Economic Theory. Achievements of the New Institutional Economics / Transl. from English. Ed. by V. S. Katkalo, N. P. Drozdova. St. Petersburg: Publ. House of St. Petersburg State University. (in Russian).

«ЕДИНОЧАЯТЕЛИ» ПОСОШКОВА (СОЧЕТАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКОВ)

КАЛМЫЧКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: kalmychkova@mail.ru

Рассматривается ранний этап развития российской экономической мысли: становление предмета и метода науки, специфика этого процесса в связи со спецификой социально-экономического уклада Российской империи, общих консерватизм трактовок микро- и макроэкономических проблем функционирования экономики. Показаны пути и методы адаптации основных концепций западной экономической мысли. Поставлена задача доказать, что адекватное восприятие теоретических постулатов классической политической экономии оказалось полностью или частично невозможным вследствие формирования консервативной интеллектуальной традиции, повлиявшей на ведущих российских экономистов, как чиновников, мещан, так и дворян. Вместе с этим, прикладные экономические исследования (по проблемам тарифов, денежного обращения, организации кредита, развития экономики поместья) развивались и давали интересные и адаптированные к российским условиям результаты.

Ключевые слова: *экономическая теория; история экономической мысли; предмет и метод экономической науки; меркантилизм; меркантилизм; классическая политическая экономия; физиократы; либерализм; консерватизм; российская экономическая мысль; традиционализм.*

"EDINOSHAYATELI" BY POSOSHKOV (COMBINATION OF THEORETICAL AND APPLIED ECONOMIC SCIENCES IN THE RESEARCH OF RUSSIAN SCIENTISTS OF THE XVIII - EARLY XIX CENTURIES)

KALMYCHKOVA ELENA, N.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «History of National Economy and Economic Thought», Lomonosov Moscow State University, e-mail: kalmychkova@mail.ru

In this paper we consider an early stage of development of Russian economic thought, becoming the subject and method of science, the specifics of this process in connection with the specific socio-economic structure of the Russian Empire, the general conservatism interpretations of micro and macroeconomic problems in the functioning of the economy. The ways and methods of adaptation of the basic concepts of Western economic thought. Tasked to prove that an adequate perception of the theoretical postulates of classical political economy was completely or partially impossible due to the formation of the conservative intellectual tradition influenced the leading Russian economists as officials, burghers and nobles. At the same time, applied economic work (rates, currency, credit business, economic development estates) and allowed to develop

interesting and adapted to Russian conditions results.

Keywords: *economics; history of economic thought; the subject and method of economics; cameralism; mercantilism; classical economics; the Physiocrats; liberalism; conservatism; the Russian economic thought; traditionalism.*

JEL: B10.

Уже с середины XVII века российская наука развивалась в русле западной науки. Вместе с тем, необходимо проанализировать своеобразие интерпретации предмета и методов экономической теории отечественными экономистами. Их идеи в целом были схожи с идеями западной экономической науки, но постоянно пересматривались с учетом особенностей социально-экономического развития России. Реформы Петра Великого ускорили процесс знакомства россиян с передовой экономической мыслью Запада, породили необходимость постоянного сравнения и адаптации экономических взглядов. Такой адаптации подверглись взгляды меркантилистов (вернее, камералистов), физиократов, а также английских классиков.

Адаптация западных идей к российским условиям проходила в XVIII – начале XIX вв. по следующим трем направлениям:

- 1) проблемы развития государственного/народного хозяйства (И. Т. Посошков, М. В. Ломоносов);
- 2) проблемы частного (точнее, частно-помещичьего) хозяйства и его эффективности (В. Н. Татищев, А. Т. Болотов, А. Я. Поленов);
- 3) сопоставление эффективности государственного и частного хозяйствования (И. Т. Посошков, Н. С. Мордвинов).

Можно выделить несколько этапов развития экономической науки в России.

Первый этап – это формирование предмета исследования. Представление о богатстве сразу же возникло как комплексное понятие, включающее как экономические, так и неэкономические (социальные, политические, религиозные, психологические) компоненты. Этот этап продолжался вплоть до середины XIX века. Даже в идеях В. А. Милютина богатство трактуется как благосостояние, не исчерпывающееся чисто экономическими (материальными, воспроизводственными) показателями.

В то же время уже в начале XIX века такие представления воспринимаются как пережиток – как отставание отечественной науки от передовой классической школы политической экономии, как ярко выраженный консерватизм российской экономической мысли. В середине – конце XIX века с развитием исторической школы и институционального направления такие взгляды дали толчок новому витку развития экономической мысли, став основой междисциплинарного подхода.

Второй этап развития российской экономической мысли вывел к началу XX века российских ученых на передовые рубежи экономической науки (в частности, в области разработки комплексной теории воспроизводства, экономического роста, циклов и кризисов).

На *третьем* этапе, в 1920-е годы, эта тематика преобразовывается в разработку теории и практики государственного регулирования и планирования экономики (и советского общества в целом). Однако такой подход по-прежнему предполагал, что предмет экономической науки рассматривается комплексно, что функционирование экономики не отделяется от развития всего общества, экономический рост и цикл – от проблемы благосостояния.

Аналогично можно рассмотреть и развитие метода экономической науки. От практического метода (эмпиризма) меркантилистов и камералистов, а также от деизма и «естественного закона» классиков на первом этапе развития экономических воззрений в России (до середины XIX века) оказались взяты только некоторые подходы. Начиная с И. Т. Посошкова, в работах Татищева, Поленова, Сумарокова, Болотова, Ломоносова научный анализ постоянно сопровождается серьезными

религиозными и духовными исканиями. Дуализм веры и науки постоянно сдерживал абстрактный анализ, построение системы универсальных категорий, характерной для классической политической экономии. Вместе с тем, этот дуализм не препятствовал прикладным исследованиям, выработке конкретных рекомендаций относительно хозяйства страны, государства, а также и отдельного помещика или купца.

Экономические взгляды российских исследователей не отличались революционностью. Скорее, преобладал консерватизм, желание освоить и осмыслить (а не преобразовать) наличные условия общественной жизни. Поэтому сильное влияние оказал не столько меркантилизм с его определенным прагматизмом и имморализмом, но особенно камерализм – немецкая система общественного хозяйствования. У камералистов акцентированы ведущая роль государства, комплексное освоение природных и людских ресурсов страны. Получалось, что традиционные идеи Домостроя можно перенести на осмысление проблем развития хозяйства в стране с учетом моральных, религиозных, культурных особенностей народа и времени. Такое влияние сильно ощущается в работах Посошкова (интуитивно), Ломоносова (сознательно), Татищева, Сумарокова и даже такого поклонника Адама Смита, как Мордвинов. Немецкие экономисты, работавшие в России (Г. Шторх и Й. Ланге), разрабатывали модели воспроизводства, опираясь на идеи Ф. Кенэ, но в прикладном (уточненном) варианте старались отразить особенности экономики страны в целом.

Рассмотрим основные направления, в которых происходила трансформация экономической мысли в работах российских ученых.

Соотнесение географических и природных условий России и Западной Европы показывало глубокие различия в обстановке проживания и хозяйствования.

Так, М. В. Ломоносов предложил знаменитый план по освоению Северного морского пути для плавания в Индию, а также освоения Сибири и Дальнего Востока. Это предприятие могло быть по силам только русскому флоту, иностранные мореплаватели не смогли его осуществить из-за природных условий. По мнению Ломоносова, только морской путь, проложенный и освоенный самими северянами, даст возможность комплексно использовать все богатства Зауралья, а также позволит России принять активное участие в освоении богатств Индии, Малой Азии и Китая. Фактически Ломоносов в 1760-е гг. предлагал развивать Великие географические открытия XVIII века на альтернативной (северной) основе.

Процитируем самого М. В. Ломоносова: «Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое – от внутреннего покоя, безопасность и удовольствия подданных, второе – от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира, третье – от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество. Российская империя внутренними изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими странами равняется, многие превосходит. Внешнее купечество на Востоке и на Западе хотя в нынешнем веку приросло чувствительно, однако, рассудив некоторых европейских держав пристранное и сильное сообщение разными торгами со всеми частями света и малость оных против российского владения, не можем отрещись, что мы весьма далеке от них остались. ...Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом, о которого возможности найдутся в сем моем рассуждении довольные доказательства. ... Правда, что здесь затруднением грозят льды и стужи, однако, положив оные в сравнение с путешествием в Восточную Индию около Африки, много легче усмотрим и против одной стужи многие и большие неудобства найдем... Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужею продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным...» (Ломоносов, 2011. С. 470-471, 472, 473).

Адмирал Н. С. Мордвинов – общественный и государственный деятель, а

также экономист, прекрасно знакомый с классической политической экономией – указывал, что суровость климата и протяженность территории России предопределяет особое соотношение сельского хозяйства и промышленности, необходимость тарифов, невозможность полного разделения труда.

«...Весь российский земледельческий народ, не занимаясь полевыми работами свыше 6 месяцев, находится половину года, и более даже, праздным..., - писал он. – Другие народы, по тому удобству, которое имеют упражняться с ралом в руках во весь год, могут быть одними только землепахателями; России же законом самой природы и щедрым наделением ее от оной предписано быть народом вместе земледельческим и ремесленным..» (Мордвинов, 1945. С. 80).

При этом Мордвинов подчеркивает, что совмещение развития фабрик и купеческих предприятий пойдет на пользу развития земледелия, а не в ущерб ему, а также, что этот процесс надо *организовать сознательно и на государственном уровне, совместив с демографической, переселенческой и торговой политикой*. Это процесс, порожденный естественным законом (природой), но не стихийный. Он приводит в пример Англию, но не соглашается с Адамом Смитом по поводу свободы торговли: «В России, конечно, со введения иностранной торговли землепашество распространилось, но оно не усовершенствовалось в искусстве, ибо при распространении торговли, большее токмо количество земли засеваемо бывает; усовершенствование же в искусстве зависит единственно от размножения ремесел и рукоделий» (Мордвинов, 1945. С. 83).

Особое внимание у первых отечественных экономистов вызывает соотнесение понятий «богатства» и «экономика».

Так, И. Т. Посошков трактует богатство не как сумму материальных благ и услуг, а как систему воспроизводства, которая включает религиозные, политические, социальные институты и ценности. Поэтому в России, в отличие от Запада, богатство прирастает от народа (купечества, крестьянства, предпринимателей), украшается воинством, но главная «правда» (цены, торговля, деньги) – от царя.

Трактовка естественного закона В. Н. Татищевым также включает российскую специфику: естественный закон действует в экономике (а именно – в домоводстве), но во всем обществе гармония учреждается государством. Огромное пространство России не может автоматически быть структурировано рынком, или натуральным хозяйством. Ведение хозяйства в целом соединяет науку, искусство и политику. В «Представлении о купечестве и ремеслах» (1748 г.) Татищев особо подчеркивал роль государства как структурирующую и направляющую в организации хозяйства в целом, устройстве внутреннего рынка, финансовой сферы¹.

Особенно остро в России обсуждалась связь экономической теории с философией Просвещения, деизмом и атеизмом французских философов. Даже идеи Лейбница и его пропагандиста Х. Вольфа казались слишком далекими от традиционной российской идеологии.

В частности, В. Н. Татищев, признавая роль науки эпохи Просвещения в понимании людьми законов природы, человеческой деятельности, развития общества для наилучшего использования этого знания в различных сферах хозяйства, отрицал возможности новой науки в раскрытии свойств души, этики². Для наилучшего понимания всех сторон жизни, по его мнению, нужны и ум, и душа, и образование, и вера. При этом образование и развитие ума не должно нарушать веру, этические принципы.

А. Т. Болотов вообще воспринимал рационалистическую философию эпохи Просвещения как чуждую основам российской духовности и традиционному единству научного, рационалистического и этического подходов к анализу общественной жизни и возможностям преобразования общества и человека. Он, так же как и Татищев, искал пути соединения нравственности, традиционной духовности и рационализма науки, объективной истины. Его главная идея состояла

¹ См.: М. В. Ломоносов и его время. М.: ТЕИС, 2011, с. 83-96.

² Там же, с. 64-76.

в том, что научная истина должна сочетаться со счастьем душевного покоя, сознания собственной правоты чистой совести.

О таком же сочетании истины и совести писал А. П. Сумароков в своем очерке «О домостроительстве» (1787). Не важно, указывал он, насколько выгодно или удачно ведение хозяйства, если от этого страдают крестьяне, ухудшается общее отношение между членами семьи³.

Таким образом, намечалась общая тенденция, в рамках которой теория объявлялась сферой «высокой науки», даже философии, а прикладные исследования рассматривались как нужные ради «блага отечества» и максимально приспособлялись под реалии России (географические, политические, демографические, культурные). Такое разделение «сфер влияния» позволяло решить главный парадокс жизни в послепетровскую эпоху российских ученых, занятых проблемами в области общественных наук: как соединить в целом весьма консервативный, традиционалистский социально-идеологический контекст российской жизни с необходимостью усвоения самых передовых знаний западной, материалистической атеистической науки Западной Европы, которая развивалась уже с XVI века на светской основе.

В результате получился интересный симбиоз, который сохранялся в отечественном обществоведении вплоть до середины XIX века. Передовые прикладные исследования и достижения в сферах как частного, так и государственного хозяйства опирались на трансформированные, адаптированные теоретические идеи, либо разработанные в России, либо заимствованные из маргинальных для своего времени концепций и философских систем Запада. Поэтому сохранение единства всей системы социальных знаний, не-выделение экономических проблем как автономного предмета изучения вплоть до первой половины XIX века не является случайным. Это и есть выражение главной специфики российского подхода к экономической теории.

Не случайно и В. А. Милютин уже в 1847 г. критиковал школу А. Смита и поддерживал С. Сисмонди и его идею благосостояния, счастья, а не абстрактного богатства: «Политическая экономия должна раскрыть: какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерному распределению произведенных богатств по всем слоям общества» (*Милютин, 1946. С. 276*). В середине XIX в. эти идеи Милютина оказались созвучны не только Сисмонди, но и Дж. С. Миллю. Парадоксально, что по сути консервативная идея соединения нормативного и позитивного подхода в анализе экономики, которая в начале XIX века выглядела архаичной и романтической в изложении Сисмонди, в середине века уже воспринималась как новая и даже передовая в подаче Дж. С. Милля. Обсуждаемые в публицистике того времени социалистические теории вызвали новый интерес к комплексному, историческому, межпредметному подходу к экономике.

В адаптации западных теорий в России обращает внимание, прежде всего, ориентация на камералистику немецкого образца как на наиболее «приспособленную» теорию для комплексного исследования богатств России и их использования с учетом культурных, политических, социальных особенностей страны. В германских университетах получила образование многие российские ученые. Даже те, кто учились в Англии и Шотландии и слушали лекции самого Адама Смита, сами предлагали системы, близкие к немецкому подходу⁴. Именно так построена, в частности, работа С. Е. Десницкого «Юридическое рассуждение о разных понятиях, которые имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежития» (1781).

Десницкий утверждал, что в истории действует естественный закон, что народы и хозяйства разных стран проходят разные стадии развития, так же как человек – состояния детства, юности и зрелости. Это – природная, но одновременно и

³ См.: М. В. Ломоносов и его время. М.: ТЕИС, 2011, с. 179-181.

⁴ Там же, с. 229-234.

общественная закономерность. Ее можно познать наблюдениями. Развитие хозяйства от землепашеского к коммерческому состоянию он связывал с развитием собственности от неразвитой земельной, феодальной, к развитой частной, распространяющейся на движимое имущество и на плоды экономической деятельности. Россия, находясь еще на этапе переходном к коммерческому состоянию, должна развиваться с помощью государства, совершенствуя гражданское, коммерческое право. При этом Десницкий апеллировал к истории России, к историческим документам и обычаям, которые еще надо изучить и учитывать в дальнейшей деятельности.

Идеологическое давление философии Просвещения на российских экономистов оказывалось, таким образом, минимальным. Ученые выступали как патриоты и реалисты, не отрицающие рационалистическую науку, но и не подвергающие сомнению традиции политического и социального устройства России. Напротив, если нужны были философские обоснования экономических идей, они охотно прибегали к аргументации, близкой к мнению Ивана Пересветова (публициста XVI в.) о соотношении правды и веры в обществе⁵.

Так, Посошков, сравнивая развитие товарно-денежных отношений в России и на Западе, связывал правильность обращения денег с правильностью веры и устройства государства. Он считал, что воля Государя является *единственно* правильной основой денежного обращения, товарных цен. При этом он подчеркивал, что если западные купцы, предприниматели, ориентируются на медь, серебро или золото, то русские – на веру в правильность постановлений царя. Правда, тут есть один нюанс, которые не совсем соответствует идеям XVI века. У Посошкова явно прослеживается требование взаимности: чтобы вера была самой чистой, или чеканка монет должна быть самой правильной.

Приведем знаменитую цитату целиком: «Иноземцы в своих иноземных деньгах сличают цену по положению в них материалу, а не по власти королевской, они паче почитают серебро или медь. Мы же монарха своего почитаем яко бога, и честь его опасно храним и волю его всеусердно исполняем. И того ради, иде же узрим имя его царскаго величества назначено, то мы честно и опасно храним. И под именем его императорского величества аще медь, то и медь подобает полагати самую чистую, без всякого примеса, буде же серебро, то и серебро самое ж чистое и беспорочное было б. Буде золото, то золото бы уже оно и было самое самое чистое и честное, чтобы оно всех земель превозвышло. Мое желание к сему тако лежит, чтобы так в червонце золото учредить, что выше салтаней ево поставить. Дабы на весь свет, не токмо при животе его, но и по смерти монарха нашего имя славилось, то бы добро во всех землях паче салтаней за них хватались. Понеже червонцы не ради торга, или приобретения богатства, но ради самые сильные и прочные славы его величества» (Посошков, 2003. С. 207).

В это цитате слились и мысли о превосходстве правды царя над всей экономической жизнью, и определенные обязательства народа перед царем, и в подтексте, как нам представляется, определенные обязательства государственного монетного двора перед всеми – царем, народом русским, иноземным купечеством, даже историей и географией.

В целом, по отношению к теории можно показать двойственную позицию российских экономистов: теория нужна, но развивать ее надо только применительно к российским условиям. Универсальные законы можно признавать, но применяются они только как специфические. Экономические процессы необходимо рассматривать в тесной связи с географией, политикой, религией данной страны – России.

Сознательный отказ от наиболее явных деистских, атеистических постулатов западной философии, от либерализма и эмпиризма приводил к тому, что восприятие аналитического метода происходило в тесной связи с религиозными, этическими,

⁵ См.: Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале нового времени (XVI – XVIII вв.). М.: Софт Клаб, 2013, с. 49-52.

культурными воззрениями самих российских ученых. В результате большинство российских ученых XVIII – начала XIX веков сосредоточилось на проведении прикладных исследований, которые не подрывают традиционных ориентиров духовной жизни дворянства и остальных сословий России. Именно таков путь А. Т. Болотова, П. И. Рычкова, А. Я. Поленова.

Проявлением этой же тенденции можно считать и двойственную политику Екатерины Великой по отношению к Вольному экономическому обществу уже с конца 1770-х годов. Екатерина не одобрила прямого влияния физиократов на работу общества, так как ей не понравилась критика крепостного права со стороны Мерсье де ла Ривера. Несмотря на близость физиократов к пониманию связи естественного закона с волей монарха, их теория казалась слишком радикальной, не подходящей для развития в России (*Ломоносов, 2011. С. 9*).

В работах российских ученых теоретические положения физиократизма и английской классики претерпели ряд существенных изменений для того, чтобы приспособиться под конкретные исследования проблем экономики и экономической политики России. Например, Члены Вольного экономического общества, обсуждая проблемы сельского хозяйства, указывали на свободный труд помещика (!) по управлению хозяйством как на главный источник благосостояния страны. Проблемы ведения хозяйства затрагивались не с точки зрения деятельности фермеров (крестьян), а именно и только с точки зрения правильного управления хозяйством со стороны добросовестного и образованного (просвещенного) помещика.

Интересное обсуждение состоялось в рамках Вольного экономического общества относительно имущественного состояния крестьян, когда был объявлен конкурс на лучшее изложение данной темы. Большинство участников конкурса считали крепостное состояние крестьян естественным, то есть соответствующим естественному закону (порядку вещей). Труд на земле, использование природных богатств – это заслуга хозяина, то есть помещика. Ему и принадлежит собственность на землю, на ее продукт и также на крестьян. Это было весьма сложное положение, противоречащее как французскому, так и английскому варианту классической политической экономии, а также соответствующей им либеральной политике.

В этом положении о крепостном праве и положении крестьян сфокусировано своеобразие российской экономики, идеологии и политики. Российская империя была построена на основании землевладения помещиков, прикрепления крестьян к земле. Получилась социально-политическая вертикаль, где долг каждого подданного – служить государству на военном или гражданском поприще, используя как экономический ресурс данную за службу землю и прикрепленных к ней крестьян. Дворянство с трудом формировалось в XVII-XVIII вв. как единое сословие, осознавая свой долг и свое единство в структуре общества. «Указ о вольности дворянской» 1762 года ускорил этот процесс, но поставил службу в зависимость от самосознания дворянина. Этот указ оказал противоречивое действие на дальнейшее развитие империи. Получалось, что дворяне действительно оказались единственно свободными людьми среди подавляющего большинства крестьянского населения и прикрепленных к заводам рабочих⁶.

Консервативные взгляды развивали как явные сторонники крепостного права (А. Т. Болотов, А. П. Сумароков), так и либерально настроенные экономисты (А. Я. Поленов, Н. С. Мордвинов). Правда, например, А. Я. Поленов считал, что полезно для развития свободного и сознательного труда наделять крестьян имуществом, чтобы постепенно формировать хозяйственные склонности и стимулировать переход к более свободному и ответственному поведению.

Н. С. Мордвинов соглашался, что естественный закон предполагает разделение труда, частную собственность и ее охрану, что ведет к развитию торговли и прогрессу общества. В этом он был согласен с А. Смитом. Вместе с тем, по его мнению, применять все общие законы к России нельзя: исторические особенности,

⁶ См.: Правящие элиты и дворянство в России во время и после петровских реформ (1682 – 1750). Под ред. А. В. Доронина. М.: РОССПЭН, 2013; Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. М.: Астрель, 2012.

география, нравы, законы уже предполагают особые условия хозяйствования. К таким законам, освященным традициями, он относил и крепостное право. Мордвинов полагал, что оно естественным образом будет преодолено через экономическое, социальное и моральное развитие. Однако, по его мнению, оно не может быть насильственно отменено, так как это нарушит уже сложившиеся социально-экономические связи. Мордвинов уповал на улучшение всей экономики России через кредитные реформы, введение тарифов на внешнюю торговлю и освобождение внутренней торговли (Мордвинов, 2008. С. 23). Иначе говоря, естественный закон сам приведет к умиранию крепостного права, а либерализм должен выразиться в поощрении правительством частной инициативы во всех отраслях экономики.

А. Т. Болотов стоял, как и А. П. Сумароков, на весьма консервативной позиции. На естественное освобождение крестьян он не рассчитывал, поскольку крестьянин, как полагал Болотов, еще не может полностью воспользоваться свободой, да и не все формально-свободные хозяева серьезно отличаются от крестьян. В своих трудах («Наказ управителю», «Рассуждения о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда» и др.) он развивал следующие положения.

Дворянство – это наилучшее состояние для формирования свободной достойной личности. Болотов считал, что Бог его избрал для дворянского состояния, и этим определяется его долг перед обществом, направление его трудов (сельское хозяйство, парковое и садовое строительство, богословие для воспитания семьи и крестьянства). Чтобы оправдать свое избранное положение, помещик должен быть тесно связан с крестьянином, должен подавать пример творческого свободного труда в сельском хозяйстве. Только такой труд является эффективным, но не все до него «доросли».

По мнению Болотова, труд – свободный и творческий – основа жизни и счастья. Однако крестьяне не могут быть свободными полноценными трудящимися и хозяевами. Крестьяне пьют, воруют, подвержены страстям, не образованы, не могут полностью отвечать за свои действия. Их нужно воспитывать, поощрять и наказывать, подавать пример добрых нравов, заниматься образованием и здравоохранением, следить за нравственностью в семье.

Но если есть люди свободные, то значит ли это, что они одновременно и хорошие труженики, достойные своей свободы? Болотов считал, что это не всегда так. Обследуя имения однодворцев, он писал: «Во всем видна была простота и весьма небогатое состояние; а тому же ответствовало и все строение двора. Не было в нем ничего особенного и могущего свидетельствовать о его преимуществе перед крестьянами, или чтоб было внимания достойное не смотря на хотя и мог он в свое время употребить на себя и предпринимать все, что ему угодно; ибо не отправлял он ни боярщины, ни подвод и не платил ничего и никому, кроме одних обыкновенных податей государю...»⁷.

Идеи А. Т. Болотова согласуются с социально-политическими идеями других российских консерваторов – М. М. Щербатова, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина (Егерева, 2014. С. 163 -190).

В данном случае экономические идеи строго корректируются дворянским взглядом на общество. Но можно ли отрицать, что именно дворянство в эти десятилетия и было наиболее просвещенным, активным и сплоченным социальным слоем, что именно оно и составляло «общество»? Сами дворяне прекрасно это понимали и делиться своим привилегированным положением не хотели.

Можно привести в качестве примера А. П. Сумарокова. Во время обсуждения темы конкурса в Вольном экономическом обществе он ставил вопросы жестко: полезно ли для общества освобождение крестьян? Что останется делать помещику без земли и крестьян? (Ломоносов, 2011. С. 177-178). Вместе с тем, подчеркивая, что дворянин – глава своего поместья, он совершенно в духе классического домостроя

⁷ См.: Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. М.: Астрель. 2012, с. 597.

призывал помещиков хозяйствовать рачительно, осознавать свое единство с крестьянами, не предаваться роскоши, не разорять крестьян непомерными податями. Таким образом, развитие экономики должно идти по традиционному пути. Сумароков сомневался даже в необходимости сильно способствовать развитию мануфактур, торговли и кредита.

Екатерина Великая неоднократно пыталась создать более широкую социально-экономическую базу для российского Просвещения, но всегда считалась именно с интересами и предрассудками дворянства (*Гриффитс, 2013. С. 251-271*).

Как же воспринималось отношение государственного и частного хозяйства в этом сложном и противоречивом единстве традиционных и передовых исследований российских ученых?

Конечно, никто из перечисленных авторов не отрицал благотворительность частной инициативы, развития торговли и промышленности, углубления разделения труда и денежных отношений. Н. С. Мордвинов, С. Е. Десницкий, И. А. Тургенев были знакомы с идеями Адама Смита и во многом с ними соглашались. Вместе с тем, все практически без исключения считали, что для России необходим протекционизм. Они исследовали *государственные* возможности развития торговли, а не полагались на «склонность к обмену» как естественное свойство человека. Контрактные отношения между членами общества рассматривались ими только в контексте *государственной* нужности, усиления государства.

Такое понимание действия «естественного закона» вытекает из необходимости согласования всех процессов, протекающих в частных хозяйствах (Татищев, Мордвинов), а также для усиления экономического роста, защиты частных интересов на внешних рынках, проведения кредитной и промышленной политики для скорейшей модернизации экономики России (Посошков, Рычков, Мордвинов). Государственное хозяйство нужно для развития частного, но и частное может развиваться только для блага государства (целого). Поэтому даже самые «склонные к либерализму» ученые (как Н. С. Мордвинов) выступали за таможенные тарифы, считая их мерой воспитательной и стимулирующей. В то же время они всемерно приветствовали свободу внутренней торговли и основание частных банков. Такие взгляды предвосхищали идеи Ф. Листа и исторической школы в Германии, поскольку вызывались некоторыми схожими социальными и идеологическими условиями развития России и германских государств в XIX веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотов А. Т.* (1931). Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Москва – Ленинград: Academia.
- Гриффитс Д.* (2013). Екатерина и ее мир: статьи разных лет. М. Новое литературное обозрение.
- Егерева Т.* (2014). Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX века. М.: Новый хронограф.
- Елисеева О.* (2008). Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия.
- Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Ломоносов М. В.* (2011). О сохранении русского народа. М.: Институт российской цивилизации.
- М. В. Ломоносов и его время. М.: ТЕИС, 2011.
- Милютин В. А.* (1946). Избранные произведения. М.: ОГИЗ - Госполитиздат.
- Мордвинов Н. С.* (1945). Избранные произведения. М.: ОГИЗ, с. 80, 83.
- Мордвинов Н. С.* (2008). Русская классическая библиотека. М.: Экономическая газета.
- Покидченко М. Г., Сперанская Л. Н. и Дробышевская Т. А.* (2012). Пути развития экономики в России: теория и практика. М.: ИНФРА-М.
- Посошков И. Т.* (2003). Книга о скудости и богатстве. М.: Наука.

Правящие элиты и дворянство в России во время и после петровских реформ (1682 – 1750). Под ред. А. В. Доронина. М.: РОССПЭН, 2013.

Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. М.: Астрель, 2012.

Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале нового времени (XVI–XVIII вв.). М.: Софт Клуб, 2013.

Юрганов А. Л. (2009). Категории русской средневековой культуры. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив Университетская книга – СПб.

REFERENCES

Bolotov T. (1931). *The Life and Adventures of Andrei Bolotov, Described by Him for His Descendants.* Moscow - Leningrad: Academia. (in Russian).

Griffiths D. (2013). *Ekaterina and Her World: Articles of Different Years.* M. New Literary Review. (in Russian).

Egereva T. (2014). *Russian Conservatives in the Sociocultural Context in the Late XVIII Century – the First Quarter of XIX Century.* M.: The New Chronograph. (in Russian).

Eliseeva O. (2008). *Everyday Life of the Noble Class in the Golden Age of Ekaterina.* M.: Young Guard. (in Russian).

Invention of the Century. Problems and Time Models in Russia and Europe in the XIX century. M.: New Literary Review, 2013. (in Russian).

Lomonosov M. V. (2011). *On the Preservation of the Russian People.* M.: Institute of Russian Civilization. (in Russian).

Lomonosov and His Time. M.: TEIS, 2011. (in Russian).

Milutin V. A. (1946). *Selected Works.* M.: OGIZ - Gospolitizdat. (in Russian).

Mordvinov N. S. (1945). *Selected Works.* M.: OGIZ, pp. 80, 83. (in Russian).

Mordvinov N. S. (2008). *Russian Classical Library.* M.: Economic Newspaper. (in Russian).

Pokidchenko M. G., Speranskaya L. N. and Drobyshevskaya T. A. (2012). *Way of Economic Development in Russia: Theory and Practice.* M.: INFRA-M. (in Russian).

Pososhkov I. T. (2003). *Book on Poverty and Wealth.* M.: Nauka. (in Russian).

The Ruling Elite and Nobility in Russia during and after Peter's Reforms (1682 - 1750). Ed. by A. V. Doronin. M. ROSSPEN, 2013. (in Russian).

Russian Life in the Memoirs of Contemporaries. The XVIII Century. M.: Astrel, 2012. (in Russian).

The phenomenon of Reforms in East and West Europe in the Early Modern Period (XVI - XVIII Centuries). M.: Soft Club, 2013. (in Russian).

Yurganov A. L. (2009). *Categories Russian medieval Culture.* Moscow - St. Petersburg Center for Humanitarian Initiatives University Book - SPB. (in Russian).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПРЕДЕЛЕНИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ, МОДЕЛИ

СУХАРЕВ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН,
e-mail: mail@osukharev.com

В статье предпринята попытка очертить контуры институциональной теории технологических изменений, дано определение технологии, определены типы и классы, осуществлена классификация технологий по различным критериям. Проведена элементарная формализация процесса смены технологий и получено для фирмы институциональное правило роста, а также показана постановка структурной задачи технологического выбора.

Ключевые слова: технология; институты; технологические изменения; трансакционные издержки; выбор.

INSTITUTIONAL THEORY OF TECHNOLOGICAL CHANGE: DEFINITION, CLASSIFICATION, MODELS

SUKHAREV OLEG, S.,

Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Senior Researcher,
IE of RAS,
e-mail: mail@osukharev.com

The author attempts to outline the institutional theory of technological change, a definition of technology, defined by types and classes and to classify technologies according to various criteria. The elementary formalization of technology change process is held; an institutional rule of growth for the firm is obtained, and also the production process of the structural problem of choice is shown.

Keywords: technology; institutions; technological change; transaction costs; the choice.

JEL: O12, O14, O33, O43.

1. Технологии: классификация и структура

Существует много таксономических схем технологий и технологического развития¹. Здесь не ставилась цель их повторить либо подробно описать. Можно выделять типы технологий, привязываясь к видам деятельности, либо к характеристическим параметрам самих технологий. Подход с позиций выделения исторических этапов развития техники и технологий, видов производства получил наименование технико-экономических парадигм на Западе и технологических укладов в России (Перес, 2011; Глазьев, 1993). С точки зрения экономической методологии эти подходы одинаковы. Выделяется некий этап развития – период времени (с момента первой промышленной революции), на котором доминируют отдельные производства и технологии. Один этап сменяется другим, при этом по мере эволюции сам интервал времени такого доминирования сокращается от 60 до 40 лет. Однако границы периодов точно не определимы. Причём основной акцент делается на доминирующую отрасль (сектор) экономики, либо вид деятельности,

¹ Здесь имеется в виду большей частью техническая литература, которая не приводится по понятной причине.

энергоноситель и новые технологии, которые начинают активно использоваться на данном историческом интервале.

Технико-экономические парадигмы (технологические уклады) нумеруются порядковой цифрой по возрастающей по мере смены исторического периода, на которой регистрируется влияние той или иной технологии (совокупности технологий, часто совсем не сопряжённых) и отраслей или секторов. Также смену технико-экономических парадигм привязывают к длинной волне (Кондратьев, 2002). Конечно, подобный схематичный подход обладает всеми недостатками обычной классификации (Перес, 2011). Регистрация нового вида деятельности, новой технологии не означает, что эта технология будет уже доминировать на следующем историческом интервале, скажем в 40 лет. Вообще, по какому показателю определять доминирование – числу занятых, объёму производства и вкладу в ВВП, полученному с помощью этой технологии, либо по факту новизны, что она появилась? Если так, тогда какую долю признать доминированием: 30% или, скажем, 10%, а может быть, 70%? Наименование секторов вбирает в себя «прошлые» сектора, иные технологии, например, тяжёлое машиностроение и электротехническое машиностроение для так называемой 3-ей парадигмы (уклада), и автомобилестроение, тракторостроение, и производство товаров длительного пользования – для так называемой 4-ой парадигмы (уклада). Как видим, представление о доминировании вида деятельности, технологий весьма условное. В связи с чем аналитически-прогнозное и управленческое значение подобных классификационных схем невысокое. Считается, что дан прогноз для так называемой 6-ой парадигмы или уклада (Перес, 2011), но ведь называемые технологии и виды деятельности (а именно: наноэлектроника, нанотехнологии, молекулярные биотехнологии, генетические технологии, новые конструкционные материалы – наноматериалы) известны и видны уже сегодня, причём их перспектива была видна ещё в 1970-ых гг., а по отдельным видам технологий ещё и ранее.

Поэтому прогноз становится «напрашиваемым прогнозом». Иные возможности для неспециалистов не видны. Экономисты, не имеющие инженерного образования и специальной подготовки в области соответствующих разделов техники, могут основать своё мнение только на оценках технических специалистов. А им всегда ясен вектор развития техники и технологии, по крайней мере, следующий шаг. Но будет ли он доминирующим, даже они со 100% точностью сказать не смогут, хотя их оценка будет несравнимо точнее данной экономистами.

Вследствие «комбинаторного» принципа развития техники (Сухарев, 2012; Sukharev, 2013) на следующем шаге может возникнуть новая комбинация, возможность, которая перекроет ту, которая была видна на предыдущем шаге. Чтобы исследовать логику технологических изменений, понять их институциональную природу и продвинуться в создании экономической теории технологического развития, недостаточно использовать агрегатно-ретроспективные схемы описания такого развития. Нужно исследовать структуру технологий, состав, содержание, типы и взаимодействие, взаимосвязи между различными технологиями. Иными словами, макроэкономической (макроструктурной) трактовки здесь явно недостаточно. Нужно проникновение в микроэкономическую суть технологии, что позволит, кстати, снизить напряжённость между исследованием макро- и микроэкономического уровня.

Под технологией в известном смысле понимается мастерство, в отдельных трактовках – мысль, причина, с точки зрения инженерных наук - способ производства, либо совокупность таких способов, включающих операции, приёмы изготовления, организацию технических процессов. Технология может охватывать крупные машины, механизмы и их сочетание. В каждом виде производства имеется свой набор технологий, причём данные приёмы, способы обладают свойством независимости, то есть они никак не сочетаются с иными технологиями в других видах деятельности. Скажем, технологии изготовления пищи и технологии в

текстильной или металлургической промышленности не имеют точек какой-либо плотной связи. Однако информационные и телекоммуникационные технологии могут использоваться в общем технологическом контуре как в пищевой, так и текстильной промышленности, металлургии, электронике, машиностроении и т.д. Они распространяются по всем секторам, выполняя очень похожие функции в каждом из них. Отдельные технологии обнаруживают связь, например, технологии микроэлектроники и нанотехнологии.

В широком смысле под технологией будем понимать совокупность или систему организованных (алгоритмически, процессуально) воздействий на любой объект или ресурс с целью получения событий, происходящих с этим объектом ресурсом, приводящих к желательному (ожидаемому) результату. Под такое определение подпадают и политические технологии управления большими массами людей, технологии управления, организации, контроля, координации, финансовые технологии, информационные технологии и технологии в производстве и технике и др.

Таким образом, технология – это запланированный порядок воздействий. Когда противопоставляют план и рынок, экономисты не обращают внимание на то обстоятельство, что они имеют господство плана, причём тотальное, во многих сферах жизни человеческого общества и сопоставляют несопоставимые вещи. Технология – это всегда некий план, некий порядок вещей, которые обдуманы и расположены в некоторой последовательности заранее. Это природа любой технологии. Тогда технологические изменения – это изменения плана воздействий, порядка расположения, содержания этих воздействий, способа воздействий на объект или ресурс. Иногда изменяется формат воздействия, условия, и это приводит к существенным изменениям «тела» технологии.

Внутреннее строение любой технологии в наиболее общем виде можно представить следующим образом (см. рис. 1).

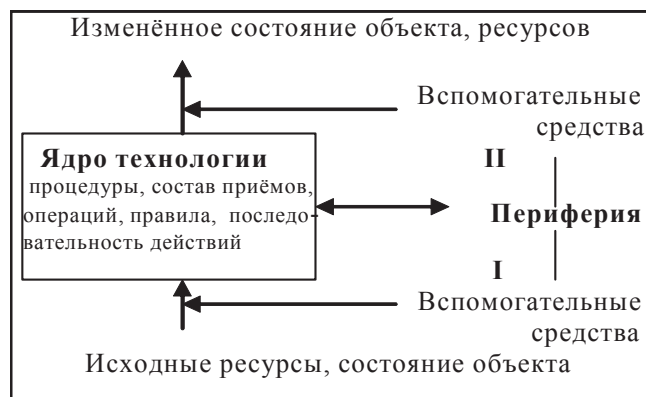

Рис. 1. Строение технологии

Технология имеет условное ядро, складывающееся из элементарных операций, способов воздействия на ресурс или объект (физических, управленческих, организационных, финансовых² и др.), правил, которые неукоснительны в исполнении, как и последовательность действий, нарушение которой ликвидирует «содержание» технологии (Сухарев, 2011). Это будет уже иная технология и иной результат. Таким образом, имеется довольно прочная система «внутренних» институтов, опирающихся на физику процесса, технологический смысл воздействия. Данные институты обязательны для агентов, управляющих технологией и реализующих её. Они целиком определяют состав и содержание их действий в процессе производства, фактически программируя производственную систему.

² Нужно отметить, что финансовые технологии всегда связаны с решением задач управления. Как таковое управление отдельно от финансов трудно представить в экономической системе. Любые решения касаются финансового потока напрямую или опосредованно.

Именно эти институты определяют форму организации производственного процесса, работу фирмы, на которой применяется данная технология.

Систему вспомогательных средств, не входящих в ядро технологии, можно обозначить как периферию технологии, которая, в отличие от ядра, более податлива к изменениям, предполагает большее разнообразие технических средств и приёмов, которые пригодны к исполнению вспомогательных (инфраструктурных) функций. Эти вспомогательные функции бывают двух типов: I) направленные на подготовку ресурса или объекта к основным методам воздействия, задаваемым ядром; II) направленные на коррекцию и ликвидацию погрешностей, допущенных в ходе воздействия в рамках ядра, доводку блага до необходимых качеств, включая ликвидацию последствий применения технологии, например, утилизацию отходов, снижение уровня загрязнений и т.д. Безусловно, ядро и периферия тесно связаны друг с другом, к тому же, для различных типов технологий может существовать связь между их ядрами и отдельно между периферией. Ко всему, для каждой технологии ядро и периферия обладают той или иной полнотой связи. Одна и та же периферия может обслуживать несколько «технологических ядер», а вот ядра настолько специфичны, что замена ядра означает замену технологии, её существа и, тем самым, появление новой технологии, либо возврат технологии к прежнему ядру, когда новая технология не прижилась и фирма решила возобновить производство на основе прежней технологии.

Если рассматривать технологические изменения как изменения в технологиях и в пропорции между различными типами технологий, а это наиболее приемлемое рассмотрение технологических изменений, потому что наиболее правдоподобное, то и технологическое изменение также бывает, как минимум, трёх типов: затрагивающее ядро, либо периферию, либо и ядро, и периферию. При изменении только периферии технология обычно совершенствуется, повышается качество результата, исходного сырья или объекта, на которое распространяется воздействие. Иными словами, технология обновляется, улучшаются её параметры. При изменении ядра получается новая технология. Более того, когда изменяется ядро, возможны два сценария изменения периферии, когда периферия подстраивается под новое ядро, по сути, новую технологию, либо когда новое ядро обслуживается прежней периферией. В обоих случаях вероятен конфликт между ядром технологии и её периферией. Асинхронность изменений способна резко повысить издержки совершенствования (разработки) и применения технологии. Следовательно, процесс технологического развития, процесс заимствования или создания собственных технологий в сильной степени будет детерминирован состоянием ядра и периферии. Технология представляет собой устойчивый в институциональном смысле комплекс действий. Её внутреннюю устойчивость по отношению к иным технологиям, внешним воздействиям можно обозначить через коэффициент устойчивости технологии ($K_{UT} = Z_p / Z_n$), который определяется отношением издержек периферии (Z_p) к издержкам ядра (Z_n) технологии. Общая эффективность и «новизна» технологии суммарно будет определяться такими базисными показателями, как материал- и энергоёмкость технологии. Этими показателями должна определяться степень совершенства технологии или технологический уровень производства. Применительно к непроизводственным технологиям таким параметром может выступать величина удельных транзакционных издержек ($tr = Tr / Y$, где Y – объём создаваемого блага, либо число транзакций) или транзакционноёмкость технологии ($K_{tr} = Tr_p / Tr_n$). Её кстати можно измерять не только издержками транзакций внутри ядра (при выполнении правил ядра и правил периферии), но и числом самих транзакций ($K_{tr} = N_n / N_p$), а также их типом (параллельные, дополняющие, перекрёстные – последние самые конфликтные и потому связаны с наибольшими издержками), по доле преобладания транзакций того или иного типа. Общие издержки технологии складываются из издержек ядра и периферии. Но они включают как транзакционные, так и трансформационные издержки, потому что технология призвана воздействовать на

объект, ресурс с целью изменения его качества. В производстве присутствуют оба типа издержек, применительно к финансовым технологиям, услугам, управленческим решениям, речь необходимо вести о трансакционных издержках.

Важно отметить, что логика, применимая к анализу строения технологии, применима и к описанию взаимодействий, совместной эволюции многих технологий, одновременно действующих в экономической системе. Ряд технологий взаимодействуют, другие никак не связаны, но, в общем, выстраивается некая иерархия на предмет того, какое влияние на создаваемый объём тех или иных благ и валового продукта оказывают те или иные технологии. Некоторые из них играют вспомогательную роль по отношению к остальным, то есть сами по себе исполняют функцию периферии. Если это так, возникает вопрос, какие же технологии являются локомотивом экономического роста, то есть какие ядра, заложенные в них правила обеспечивают наибольший прирост благ и создаваемого с их помощью дохода? Это важный вопрос и довольно сложный, хотя по величине добавленной стоимости, которая создаётся при помощи тех или иных технологий, можно на него дать приемлемый ответ, располагая картой воспроизводимых и применяемых в стране технологий. Этим, кстати, определится доминирующая функция конкретной технологии, либо совокупности технологий, механизм подстройки иных технологий, составляющих по отношению к доминантным периферию – вспомогательные средства.

Роль периферии может оказаться значительнее самих технологий (ядра), так как без вспомогательных средств отдельные технологии либо будут низкоэффективны, либо вообще не могут быть запущены в рамках конкретной экономической системы. Набор ядер технологий совместно с отвечающей им периферией составит технологическую основу экономического роста в рассматриваемой экономической системе. От этого условия будет зависеть и сочетание факторов производства, и совокупная факторная производительность, в итоге, и темп экономического роста. Качественное состояние фондов, труда, технологий (ядер и периферии) сильно повлияет на устойчивость экономического роста, будет ли он долгосрочным, либо ростовая тенденция будет сопровождаться довольно сильными с закономерной частотой возникающими кризисами. Иногда, экономисты приводят аргумент, что для ростовой тенденции необходима такая-то норма накопления, то есть величина капиталовложений в фонды в совокупном продукте страны. Однако эта норма сама по себе не является гарантией роста либо определителем его темпа. Проблема в том, какими технологиями рост осуществляется, что растёт, какова структура капитала, его состояние, а не только величина в продукте. Конечно, недостаток капитала сильно повлияет на период ростовой тенденции, как и то, приведёт ли рост к наращению капитала и увеличению нормы накопления. Технологические изменения, с одной стороны, также зависят от состояния капитала, но они способны, с другой стороны, повысить величину этого капитала и, что особенно важно, улучшить его качественную структуру. Инвестиции в изменение ядра технологий и периферии – это инвестиции различного объёма. Периферия требует, при прочих равных, всё же меньшую величину инвестиций. Поэтому если имеется кризис либо стагнационное состояние экономики, то первым делом изменяется периферия, чтобы повысить эффективность технологий за счёт вспомогательных средств, а далее изменять уже ядро на иных инвестиционных возможностях экономической системы.

По состоянию и изменению ядра и периферии набора технологий можно оценить технологическое состояние экономики и эволюцию этого состояния. Но дать прогноз относительно того, какие типы технологий будут доминировать, скажем через 30-40 лет, по объёму создаваемой добавленной стоимости в ВВП и/или по числу занятых, либо по доле в операциях по созданию различных благ довольно трудно. Отнюдь, это могут оказаться не нанотехнологии, а, например, технологии, искусственного интеллекта, которые тоже известны сейчас и развиваются, либо технологии оказания услуг и передачи информации.

Начав активное инвестирование нанотехнологий (например, за счёт государственных инвестиций) при недостатке технологий производства основных средств производства, возникнет ситуация, когда их доля возрастёт, а адекватного применения в экономике, точек приложения не будет. Значит, либо останется экспортировать эти технологии и результаты, либо развитие данного сектора затормозится, и, безусловно, оно не будет доминирующим в такой экономической системе. Следовательно, принятие инвестиционного решения в технологической области зависит от текущего момента, от состояния технических систем, сопряжения технологий, характера их взаимодействия и взаимосвязи.

Учитывая, что любая классификация условна и схематична, можно выделить два больших типа технологий по типу объекта (ресурса), на который они воздействуют: «реальные» и «виртуальные» технологии. Реальные технологии воздействуют на материальный объект/ресурс. Виртуальные – на нематериальный объект/ресурс, например, информацию, знания, управление и принимаемые решения. В таком случае «реальные» технологии представлены двумя классами – технологиями преобразования живых систем (клетка, клеточные структуры, человек и т.д.) и неживой материи (ресурсы), виртуальные технологии также представимы двумя классами: социально-политическими технологиями, воздействующими на большие массы людей в информационно-психологическом плане, информационно-компьютерными технологиями – Интернет, телекоммуникация, телевидение и связь, искусственный интеллект и др. (см. рис. 2).

Конечно, два класса виртуальных технологий в значительной степени связаны друг с другом, исполняя попеременно роль ядра и периферии. Кстати, это свойство виртуальных «технологий», когда расстояние между ядром и периферией становится «небольшим», или граница – расплывчатой. Виртуальные технологии в большей степени признаются технологиями широкого применения, поскольку охватывают большие массы людей, становятся технологиями общего пользования, подобно товарам широкого потребления. Это коренное изменение в современной экономике, где ранее технологии всегда были предметом промышленного применения, изучались узкими специалистами в конкретных инженерных областях, касались конкретных разделов техники. Сейчас технологически вооружёнными становятся большие массы агентов, причём технологии, например Интернет, не являются дорогими для этих агентов, но позволяют им самостоятельно и высокопроизводительно осуществить поиск и обработку информации.

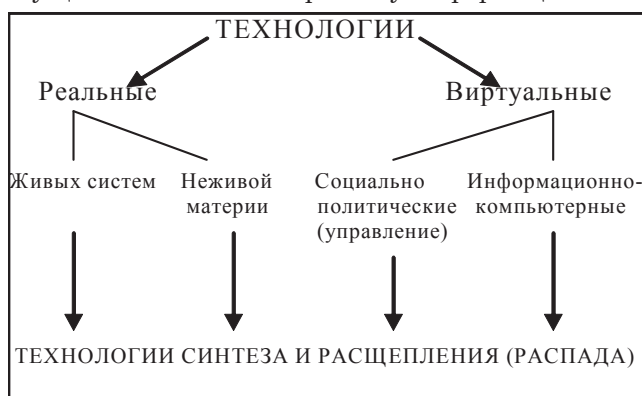

Рис. 2. Типы технологий

Четыре класса выделенных технологий в рамках двух типов (реальных и виртуальных) охватываются ещё двумя классами (по критерию назначения): технологиями синтеза и распада или расщепления.

С точки зрения логики технологического процесса, действительно возможны две манипуляции: либо синтезировать какие-то ресурсы, объекты, причём, как материальные, так и нематериальные, либо их разделить. Теоретически возможен

третий исход – оставить неизменными ресурсы и объекты. Но этот вариант можно рассматривать как нулевой по отношению к синтезу и распаду. По большому счёту технологическую эволюцию можно изучать с позиций ядра технологии и периферии, скрупулёзно точно оценивая эти два важнейших параметра строения технологии (строго в инженерном смысле), а также по изменению соотношения между технологиями, представляя их взаимодействие в виде подобной же дихотомии. Ядро можно рассматривать как совокупность технологий, слагающих производственную основу экономической системы, позволяющей ей наращивать ВВП, а также по сочетанию технологий четырёх типов по признаку объекта/ресурса и двух типов по действию над объектом/ресурсом (по признаку назначения), то есть технологиям синтеза и расщепления. По тому, насколько эффективно реализуются операции синтеза и расщепления, можно судить об эффективности применяемых в стране технологий.

Поскольку существует вариант, когда технологии не обеспечивают ни синтеза, ни расщепления объекта/ресурса, то этот класс технологий можно обозначить как технологии воздействия (например, технологии средств массовой информации, цель которых обеспечить информационное воздействие на большую массу людей, при этом синтеза или расщепления не происходит, особенно если преследуется цель – дать информацию³). Таким образом, имеются три типа технологий: воздействия (ТВ), синтеза (ТС) и расщепления (ТР). Приведём примеры технологий, не исчерпывающие полностью по понятным причинам, но демонстрирующие наличие указанных типов технологий, правомерность предложенной классификации.

Так, приводя пример с технологиями живых систем, можно обозначить биохимические технологии, используемые для создания воды с заданными свойствами для потребления биологическими организмами: синтез воды – технология синтеза, гальваническое расщепление – технология расщепления и облужение воды ультрафиолетом – технология воздействия.

Технологии преобразования неживой материи также имеют широкую область применения, они составляют основу технологического развития современных экономических систем. Примером технологий синтеза, расщепления и воздействия является отображённый факт использования ядерных технологий, а именно: термоядерного синтеза (технология синтеза), атомных электростанций – технология расщепления, и радиоизотопный метод обработки материалов – технология воздействия.

К технологиям управления или социально-политическим технологиям можно отнести работу средств массовой информации, информационно-психологическую подготовку социальных протестов, революций, технологии рейдерского захвата собственности, управление социальными институтами и методы антикризисного управления различными экономическими объектами, где чётко выделяются технологии расщепления – выделение отдельных бизнес единиц и частей фирмы для сохранения активов или ведения хозяйственной деятельности, слияние отдельных фирм в концерн или холдинг, ассоциацию, финансово-промышленную группу – технологии синтеза, и искусственное банкротство, либо технологии конкуренции и демпинга – технологии воздействия.

Относительно заключительного выделенного класса технологий – информационно-компьютерных – необходимо сказать, что состав этих технологий довольно разветвлённый, и их число продолжает нарастать год от года, но к основным можно причислить технологии создания программных продуктов, системы искусственного интеллекта и управления, технологии связи, коммуникации, управления базами данных, защиты информации, компьютеров (антивирусная

³ Общим итогом информационного воздействия может стать либо синтез, либо расщепление массы людей, например, идеологический синтез (единство), либо наоборот, «атомизация» общества (расщепление), но у этого результата будет целый набор причин, поэтому установить точно, что некая информация или поведение соответствующих информационных каналов обеспечили такой результат проблематично.

защита и защита от проникновения) и др. Управление базами данных и защита информации представляют собой в основном технологии воздействия. Выделение локальных сетей подачи информации – технологии расщепления, и интеграция ресурсов на одном сайте или сервере – технологии синтеза.

Технологические изменения происходят не только инкрементально, но и революционно, то есть быстро охватывая экономические системы. Примеры составляют эпохальные инновации, технологии, в которых имеется огромный пласт научной и популярной литературы. Открытие прядильной машины, парового двигателя, затем двигателя внутреннего сгорания, электрической лампочки, радио, атомной энергии, способа передачи видео сигнала на расстоянии (телевидения) являются такими эпохальными открытиями, как и открытия способа перемещения аппаратов тяжелее воздуха над землёй (авиация), и в дальнейшем освоение космоса. Обратим внимание, что в области науки и техники не было прыжков через рубеж развития, все процессы технологического совершенства развивались последовательно, причём сразу по многим направлениям. Многие открытия близки по времени и даже имеют периоды, за которые подготовлено сразу несколько таких фундаментальных открытий. Это центральное свойство научно-технической эволюции, предполагающей аккумуляцию и обработку знаний, с повышением эффективности устройств, приборов, технологий.

Технологии, какие бы они ни были, характеризуются двумя важнейшими экономическими параметрами, которые поддаются анализу на любых интервалах времени, когда существовала статистика, учёт. Это, прежде всего, материалоемкость и энергоёмкость, которые характеризуют ресурсоёмкость или ресурсную эффективность любой технологии. Только для одних технологий ресурс, подлежащий переработке, один, для других – другой. Сама переработка может иметь свою специфику, в частности, переработка информации как ресурса. В таком случае показатели материалоемкости и энергоёмкости могут быть заменены показателем транзакционной ёмкости (транзакционной ёмкости) технологии. Точнее, речь даже не о замене, поскольку энергоёмкость сохраняется как параметр, а о включении новой характеристики данного типа технологий. Этот критерий пригоден и для определения «новизны» технологии, её эффективности. Если совершенно новый способ порождает повышение параметров материалоемкости и энергоёмкости, то новая технология блокируется в применении уже на стадии внедрения. Агенты могут так и не узнать о том, что существовала новая технология, так как она не будет применена. Только спустя годы, когда в силу комбинаторных эффектов и развития сопряжённых технологий удастся либо понизить в целом материалоемкость и энергоёмкость технологической системы, могут открыться возможности для внедрения данной технологии. Подобные исходы сопровождают весь этап эволюции техники и технологий современного мира с момента первых шагов в развитии промышленного производства.

2. Экономический анализ технологических изменений

Экономический анализ призван оценить распределение затрат и эффективности по типам имеющихся и используемых технологий, определить отношения между технологиями различного типа и назначения.

Технологические изменения наблюдаются в том случае, когда технологии совершенствуются и появляются абсолютно новые технологии (*Норт, 1997; Schumpeter, 1964; Нельсон и Уинтер, 2000; Глазьев, 1993*).

Новая технология также всегда улучшает параметры материалоемкости и энергоёмкости. Почему людям в принципе они нужны, и зачем совершенствовать технологии или придумывать новые технологии? Ответ на этот вопрос имеет сугубо экономические основания. Агенты стремятся получить результат с как можно меньшими издержками, то есть желают получить наибольший результат (разница между тем, что получено, и тем, что затрачено на получение). Безусловно, различные технологии характеризуются многими параметрами, но что касается так

называемых «реальных» технологий, то обычно улучшению подлежат два базовых параметра – материалоемкости (объем материала на единицу продукта) и/или энергоёмкости (объем потребленной и необходимой энергии на единицу продукта) при создании этой единицы продукта. В более широком ключе можно говорить о благах, включая сюда и услуги, также оперируя указанными параметрами. Только применительно к сектору услуг и используемых в нём технологий, помимо материалоемкости и энергоёмкости, критически важным параметром становится транзакционнойёмкость услуги, сделки, то есть величина транзакционных издержек, приходящихся на единицу материалоемкости и энергоёмкости, либо оказываемой услуги, заключаемой сделки. Если таких услуг и сделок совершается некоторое количество, то легче посчитать или издержки на одного обслуживаемого клиента, или один акт контрактации (удельные транзакционные издержки). Технологический уровень возрастёт, если материалоемкость, энергоёмкость и транзакционнойёмкость по данной технологии понизятся. Именно это стремление заставляет агентов совершенствовать технологии, наращивать этот уровень. Тем самым, цель экономии выступает базисной целью технологического и шире – экономического развития⁴. Конечно, применительно к технологическому развитию, помимо этой цели, имеется стремление открыть что-то новое, то есть познавательная функция агентов является достаточно мощным двигателем в области технологического прогресса. Если бы вид труда по совершенствованию технологий, предположим, не приносил бы экономию в любом её виде, то такой «пустой труд» незачем было осуществлять. Побудительные мотивы отсутствовали. Если бы при этом возникали затраты, а они возникали бы автоматически в связи с потерей времени, по крайней мере, то этот труд невозможно было объяснить без применения иных качественных критериев⁵, не связанных с мотивом самого труда. Конечно, стремиться создать новую технологию можно исходя из мотива ожидаемой прибыли, которую она может принести. Казалось бы, это иной мотив, который можно обозначить не как мотив экономии, облегчения труда, а как мотив обогащения, увеличения богатства. Однако очевидна связь этих мотивов, если вообще не равнозначность, поскольку, экономя, получается дополнительная выгода, которая при ином исходе была бы утрачена. Тем самым богатство также увеличивается. Стремясь получить какой-то кардинально новый способ производства, преследуется цель открыть и занять некую новую рыночную нишу. Ожидая прибыль, можно совершить ошибку, зависеть свои надежды в связи с данной новой технологией. Пока её будете создавать, осуществлять затраты на разработку, другими агентами будет создана иная технология либо усовершенствована прежняя технология, что не даст получить для данного агента прибыль, на которую тот рассчитывал, экономию, которую ожидалось получить. Поэтому технологическое развитие всегда связано с высоким риском непредвидимых потерь, невозвратных издержек. Чем меньше срок создания новой технологии или усовершенствования старой технологии и чем меньше величина инвестиций, при тех же параметрах эффективности технологии, тем выгоднее перейти именно на эту технологию.

Фирма имеет в своём арсенале некоторый набор технологий, причём абсолютно разных по своему уровню совершенства. Технология, экзогенная для данной системы (фирмы или страны), но применяющаяся в иной системе, для данной системы всё равно может рассматриваться как новая технология, хотя формально в строгом смысле она не является новой. Таким образом, даже технологии, ранее использовавшиеся, но «забытые» либо отложенные на какой-то

⁴ Эта цель не может не рассматриваться как нерациональная. Более того, отдельные виды человеческой деятельности, в частности, инженерной деятельности, рационалистичны по содержанию самого этого труда. Труд инженера и эта профессия в целом просто понуждают мыслить так, а не иначе. Инженер всегда стремится оптимизировать конструкцию, затраты, найти компромисс между решениями и издержками, которые необходимы для получения этих решений и реализации их на практике.

⁵ Можно гипотетически предположить, для аналогии, что процесс зачатия был бы сопряжён с дикой болью и дискомфортом. Очевидно, что в таком случае дело продолжения рода не было бы столь привлекательным, каким оно является, потому как занятие этим процессом приносит наслаждение.

период времени, будучи реанимированными, окажутся для конкретной системы новыми технологиями. Их можно рассматривать как инновацию. Тем более это верно, если применяется комбинаторный принцип, который даёт новое качество при сочетании или некоем пусть и усечённом соединении различных технологий.

Как видим, при оценке технологических изменений, инновационной деятельности, важным является критерий новизны (*Hanusch and Pyka, 2007*). Если какой-то новый способ производства, организации или управления, осуществления транзакций приведёт к большей материалоёмкости, энергоёмкости или транзакционноёмкости, то, несмотря на его новизну, он не будет внедрён, в таком случае инновация не состоится и новая технология не появится. Легче остаться на прежних позициях, прежнем уровне технологий. Только если старая технология сильно изношена, имеются трудности с её воспроизведением и поддержанием (например, повысившаяся аварийность), то в рамках какой-то системы, не имея альтернатив, когда технология жизненно необходима, издержки могут быть перераспределены в рамках системы так, чтобы внедрить эту новую технологию, применение которой сопровождается ростом материалоёмкости, энергоёмкости и транзакционноёмкости, возможно и иных значимых параметров, которые в классическом варианте эффективного технологического развития должны, по идее, понижаться.

Эффекты развития, стыковки различных технологий настолько многообразны, что моделирование процесса технологической эволюции может быть осуществлено на основе некоего единого параметра «технологического совершенства», либо набора таких параметров. Кроме того, процесс технологической эволюции по разным типам технологий идёт неодинаково и даже демонстрирует различные закономерности, определяемые содержательной стороной применяемых и изменяющихся технологий. По этой причине требуется получить свои уравнения эволюции технологий, например, для «реальных» и «виртуальных» технологий, также введя возможную взаимную детерминацию, описывающую проникновение и сопряжённость различных типов технологий друг в друга или друг с другом. В методологическом плане такой подход был бы наиболее корректным при изучении технологических изменений. Затем эти технологические изменения, когда их удастся описать как можно более точно, можно ввести в функцию основного капитала и труда и через производственную функцию Кобба-Дугласа представить создаваемый валовой продукт и его рост (*Solow, 2007*). Конечно, получаемые соотношения необходимо проверять для каждой экономической системы отдельно, на своей эмпирической базе.

В любой системе, будь то фирма или государство, может сложиться острая потребность перейти на какую-либо технологию. В зависимости от скорости такого перехода, уровня сопротивления, возникающего вследствие высокой скорости, режим технологических изменений можно обозначить как силовой или принудительный. Уровень адаптации агентов при том довольно низкий, риски технологических провалов высоки, включая и возможности сопряжения с иными технологиями, которые уже применяются, а также с параллельными новыми технологиями, ведь в системе может внедряться одновременно отнюдь не одна новая технология. И эти новые технологии вполне способны помешать друг другу при введении в систему. В условиях кризиса системы к новой технологии иногда прибегают как к некоей панацее, которая выведет систему из кризиса. По существу, технология выступает здесь в качестве антикризисного инструмента. В этом случае скорость введения новой технологии также высока, сопротивление и риск большие, хотя режим введения не назовёшь силовым. Скорее, это антикризисный ответ, либо вынужденный режим. Третий тип режима технологических изменений – это эволюционный или инкрементальный режим⁶. За счёт изучения социо-культурного

⁶ В своих ранних работах по реструктуризации промышленности России (1999-2000 гг.) вводил три типа реструктуризации: вынужденная, эффективная и эволюционная. Здесь имеется прямая аналогия с режимами технологических изменений.

и институционального окружения происходит элиминация факторов сопротивления новой технологии, зато и технологические изменения происходят постепенно. Все три режима технологических изменений предполагают применение методов противодействия факторам сопротивления. Эти факторы провоцируются старой технологией и, в большей степени, её инфраструктурой, представленной правилами, к которым привыкли агенты, которые укреплены посредством возникших связей между ними.

В экономической системе всегда имеются два источника технологических изменений – внутренний и внешний. Последний источник обеспечен заимствованием технологий из-за рубежа. Импорт технологий зависит от многих правил, включая правила внешнеэкономической деятельности и режим торговли, но он обнаруживает те же три режима изменений, которые описаны выше. Для страны более выгодна ситуация в условиях технологического отставания покупать технологии за рубежом не просто для ликвидации дефицита в области современных технологий, а когда эти технологии восполняют разрывы в технологических цепочках внутри страны. В таком случае успех заимствования определится состоянием технологических цепочек данной страны, общей величиной затрат на заимствование и внедрение технологии, величиной действующих факторов сопротивления, которые представлены иными позициями (институциональные факторы).

Режим заимствования технологий (трансфер технологий) преследует цели повышения технологического уровня внутри страны или фирмы (восполнения технологического уровня, восстановления технологических цепочек), либо применения заимствуемых технологий напрямую, то есть их непосредственного внедрения. При этом заимствуемая технология может быть внедрена без дополнительных изменений, либо может быть изменена, адаптирована под условия конкретной страны. В таком случае появляется модифицированная заимствованная технология. В экономике могут возникнуть реакции и на само заимствование (реакция притяжения и отторжения), либо на модификацию, когда вероятен вариант невозможности модификации, либо отторжения при модификации или же, наоборот, резкого улучшения свойств технологии при модификации в процессе заимствования. Конечно, модификация требует соответствующей инженерной подготовки, глубоких инженерных знаний и подготовленности производства подобную модификацию осуществить.

Технологические изменения в рамках экономической системы обеспечиваются взаимодействием трёх подсистем:

- 1) институциональной (Нуреев, 2011; Сухарев, 2011), задающей правила получения научно-технических решений (законы, программы, условия регистрации изобретений, открытий, полезных моделей и т.п.), функционирования научных и образовательных учреждений (фундаментальная наука – вузы – НИИ и КБ в государственном секторе и корпорациях), оценки полезности создаваемых благ для потребителей (опытные заводы, специальная технология, серийный выпуск);
- 2) технической, включающей элементы цикла получения научно-технического продукта (от сырья до готового изделия), сюда же относятся и возможности организации опытного и серийного производства, что связывает институциональную и техническую систему⁷;
- 3) финансовая, включающая центральный банк, коммерческие банки, бюджеты всех уровней, кредитное обслуживание (финансовые институты), контрольные органы – счётную палату, налоговые органы и т.д. Эта подсистема влияет на развитие всей экономики, а не только оказывает влияние на технологическое развитие. Однако нужно отметить, что технологичность работы этой

⁷ Выделение этих подсистем проводится в целях анализа технологических изменений. На самом деле эти подсистемы сильно связаны друг с другом, точнее, взаимно проникают друг в друга, работают на общий научно-технический результат.

подсистемы сказывается на схемах финансирования науки, инвестирования новых научно-технических разработок и внедрение их в серийное производство.

Таким образом, в институциональном смысле технологическое развитие детерминировано следующими базовыми формальными институтами: законом о промышленной, инвестиционной и инновационной политике, законом об акционерных обществах, о центральном банке и системе коммерческих банков, формами организации промышленности, государственными программами развития и т.д.⁸

Получение научно-технического результата в любой экономической системе подчинено некой логике, которая облекается в те или иные организационные формы. Так, в России Академия наук обеспечивает фундаментальные исследования, то есть создаются «know how», делаются открытия, изобретения. Прикладная наука, представленная отраслевыми научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро, осуществляет разработку новых технологий, макетов и специального технологического оборудования, высшие учебные заведения ранее всегда помогали отраслевой науке в решении этих задач, имея небольшую долю фундаментальных разработок, опытные фирмы проводили эксперименты, создавали образцы новых средств производства, специальной техники, оборудования, осуществляли отработку технологии, которая затем распространялась на фирмы, осуществляющие серийное производство. Существовали фирмы, специализирующиеся на освоении новой продукции и вспомогательные фирмы, обслуживающие этих флагманов производства. В условиях, когда некоторые звенья описанной цепочки сокращаются в несколько раз, сужаются и возможности получения новых научно-технических результатов, причём эффект многократно усиливается, если сокращение затрагивает все звенья данной системы. Во многих западных странах не существовало отдельных структур проведения фундаментальных исследований, за исключением оборонной тематики и оборонного заказа, специальных проектов, в рамках которых собирались коллективы учёных со всего мира либо из лучших университетов данной страны.

Именно университеты реализовывали функцию проведения фундаментальных исследований. Корпорации, имея собственные лаборатории, сразу объединяли функцию «отраслевой науки», «опытного производства» и серийного производства. Учитывая научно-техническое значение корпораций, возник термин «техноструктура», подчёркивающий важность объединения усилий управления и инженеров в решении научно-технических задач развития экономической системы.

Обе формы организации обеспечили довольно высокий темп научно-технологического развития на протяжении второй половины двадцатого века вплоть до конца 1980-ых гг. Возможно, даже первая система имеет более сильные аргументы, потому что она предполагает план развития всех своих элементов и чёткую концентрацию – специализацию задач технологических изменений и технического развития. Перспектива такого подхода наиболее ценна, она связана с реализацией технологического плана и концентрацией ресурсов под этот план. Большие возможности в части потребления научно-технических результатов второго способа организации будут со временем ограничены по причине насыщения потребительских качеств, предпочтений (Нуреев, 2008).

3. Фирма и технологии: институциональное условие роста

Современная фирма сочетает технологии синтеза, расщепления и воздействия, формируя различные их комбинации. Уровень технологического развития и применения технологий зависит от размера фирмы, стоящих перед ней задач, области функционирования (сектор, вид деятельности), успешности

⁸ Имеются в виду следующие организационно-правовые формы предприятий: ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие, ГУП – государственное унитарное предприятие, ГНЦ – государственный научный центр, концерны, холдинги, финансово-промышленные группы, технопарки, промышленные и иные ассоциации и др.

деятельности, что выражается в величине совокупного чистого дохода, который получает фирма и часть которого может направить на инвестиции в замену фондов, обновление фондов, проведение НИОКР и развёртывание новых технологий.

На фирме сочетаются технологии двух классов – «реальные» и «виртуальные», причём технологии управления играют всё большую роль в скоростной экономике, изменяющихся моделях конкурентной борьбы.

Фирмы, осуществляющие свою деятельность в технологических нишах, создающих известный класс благ, имеют одну динамику и специализацию, как и сочетание «реальных» и «виртуальных» технологий. Фирмы, которые функционируют в более рискованной зоне изменяющихся технологий и, особенно, в тех секторах, где технологии создаются и конкуренция развёртывается по самим технологиям, показывают другой уровень динамики, технологической специализации, изменчивости и сочетания технологий соответствующих типов. В рамках крупных организованных объединений (концернов, холдингов) возможно сочетание различных фирм и технологий различных типов. Это создаёт возможность обеспечивать финансовую поддержку устаревающим технологиям и новым комбинациям.

Экономический рост фирмы означает увеличение её совокупного дохода, прибыли, расширение доли рынка, хотя бы на одном продуктивном направлении, увеличение персонала⁹. Этот рост может приводить, а может и не приводить к технологическим изменениям. При действующей базовой системе институтов, когда стратегические решения по развитию фирмы принимает собственник, включая приём на работу менеджеров фирмы, его [собственника] интересует величина нормы прибыли (*Ходжсон, 2003; Фуруботн и Рихтер, 2005*).

Институционально норма прибыли является довольно ограниченным параметром – имеется ввиду, что существует несколько институциональных факторов, воздействующих на её величины и на желание бухгалтерских служб закладывать ту или иную величину прибыли. Во-первых, это налоговая система и, в частности, налог на прибыль корпораций, а также иные налоги, касающиеся функционирования фирмы и выступающие альтернативными платежами, способными повлиять и на изменение прибыли. Во-вторых, состояние рынков, на которых действует фирма, уровень монополизма и контроля над потребителем, а также состояние таких институтов, как патентное право, товарные знаки, состояние правовой системы в целом, правовая эффективность хозяйственного поведения¹⁰. В ходе эволюции фирмы возникают институциональные модели-схемы её поведения, которые детерминируют принятие решений на следующих интервалах её функционирования. Конфликт этих моделей-схем, которые, укоренившись, составляют своеобразные институты поведения фирмы, с изменяющимся окружением (рынками, конкурентами, условиями государственного регулирования и т.д.) порождает либо изменение модели-схемы, чтобы фирма адаптировалась к изменению, либо ухудшение показателей функционирования фирмы с вытекающими эффектами, вплоть до банкротства.

Важным показателем становится объём неверно принятых, ошибочных решений в общем объёме принятых решений, а также масштаб ошибки, так как теоретически вероятность принятия одного, но сильно ошибочного решения может привести фирму к совокупному весьма негативному результату и банкротству. Неудовлетворительный исход для фирмы может возникнуть не в силу опасности банкротства по причине накопленных неверных решений, но даже если показатели хозяйственной деятельности существенно ухудшатся, что сузит возможности фирмы принимать решения, область действий и, в итоге, область принятия решений.

⁹ При экстенсивном росте наблюдается обычно увеличение управленцев, вспомогательных служб фирмы, в итоге, накладных расходов, что снижает эффективность роста фирмы. При интенсивном росте увеличивается число рабочих, инженерно-технического персонала, носителей конкретных исполнительских знаний.

¹⁰ Автор подробно изложил представления о правовой эффективности хозяйственной системы в работе «Теория эффективности экономики» (2009) и в ряде ранних статей.

Подобная инерция создаёт потребность быстрых реакций, в таких условиях повышается вероятность ошибки. Необходимо отметить, что институты, которые влияют на норму прибыли, а также на иные параметры функционирования и технологические решения, могут быстро заблокировать исполнение совокупности решений при ухудшении параметров функционирования фирмы. В таком случае для фирмы остаётся реализация стратегии типа «нехватки времени» или совершения действий, лучших из наихудших, которые переводят её в режим нарастающего отставания от конкурентов. Подобная институциональная схема действует и в отношении принятия технологических решений (Сухарев, 2008).

Технологические инновации на фирме имеют общую цель увеличения прибыли (нормы прибыли), что позволяет увеличить долю инвестиций на НИОКР либо закупку новых технологий¹¹, тем самым создаётся «ресурсный задел» для реализации следующих технологических инноваций. Разница двух только что названных стратегических линий поведения фирмы состоит в том, что при инвестировании собственных НИОКР фирма фактически финансирует монополизацию права на результаты этих исследований, а в случае закупки готовой техники и технологии фирма не может себя обезопасить от конкурентов, которые могут закупить такую же технологию, либо ещё более совершенную. При инвестировании в свои собственные исследования, создание или совершенствование используемой технологии фирма преследует цель создать монополию, позволяющую укрепить её позиции на соответствующих рынках, либо в перспективе расширить эти рынки. Данная монополия позволит извлечь дополнительную прибыль, которую опять возможно будет использовать на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Возникает своеобразный институциональный цикл, в котором введённые правила заставляют повторять действия одного типа через некоторое время. Кроме того, инвестиции в НИОКР обеспечивают накопление знаний в данном направлении техники и технологии, увеличивают уровень специализации фирмы в данном направлении, создают приоритеты, позволяют повышать качество изделий и создавать новые продукты в будущем.

Накопление знаний позволяет осуществлять технологические инновации, которые бывают трудосберегающими или капиталосберегающими на фирме. Трудосберегающие инновации вытесняют рабочую силу на фирме, а в масштабе экономики способствуют росту безработицы. Темп роста продукта опережает темп роста труда. Капиталосберегающие инновации, наоборот, вытесняют капитал и связаны с экономией средств производства. Эти два типа инноваций на фирме становятся факторами интенсивного экономического роста фирмы, а применительно к экономической системе – роста всей системы. Если происходит экономия сразу двух факторов производства, то имеет место всесторонняя интенсификация экономического роста системы. При этом, как правило, темп роста дохода обгоняет темп роста средств производства и темп роста численности рабочей силы, которая растёт медленнее, нежели капитал, а темп роста удельных издержек снижается. Подобные изменения вызываются только технологическими факторами и приводят к решению задачи экономии ресурсов производства, увеличивают техническую его оснащённость и качество капитала, увеличивают конечный продукт и долю потребления и повышают эффективность данной растущей таким образом экономической структуры.

Изменение технологического уровня любой системы связано с тем, что новые технологии обеспечивают снижение материалоемкости и энергоёмкости производства, причём вне зависимости от того, создаются ли они или заимствуются, то есть, покупаются. Следовательно, введя величину технологического уровня U_n ,

¹¹ Задача расщепления инвестиций на две составляющие – на проведение самостоятельных изыскательских работ и на покупку технологий – представляет собой самостоятельную проблему, требующую научного обоснования. Стоит предположить, что её решение будет детерминировано текущим состоянием фирмы, рынков, на которых она функционирует, величиной объёма имеющихся инвестиций и сугубо финансовым критерием распределения средств в зависимости от качественных параметров оценки своей собственной разработки и покупной технологии (критерий качество-цена).

где n равно некоей технологии в момент времени, в который производится измерение её технологического уровня, так что $n-1$ – это предшествующая технология, n – следующая технология, например, после изменения ядра или периферии, либо того и другого, замены технологий. Тогда, можно положить, что для «реальных» технологий, технологический уровень будет: $U_n = A m^{\nu} e^{\beta}$, где $m=M/Y$ и $e=E/Y$ (M – материалы, E – энергия, Y – продукт) – соответственно материалоемкость и энергоёмкость. Таким образом, чем выше U_n , тем наиболее устаревшей технологией пользуется фирма. Следовательно, технологический уровень нужно бы измерять: $u = 1/U_n$. Эта формула, вводимая по аналогии с производственной функцией, описывает так называемые «реальные технологии». Применительно к «виртуальным» технологиям должна вводиться функция, связывающая технологический уровень со скоростью транзакций и величиной удельных транзакционных издержек, либо связывающая транзакционную функцию и уровень данной технологии, который фактически обеспечивает эту функцию, её параметры и показатели динамики транзакционных издержек. Тогда $U_{nv} = B V_{tr}^{\alpha} [Tr/Y]^{\beta}$, где V_{tr} – скорость транзакций, которую можно измерять отношением изменения поступающей информации к изменению транзакционных издержек, вызванному данным изменением (поступлением) информации, что описывает транзакции – ход их реализации. Отношение Tr/Y – это по существу доля транзакционных издержек в величине создаваемого продукта/услуги (блага).

Эволюцию технологий можно описать, исходя из введённого только что параметра, следующим образом, как разностное дифференциальное уравнение для n -го класса технологий. Более того, каждый класс технологий будет описан своим эволюционным уравнением, причём для описания технологической эволюции совершенно не важно, какое число фирм охватывает технология, так как это число зависит от многих рыночных, институциональных условий, конкуренции технологий, эффектов дохода и замещения, уровня монополизации и т.д. Сразу же возникнет задача описания связи тех классов технологий, которые действительно связаны друг с другом. Эта связь должна изучаться в каждом конкретном случае отдельно, с поиском такого уравнения подобно тому, как статистики подыскивают наиболее удобные корреляционно-регрессионные уравнения, отвечающие критериям наибольшего правдоподобия. Например, подобную связь можно обозначить так: $U_n = B U_k^{\epsilon}$, то есть посредством степенной функции, связывающей один и другой технологический уровень для связанных технологий. Эволюционное уравнение запишем так:

$$\frac{dU_n}{dt} = \alpha[U_{n-1} - U_n]$$

$$U_n = bU_k^{\epsilon}$$

$$\frac{dU_k}{dt} = \beta[U_{k-1} - U_k]$$

Тогда общее изменение технологического уровня n -го класса запишется в виде уравнения следующим образом:

$$\frac{dU_n}{dt} = \alpha[U_{n-1} - b(U_{k-1} - \frac{1}{\beta} \frac{dU_k}{dt})^{\epsilon}]$$

Технологический уровень системы, включающей «реальные» и «виртуальные» технологии, будет:

$$\frac{dU}{dt} = \frac{dU_{nr}}{dt} + \frac{dU_{nv}}{dt} = \alpha[U_{nr-1} - U_{nr}] + \theta[U_{nv-1} - U_{nv}]$$

Полагая, что удельные транзакционные издержки $z = Tr/Y$, получим:

$$\frac{dU}{dt} = U_{nr} \left[\gamma \frac{1}{m} \frac{dm}{dt} + \beta \frac{1}{e} \frac{de}{dt} \right] + U_{mv} \left[\tau \frac{1}{V_{tr}} \frac{dV_{tr}}{dt} + \psi \frac{1}{z} \frac{dz}{dt} \right]$$

$$U_{nv} = BV_{tr}^{\tau} z^{\psi}$$

Тем самым скорость изменения одного технологического уровня (технологии) зависит от предшествующего технологического уровня данной и сопряженной технологии и от скорости изменения уровня сопряженной технологии (чем она выше, тем сильнее в положительном направлении изменяется n -ый технологический уровень).

Высокий технологический уровень приводит к снижению удельных затрат (инвестиций на единицу продукта I/Y , для фирмы – I/Q , где Q – общий объём производства), низкий технологический уровень, наоборот, обеспечивает относительно высокие удельные затраты. Тогда, по логике вещей, в простейшем виде связь технологического уровня и удельных затрат системы (фирмы) можно представить в виде выражения: $z = I/Q = a - bU$ или $U = c - d[I/Q]$. Обозначив через $z1$ и $z2$ удельные издержки соответственно для технологического уровня «реальных» и «виртуальных» технологий, получим, что технологический уровень фирмы определится взвешенной суммой скоростей удельных издержек (изменения удельных издержек в единицу времени), взятой со знаком минус, обозначающим, что с ростом скорости издержек технологический уровень будет снижаться.

$$\frac{dU}{dt} = - \left[\frac{1}{b} \frac{dz1}{dt} + \frac{1}{d} \frac{dz2}{dt} \right]$$

$$z1 = a - bU_{nr}$$

$$z2 = c - dU_{mv}$$

Приняв несколько расширенную трактовку прибыли фирмы, как разницы между совокупным доходом Q (от продаж) и материальными и энергетическими затратами, запишем:

$$\pi = Q - M - E = Q[1 - (m + e)]$$

$$\lambda = m + e$$

$$\pi = Q(1 - \lambda)$$

В точке максимума прибыли получим:

$$\frac{d\pi}{dt} = \frac{dQ}{dt}(1 - \lambda) - \frac{d\lambda}{dt}Q = 0$$

$$g_f = \frac{dQ}{dt} = \frac{Q}{1 - \lambda} \frac{d\lambda}{dt}$$

$$\frac{d^2\pi}{dt^2} < 0$$

Если фактический рост фирмы ниже оптимального, отвечающего точке максимальной прибыли, то необходимо анализировать причины недостаточного роста, которые могут иметь сугубо рыночные основания, либо организационные причины, вызывающие снижение эффективности функционирования и торможения роста. Однако и более высокий темп роста, нежели отвечающий максимальной прибыли, может приводить к недостаточности самой прибыли. Она будет ниже, чем могла бы быть при более скромном росте. Темп роста в оптимальной точке пропорционален изменению издержек (материалоёмкости и энергоёмкости) фирмы. Нетрудно показать, что если технологический уровень $U = c - d[I/Q]$ и $i = I/L$, $y = Q/L$, где L – величина занятых работников (фактор труд), то:

$$\frac{dU}{dt} > 0$$

$$\frac{1}{y} \frac{dy}{dt} > \frac{1}{i} \frac{di}{dt}$$

$$g_f = d \frac{I}{(U-c)(1-\lambda)} \frac{d\lambda}{dt}$$

Таким образом, позитивные технологические изменения на фирме, да и в любой экономической системе имеют место, когда относительное приращение выработки (продукт на занятого работника) превосходит относительное приращение инвестиций на одного работника. Оптимальный темп роста, отвечающий наибольшей прибыли, определится также технологическим уровнем, инвестициями и изменением параметров технологического развития – материалоемкости и энергоёмкости.

Пусть объём информации, знаний, поступающих на фирму и используемых фирмой, равен $S = r L T$, где: r – производительность обработки информации одним занятым, L – число занятых, T – время, за которое осуществляется обработка, положим $T = 1$, тогда:

$$S = rLT$$

$$q = \frac{S}{Q}$$

$$y = \frac{Q}{L}$$

$$q = \frac{r}{y}$$

$$\frac{1}{r} \frac{dr}{dt} - \frac{1}{q} \frac{dq}{dt} > \frac{1}{i} \frac{di}{dt}$$

Тем самым получили правило увеличения технологического уровня фирмы: разница относительных приращений производительности переработки информации одним агентом и удельной информации должна превышать относительное изменение инвестиций на одного работника. Если вместо неравенства поставить знак равенства, это будет означать, что технологический уровень не растёт. Фактически это условие можно считать институциональным условием экономического роста системы, в данном случае фирмы.

Фирма, осуществляя свою деятельность, имеет некоторый технологический уровень, характеризующий её развитие, и ориентируется на тот уровень, который необходимо достичь. Чем обусловлен технологический выбор фирмы? В качестве базовых условий – принципов технологического выбора назовём следующие позиции:

1. Экономическая целесообразность, определяемая состоянием рынков, на которых функционирует фирма, их перспективой, рентабельностью продаж и производства.
2. Финансовая возможность, определяемая инвестиционным критерием, в рамках которого сопоставляются величина затрат и дохода от применения прежней технологии, затраты (инвестиции) и доход, которые может дать новая технология, а также третий вариант – затраты и доход от усовершенствования существующей технологии (например, её периферии), либо покупки готовой технологии или вспомогательных средств; при этом необходимо оценить и вероятность изменений перечисленных параметров, а затем и выбрать некий

вариант, который покажется приемлемым, пойдя на определённую величину риска; необходимо реализовать правило минимизации убытком фирмы и/или получения наиболее приемлемой прибыли; эта функция зафиксирована институционально в уставах большинства фирм мировой системы, даже если и не стоит на первом месте, всё равно без этого правила и его фиксации в уставе дальнейшее развитие фирмы затруднительно¹².

3. Ключевой параметр конкурентоспособности, то есть направление специализации, по которому фирма имеет самые позитивные позиции и результаты, накопила значительный объём знаний, разработок, возможно, выступает законодательницей моды в данном направлении деятельности; здесь же важно принять во внимание степень внедрения фирмы по иным направлениям деятельности, в которых заняты её сотрудники, оценить перспективу их развития и принять решения о переброске ресурсов с одного направления на другое; эта внутренняя аллокация ресурсов является важным свойством современных крупных фирм и корпораций; перспектива в техническом отношении должна быть прогнозируема, то есть фирма для сохранения устойчивости развития по необходимости должна осуществлять инвестирование технологических разработок, чтобы программировать для себя «ожидаемую» перспективу и за счёт этого сохранять темп своего развития, в том числе используя и методы опережающего решения изобретательских задач, способные обесценить инновационные разработки стратегических конкурентов¹³.
4. Оценка оптимальной загрузки мощностей, что позволяет учитывать возможности перераспределять ресурсы в процессе изменения объёма производства и переключения технологической стратегии при переходе от устаревшей к новой технологии; свободные мощности предоставляют большой шанс на технологические изменения, нежели полная загрузка мощностей, при которой стремление фирм к новой технологии будет означать некоторое торможение роста выпуска либо вообще его некоторое сокращение;
5. Распределение (разделение) рисков, представляющее самую трудную аналитическую задачу, поскольку современные научные методы не позволяют дать достоверной оценки всех рисков, какие бы инвестиционные критерии ни применялись для обоснования технологического выбора с позиций сопоставления ожидаемого дохода и затрат; этот выбор в любом случае будет детерминирован, помимо всего сказанного, структурой производства на фирме, эффективностью управления и другими факторами.

К тому же технические системы в своей эволюции проявляют ряд уникальных свойств (*Сухарев, 2010*), отличающих их от иных развивающихся систем, в частности, финансовой и других транзакционных секторов (услуги, информация, торговля). Описание цикличности здесь существенно изменяется, в отличие от классического (*Lucas, 1981*). К этим свойствам относится очевидное улучшение техники и технологий по мере их эволюции, закономерность улучшения и насыщение этого улучшения для конкретного вида техники и технологий, когда уже далее невозможно улучшить систему, поскольку, например, разрешающая способность, физика или химия процесса не позволяют это осуществить. Отсюда вытекает свойство истинного и ложного развития, то есть оценка траектории развития техники (хотя она также бывает неоднозначной для различных траекторий). В технике и технологиях возникают явные и неявные решения, но преобладают явные решения улучшающего значения. В иных системах такие решения менее очевидны. Нужно отметить ещё два свойства технических систем: изменение с течением времени закономерностей развития и различная инерция

¹² Тем самым речь идёт не о действии принципа рационального поведения, а об институте, который так или иначе является важным ориентиром в поведении экономических агентов – фирм. Это институциональное условие по существу является условием роста фирмы.

¹³ Эти методы широко используются в мировой экономике, причём их применение развёрнуто крупными транснациональными корпорациями и приводит к серьёзным потерям в случае испытываемого поражения.

(реакции происходят медленнее, система инерционна и менее гибка в адаптации) на внешние по отношению к системе воздействия.

Пятая позиция из перечисленных (распределение рисков) представляется чрезвычайно важной в микроэкономическом анализе технологического выбора на уровне фирмы. Проблему отражает рис. 3, на котором видны две точки А и В пересечения кривых I и II. В этих точках доход и риск для фирмы одинаковы при развитии по разным траекториям (I и II), причём для точки В и доход, и риск выше по величине.

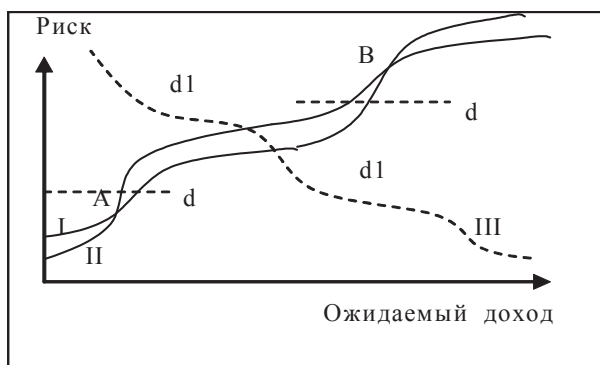

Рис. 3. Технологический выбор – структурная задача

Иными словами, различные структуры инвестиций, значит, и разный технологический уровень, могут обеспечить одно и то же соотношение дохода и риска для каждой точки – А и В. Причём не факт, что для точки В, где доход и риск выше и также существуют две различные структуры инвестиций (продуктов) и технологические структуры, технологический выбор превосходит технологический выбор для точки А. Проблема выбора сводится к тому, что по существу возникает двойная модель выбора. Во-первых, нужно выбрать траекторию развития I или II, во-вторых, нужно выбрать структуру и модель развития в точке А или в точке В. В промежутках между названными точками выбор несколько упрощается – всегда выбирается нижняя огибающая кривая, поскольку для данного ожидаемого дохода она позволяет обеспечить наименьший риск. Но при этом ответ на вопрос, какая будет структура инвестиций и технологий и какая лучше для точки А или точки В, является открытым. У него нет тривиального решения. В экономической теории принято считать, что большему доходу должен соответствовать больший риск. Однако это характерно в условиях убывающей отдачи, когда же отдача возрастает по ряду секторов или видов деятельности, то для иных секторов возникает режим развития, при котором меньшему доходу соответствует больший риск, а большему доходу меньший риск (кривая III отражает эту ситуацию на рис. 3). Это говорит о том, что в институциональном значении экономическая система серьёзно изменила правила своего развития. В итоге изменилось направление потока ресурсов, включая финансовые ресурсы. Выбор труден в районе точек А и В (по обе стороны), отмечен штриховой линией d. Здесь видно, что доход изменяется незначительно, а риск один и тот же. Тогда где находится фирма, какую стратегию принять?

То же характерно для кривой III, где есть участки d1, на которых риск уменьшается незначительно, либо вовсе почти не изменяется, а доход существенно больше. Будет ли выбор в пользу большего дохода адекватным решением? В каждом случае принятие решения относительно выбора технологии должно предусматривать оценку всех пяти указанных выше условий, причём как количественную, так и качественную оценку, с учётом прогнозной перспективы. Часто технология сама формирует траекторию развития фирмы и запрещает подходить к задаче переключения стратегии развития и технологической стратегии, исходя из тех условий, которые описаны в данном примере. Иными словами, она институционализирует траекторию фирмы, и переключение возможно только при

концентрации значительного объёма инвестиций. Тем ответственнее выбор и тем выше его риск при прочих равных условиях.

Если происходит сокращение спроса на продукцию фирмы, то это сокращает объём производства, увеличивает запасы, с некоторым лагом сокращает персонал, снижаются инвестиции, растут издержки управления и продаж, усложняются взаимодействия с заказчиками, усиливается поиск заказов, что также увеличивает транзакционные издержки, нарушается алгоритм внутренних процедур (рутин). По такой цепочке срабатывает механизм кризиса фирмы, причём, в отличие от кризисов, охватывающих в целом экономику, этот кризис имеет систематическое повторение от фирмы к фирме (Сухарев, 2007).

Как фирме можно реагировать, чтобы вернуть траекторию роста? На каждый симптом проявления кризиса существует своё лекарство, как и для человека, только в данном случае влияние «лекарств» может оказаться взаимно усиливающим. Кстати, так работают многие виды «лекарств» и применительно к биологической системе. Сокращение объёма продаж потребует активизации функции маркетинга, диверсификации продаж и выпуска, в том числе посредством подключения производства иных изделий или разновидностей при наличии возможностей (мощностей и ресурсов), обеспечения конкурентной стратегии с опорой на уникальные свойства изделий по качеству и активизации разработок как возможной альтернативы имеющемуся выпуску в ближайшем будущем.

Рост издержек и задолженности фирмы автоматически приводит к режиму общей экономии, отбору и ликвидации избыточных рутин, процедур, функций, упрощению системы управления, принимаются решения относительно оптимизации финансовых схем и потоков, сокращению издержек на труд, проводится функционально-стоимостной анализ продукции для того, чтобы установить резервы снижения издержек, активизируется взаимодействие с государственными структурами, в том числе в поиске дополнительного финансирования (инвестирования). При нарушении внутренних алгоритмов управления, увеличении дисфункции управления, что сопровождается развёртыванием кризиса для фирмы, необходимо усиление программно-целевых методов принятия решений, повышение качества контроля, обеспечения как можно более полной информацией лиц, принимающих решения, изменения структуры управления, обычно в сторону упрощения и снижения издержек, чтобы сохранить работоспособность фирмы.

Тем самым, изменениям (реактивным) подвергаются различные технологии: принятия решений и управления, сбыта, производства, контроля, коммуникации, обработки информации. Причём, на подобные изменения также могут требоваться ресурсы, на которые в условиях кризиса обнаруживается дефицит. Поэтому кризис может быть преодолен за счёт мобилизации незадействованных («скрытых») ресурсов труда и интеллекта. Именно этот фактор способен обеспечить нестандартные решения в условиях кризиса и сохранить жизнеспособность фирмы. Так, сокращение персонала фирм не способствует преодолению кризиса за счёт сокращения издержек на труд, потому что увеличивается безработица, сократится совокупный спрос. Однако именно к такой мере часто прибегают владельцы фирм и управляющие фирмами. Психология микроуровня формирует «макроэффект», который обесценивает саму модель поведения на микроуровне.

Следовательно, посредством технологий на фирме формируются и происходят институциональные изменения (Nelson, 2008). Это «внутренние» институциональные изменения, «внешние» связаны с изменением формальных институтов общеэкономического значения (Норт, 1997; 2010): налогового кодекса, земельного кодекса, дорожных правил, закона о центральном банке, закона об акционерных обществах, закона о промышленной политике, уголовного, семейного, административного, гражданского кодекса и других установленных правил. Эти формальные правила выступают по отношению к фирме с внешней стороны, детерминируя решения и сопрягаясь с правилами, установленными внутри фирмы (по законодательству фирмы – распоряжения собственников, их установки, приказы

директора и иных уполномоченных процедурой служб). Так, нацеленность на извлечение прибыли является правилом практически для любой фирмы (исключая только те фирмы, которые ведут некоммерческую деятельность). Этот институт сформирован и оказывает сильное воздействие на экономические изменения.

По исполнению данного института судят об успехе фирмы, по нему ориентируются, формируя стоимость акций, а также запускают действие иного института – банкротства (правда, здесь действуют более сложные правила, связанные с оценкой долгов фирмы, возможностью удовлетворить требования кредиторов, однако, при убытках (прибыль отсутствует) именно эти возможности резко сокращаются). Если в экономике сложилась некая структура между секторами, например, одни секторы дают высокий доход и малый риск для фирм, а другие – относительно низкий доход и высокий риск, то фирмы ориентируются на работу в первой группе секторов, уходят из второй группы, перетекают кадры, фонды, иные виды ресурсов, инвестиции.

В экономике складывается правило перелива, если ситуация не изменяется с базовыми параметрами и мотивациями, такая система стабилизируется и начинает функционировать, задав для экономики новую специализацию в рамках этой структуры. Данный процесс может существовать довольно долго, пока не будет задано иное направления для перетекания ресурсов. Это также станет правилом для фирм. Учитывая, что одни правила подчиняются другим, возникнет эффект зависимости правил, и технологии, несущие собственные правила, либо подстраиваются под эту структуру, либо изменяют её. Они могут выступать перетекающим («технологическим») ресурсом и, взаимодействуя с данным правилом, подстраивают под него своё ядро и периферию, закрепив в институциональном смысле сложившееся *status quo*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глазьев С. Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 378 с.
- Кондратьев Н. Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. М.: «Экономика», 767 с.
- Нельсон Р. и Уинтер С. (2000). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 474 с.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд Начала, 183 с.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-Высшая школа экономики, 256 с.
- Нуреев Р. М. (2008). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма, 640 с.
- Нуреев Р. М. (2011). Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 9, № 4, с. 122-141.
- Сухарев О. С. (2007). Институциональная теория и экономическая политика. В 2-х Т. М.: Экономика.
- Сухарев О. С. (2008). Экономика технологического развития. М.: Финансы и статистика, 474 с.
- Сухарев О. С. (2010). Структурные проблемы экономики России. М.: Финансы и статистика. (<http://www.osukharev.com/book1.html>).
- Сухарев О. С. (2011). Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). М.: Финансы и статистика, 432 с.
- Сухарев О. С. (2012). Эволюционная экономика. Институты-структура, кризисы-рост, технологии-эффективность. М.: Финансы и статистика, 800 с.
- Сухарев О. С. (2013). Институциональные и технологические изменения: границы анализа эволюционной теории. // *Журнал институциональных исследований*, Т. 5, № 2, с. 88-115.
- Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты. М.: Дело, 464 с.

Фуруботн Э. и Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб: Изд-во СПбГУ, 702 с.

Hanusch H. and Pyka A. (2007). Principles of Neo-Schumpeterian Economics // *Cambridge Journal of Economics*, no. 31, pp. 275-289.

Lucas R. (1981). *Studies in Business-Cycle Theory*. MIT Press.

Nelson R. (2008). *Economic Development from the Perspective of Evolutionary Economic Theory* Oxford Development Studies, 36, (1), 9-21.

Schumpeter J. (1964). *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis*. New York and London: McGraw-Hill Book Company Inc.

Solow R. M. (2007). The Last 50 Years in Growth Theory and the Next 10 // *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 23 (1), pp. 3-14.

Sukharev O. S. (2013). *Theory of Economic Changes. Problems and Decisions*. M: KRASAND, 368 p.

REFERENCES

Glazyev S. Y. (1993). *The Theory of Long-Term Technical-Economic Development*. M.: Vladar, 378 p. (in Russian).

Kondratiev N. D. (2002). *Large Cycles Conditions and the Theory of Foresight: Selected works*. M.: "Economy", 767 p. (in Russian).

Nelson R. and Winter S. (2000). *Evolutionary Theory of Economic Change*. M.: Finstatinform, 474 p. (in Russian).

North D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. M.: Fund Start, 183 p. (in Russian).

North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. M.: Publ. House of HSE, 256 p. (in Russian).

Nureev R. M. (2008). *Development Economics: Model of Market Economy Establishing*. M.: Norma, 640 p. (in Russian).

Nureev R. M. (2011). *Genesis of Capitalism: the Role of Institutions Conducive to Entrepreneurship*. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 4, pp. 122-141. (in Russian).

Sukharev O. S. (2007). *Institutional Theory and Economic Policy*. In 2 vol. M.: Economy. (in Russian).

Sukharev O. S. (2008). *Economics of Technological Development*. M.: Finance and Statistics, 474 p. (in Russian).

Sukharev O. S. (2010). *Structural Problems of the Russian Economy*. M.: Finance and Statistics. (<http://www.osukharev.com/book1.html>). (in Russian).

Sukharev O. S. (2011). *Future Economy: Theory of institutional Change (a New Evolutionary Approach)*. M.: Finance and Statistics, 432 p. (in Russian).

Sukharev O. S. (2012). *Evolutionary Economics. Institutions Structure, Crises - Growth, Technology - Effectiveness*. M.: Finance and Statistics, 800 p. (in Russian).

Sukharev O. S. (2013). *Institutional and Technological Changes: the Analysis Limits of Evolutionary Theory*. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 88-115 p. (in Russian).

Hodgson G. (2003). *Economic Theory and Institutions*. M.: Delo, 464 p. (in Russian).

Furubotn E. and Richter R. (2005). *Institutions and Economic Theory. Achievements of the New Institutional Economics*. St. Petersburg: Publ. House of St. Petersburg State University, 702 p. (in Russian).

Hanusch H. and Pyka A. (2007). Principles of Neo-Schumpeterian Economics. *Cambridge Journal of Economics*, no. 31, pp. 275-289.

Lucas R. (1981). *Studies in Business-Cycle Theory*. MIT Press.

Nelson R. (2008). *Economic Development from the Perspective of Evolutionary Economic Theory* Oxford Development Studies, 36, (1), 9-21.

Schumpeter J. (1964). *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis*. New York and London: McGraw-Hill Book Company Inc.

Solow R. M. (2007). The Last 50 Years in Growth Theory and the Next 10. *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 23 (1), pp. 3–14.

Sukharev O. S. (2013). *Theory of Economic Changes. Problems and Decisions*. M: KRASAND, 368 p.

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНОГО ИМПЕРАТИВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ-КОРИДОРОВ X-ЭКОНОМИКИ

КСЕНЗОВА ВАЛЕНТИНА ЭДУАРДОВНА,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления,
Белорусский государственный экономический университет,
e-mail: ksenzova@list.ru*

КСЕНЗОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры международного бизнеса,
Белорусский государственный экономический университет,
e-mail: sksenzov@mail.ru*

Предпринята попытка обосновать категории «духовный императив» (*spiritual imperative*), «институт-коридор» (*channel institute*), «институт-носитель информации» (*data carrier institute*). Дана классификация институтов с точки зрения их места и роли в механизме функционирования и эволюции базисной матрицы социума. Духовный императив понимается как объективно формирующееся и подсознательно воспринимаемое всеми членами конкретного этносоциума идеальное представление о том, как субординированы между собой личностное и коллективное начала. Он реализуется в практической деятельности социума как духовно-идеологический императив и определяет формирование трех основных систем институтов-коридоров. Эти институты-коридоры призваны организовать в адекватном направлении движение энергии людей и их сообществ с целью самосохранения и развития данного этносоциума. В процессе реализации энергии вырабатывается система институтов-носителей информации. Одна из главных задач этой системы - оптимизация транзакционных издержек в социуме. В экономике также формируется своя система институтов-коридоров и институтов-носителей информации. При этом данные системы принципиально не совпадают в X- и Y-экономиках. В X-экономике реализация энергии в экономическое действие организуется через формирование собственности как института-коридора, задающего направление движения в соответствии с духовным императивом. Институты редиистрибуции и координации адекватны институту собственности. При этом особое значение приобретает процесс делегирования прав распоряжения общественной собственностью отдельным людям или группам людей.

Ключевые слова: *духовный императив; институт-коридор; институт-носитель информации; институциональная матрица; X-экономика.*

THE INFLUENCE OF THE SPIRITUAL IMPERATIVE ON THE FORMATION OF THE SYSTEM OF X-ECONOMY CHANNEL INSTITUTES

KSENZOVA VALENTINA, E.,

*Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Economy and Management»,
Belarus State Economic University,
e-mail: ksenzova@list.ru*

KSENZOV SERGEY, V.,

*Candidate of History Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «International Business»,
Belarus State Economic University,
e-mail: sksenzov@mail.ru*

The categories «spiritual imperative», «channel institute», «data carrier institute» are defined in the paper. The classification of institutions in terms of their place and role in the mechanism of functioning and evolution of the basic matrix of societies is given. Spiritual imperative is a perfect idea about how a personal and a collective mentality objectively emerges and is subconsciously perceived by all members of a particular ethno society. It is implemented in the practical activity of the society as a spiritually-ideological imperative. It also determines the formation of the three major systems of channel institutes. These institutes are designed to organize adequate direction of the energy flow of people and their communities with the goal of self-preservation and development of a specific ethno society. Energy flow established data carrier institutes, their main task is the optimization of transaction costs in the society. The economy also forms its own system of channel institutes. These systems in the X - and Y - economies are not fundamentally coinciding. The implementation of energy in the economic action in X-economy is organized through the formation of the property of the channel institutes, in accordance with the spiritual imperative. Institutions of redistribution and coordination are adequate to the institution of ownership. The process of rights delegation for the disposition of the public property to individuals or its groups is particularly important.

Keywords: *spiritual imperative; channel institute; data carrier institute; institutional matrix; X-economy.*

JEL: *A14, B52, Z1.*

Постановка проблемы

Развитие институционализма как альтернативы мейнстримам XX столетия идет весьма сложно, в том числе и в силу недостаточной разработанности категориального аппарата. Это вполне объяснимо, если учесть, что институционализм – это сложный синтез наук, изучающих общество с разных сторон. Поэтому язык данного теоретического направления не может быть однозначно совокупностью только экономических, или только социологических, или только политологических категорий. Отсюда сложности в объяснении многих явлений общественной жизни с позиций институциональной парадигмы, что делает актуальным выработку категориального аппарата, который бы отражал специфику исследования, не входя в понятийное противоречие с категориальным аппаратом четко идентифицированных общественных наук, но и не замещая эти категориальные аппараты.

Категориальный аппарат институционализма разрабатывается, начиная с работ Торстейна Веблена. На постсоветском пространстве наибольший вклад в развитие институциональной экономической теории в целом и выработке адекватных категорий внесли такие ученые, как Нуреев Р. М., Дементьев В. В., Вольчик В. В., Лемещенко П. С., Тамбовцев В. Л., Полтерович В. М.

Светлана Кирдина и Ольга Бессонова, опираясь в том числе на разработки Карла Поланьи, показали, что существуют два типа базисных институциональных матриц. Каждому типу соответствует адекватный «набор» категорий, отражающих сущность и специфику механизма функционирования и эволюции каждой из этих матриц. Ими были выделены три основные сферы общества и соответствующие им базисные институты. Каждая из трех сфер институциональной матрицы – социально-политическая, духовно-идеологическая и экономическая – не просто выполняют свою объективно predetermined роль, но и находятся между собой в сложном соподчинении. Т.е. их нельзя рассматривать как равнозначные с точки

зрения эволюции базисной институциональной матрицы и - более широко – всего общества. Исследование основывается на методологии, предложенной Светланой Кирдиной в теории базисных институциональных матриц. В статье используется категория «этносоциум», которая отражает адекватную данному историческому этапу форму существования человеческой общности как вычленяемого из совокупности себе подобных. В данном случае мы опираемся на разработки российского ученого Л. Н. Гумилева и используем его понятие этноса для обоснования своего понятия этносоциума, подчеркивая, что природно-генетический и социальный компоненты в их адекватном складывающимся обстоятельствам сочетании объясняют возможность достаточно четкой идентификации человеческих сообществ как цельных исторических субъектов.

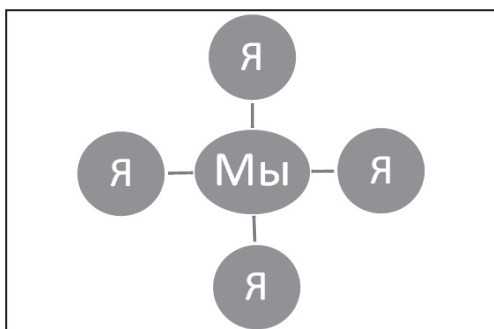
В статье предпринята попытка ввести в научный оборот такие категории в рамках институционального исследования, как «духовный императив» (spiritual imperative), «институт-коридор» (channel institute), «институт-носитель информации» (data carrier institute). Мы стремимся дать специфическую классификацию институтов с точки зрения их места и роли в механизме функционирования и эволюции базисной матрицы социума. Анализируется система субординированных базисных институтов в X-экономике.

Духовный императив и «институты-коридоры»

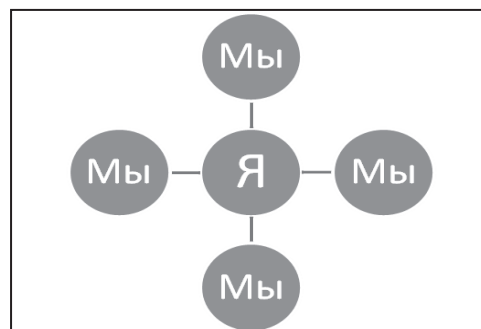
Духовный императив (spiritual imperative) – это объективно формирующийся и определяющий подсознательное коллективное поведение людей как представителей четко идентифицированного этносоциума идеал. В нем, во-первых, однозначно (и для данного социума неизменно) субординированы (как высшие ценности) личностное (Я) и коллективное (Мы) начала; во-вторых, задано направление движения (от Я к Мы или наоборот).

В сознательном восприятии духовный императив через воздействие субъективного фактора и складывающихся конкретно-исторических обстоятельств трансформируется в духовно-идеологический императив, т.е. идеал приобретает форму своего проявления в данном конкретном (и неповторимом!) этносоциуме. Чаще всего это религиозная форма.

Движение в рамках объективно сформированного духовно-идеологического императива можно представить как направленное циклически-круговое движение от периферии к центру и вокруг центра:

Рис. 1. Движение от «Я» к «Мы» в институциональной X-матрице

Рис. 2. Движение от «Мы» к «Я» в институциональной Y-матрице

Этот императив определяет, во-первых, направление движения всех сфер этносоциума с точки зрения взаимодействия их элементов, а во-вторых, четкое выделение центра в этих «кругах» движения. Таким образом, духовно-идеологический императив приводит в движение этносоциум, подтверждает сам факт исторического существования последнего.

Неизменность духовного императива во времени подтверждается многими фактами. В условиях современности можно рассматривать процессы в странах

Центрально-Восточной Европы. Проводя сравнительный анализ общественных преобразований в этом регионе, Н. В. Коровицына подчеркивает: «Две последовательно сменившие одна другую радикальные модернизирующие трансформации существенно преобразили общество восточноевропейского типа в экономическом и социальном отношениях. Однако его культурная специфика оказалась неподвластной усилиям реформаторов. В начале нового века и нового тысячелетия элементы сохраняющейся традиционной культуры по-прежнему сосуществуют в этом обществе с культурой постиндустриальной, опирающейся на высокий, с рациональной точки зрения - даже избыточный интеллектуальный потенциал. Стремление к равенству шансов и предпринимательской инициативе, к высшим стандартам потребления неотделимо здесь от ориентации на социальную однородность и даже уравнивательность, как неотделимы прагматические ценности от романтических идеалов, а принадлежность к западноевропейской цивилизации - от славянских, восточноевропейских корней национальной истории и культуры» (Коровицына, 2002. С. 18).

Этносоциум необходимо рассматривать с точки зрения субстратного, энергетического и информационного уровней анализа. Самый глубинный и наименее подверженный субъективному волевому влиянию – субстратный уровень, который условно можно определить как «тело» этносоциума. Субстрат этносоциума определяется конкретными материально-технологическими условиями (природа в ареале обитания), генотипом объединенных в социум личностей и конкретной исторической средой с точки зрения «окружения», складывающихся взаимодействий с другими человеческими сообществами («ОНИ»).

В каждой из трех сфер базисной матрицы этносоциума духовно-идеологический императив задает направление движения как направление передачи энергии под воздействием главных импульсов от одних структурных элементов и уровней другим. В этом смысле базисный институт можно понимать как своеобразный канал, **«коридор»**, который в заданном направлении обеспечивает передачу этой энергии действия. Т.е. институт понимается как условие и вектор передачи энергии между структурными компонентами сфер. Включение любых элементов в систему (сферу) означает их «включение» в «системы коридоров» в заданном направлении с учетом «скоростного режима». А так как субстрат этносоциума состоит из совокупности людей и материальных элементов природного и рукотворного происхождения, то **институты-коридоры (channel institutes)** взаимоувязывают передачу энергии между этими элементами, причем как внутри ареала обитания этносоциума, так и с внешней средой.

Для приведения в движение системы «институтов-коридоров» важное значение имеют также способы и последовательность передачи информации. Поэтому мы считаем целесообразным выделить в отдельную группу **институты-носители информации (data carrier institutes)**. Именно последние чаще всего рассматриваются как собственно институты этносоциума. В их сложной совокупности выделяются формальные и неформальные институты, т.е. субъективно фиксируемые нормы и правила поведения субъектов в их взаимодействии между собой и с объектами жизнедеятельности, а также объективно формирующиеся традиции, обычаи и т.п. Все это – институты-носители информации.

Попытаемся рассмотреть систему институтов-коридоров для одной из сфер матрицы – экономической. Характеризуя экономику, С. Г. Кирдина отмечает, что базисные экономические институты играют роль своеобразного интегратора хозяйственной деятельности: «В определенных экономических институтах закрепляются, существуют и развиваются основные формы экономической интеграции каждого конкретного общества» (Кирдина, 2004. С. 80). С точки зрения нашей классификации в данном случае речь идет об «институтах-коридорах» в их совокупности.

Принципиальное различие механизма функционирования институциональных комплексов как совокупности базисных «институтов-коридоров»

в X- и Y-экономиках С. Г. Кирдина объясняет объективно складывающимися материально-технологическими и социальными предпосылками существования конкретного сообщества: «... институт общественной собственности и базирующийся на нем институциональный комплекс X-экономики развиваются тогда, когда они являются более эффективными для данного сообщества как целого в решении задач устойчивого хозяйственного развития. Если же материально-технологические и социальные (выделено нами) предпосылки обеспечивают эффективность частных форм собственности, то в экономике развивается рыночно устроенный институциональный комплекс Y-экономики» (Кирдина, 2004. С. 88). С точки зрения узкого подхода к анализу экономики как устойчиво сформировавшейся системы базисных институтов это совершенно справедливо. Но если мы рассматриваем всю совокупность базисных «институтов-коридоров» в этносоциуме, то только материально-технологические и социальные предпосылки не объясняют устойчивого «тяготения» к X- или Y-устройству экономики. Ведь материально-технологические условия в эпоху глобализации мировой экономики перестают играть столь значительную роль. Однако «разворота» в сторону Y-экономики с иным институциональным устройством в странах с противоположной базисной матрицей не наблюдается. Как написано в эпиграфе личного сайта О. Бессоновой¹ – «Какие бы преобразования не совершались в России, в результате всегда получается раздаточная экономика...». Значит, дело не в материально-технологических условиях как таковых, а именно в объективно существующем и неизменном для данного этносоциума духовно-идеологическом императиве.

Поэтому материально-технологическую среду можно рассматривать лишь как один из составных компонентов общей более сложной совокупности объективных оснований, формирующих один из двух возможных духовно-идеологических императивов этносоциума. Среда в дальнейшем может измениться, а духовный императив неизменен в истории существования этносоциума. Что касается социально-политической сферы, то здесь «привязка» к императиву еще сильнее, так как в социально-политической сфере подсознательный духовный идеал трансформируется в адекватную политическую «идеологию», на основе которой и организуется социальная жизнь.

Сам процесс зарождения духовного императива – это величайшая историческая загадка. И возможно, разгадать ее, оперируя только категориями рационалистического подхода в научном анализе, вообще невозможно. Человек существует лишь потому, что он, как и всякое другое живое существо, направляет свою внутреннюю энергию вовне, трансформирует ее в адекватное внешней ситуации действие с целью, во-первых, самосохранения себя как живого существа, во-вторых, своего собственного развития, самосовершенствования.

Потенциально в каждом человеке заложены три вида энергии: 1) духовная; 2) социальная; 3) психофизиологическая. В отсутствие социума (ситуация Робинзона, который не знает, что такое социум) реализоваться, т.е. превратиться в действие может только психофизиологическая энергия. Действие будет проявляться в поиске пропитания, защите от опасности со стороны живой и неживой природы. Здесь ограничителями, «каналами», по которым будет направляться энергия действия, являются законы окружающей человека природы (физические, биологические и т.п.). В данном случае принципиально важным является само понятие «ограничителя». Ограничения чего? Свободы, понимаемой как возможности актуализировать свою энергию в любом направлении, не сталкиваясь с внешним принуждением при выборе вектора, скорости и формы действия. Т.е., выражаясь поэтическим языком, - находиться в Раю. В реальной действительности Рай – это некое место, о котором можно мечтать, которое служит недостижимым и недосыгаемым в данной жизни идеалом. Однако упорное нежелание человечества на протяжении всей истории цивилизаций расстаться с этой мечтой свидетельствует о том, что в человеке концентрируется большой запас потенциальной духовной

¹ См.: (<http://razdatok.narod.ru/index.html>).

энергии, которая ищет своего выхода и трансформируется в адекватное действие в реальной действительности.

И вот здесь мы подходим к принципиально важному для нашего исследования моменту. Отсутствие социума исключает для отдельного человека возможность реализации «вовне» духовной энергии. Актуализируется только психофизиологическая энергия, т.к. в условиях жесткого ограничения самого редкого ресурса – времени, а также в силу жестких ограничений со стороны внешней среды вся энергия человека может быть направлена фактически лишь на выживание. Это – во-первых. Во-вторых, реализация духовной энергии (в силу физиологических особенностей человека в том числе), ее актуализация сомнительна через общение человека только с природой в ситуации, когда человек не «вычленяет» себя из природы. Он существует по законам неодушевленной природы. Отсутствуют необходимые для реализации духовной энергии информационные сигналы, дающие не только знание, но и объясняющие, куда и как направлять эту энергию. То есть вне взаимоотношений с другими людьми (носителями потенциальной духовной энергии) человек даже не подозревает, что эта потенциальная энергия у него есть, заложена в нем.

Поэтому мы принципиально придерживаемся той точки зрения, что без реализации социальной энергии, т.е. энергии взаимосвязи людей в определенном этносоциуме, духовная энергия не может быть актуализирована, приведена в движение. И здесь нет противоречия с утверждением о том, что именно духовный императив определяет направление движения и развития этносоциума. Социальное взаимодействие – это необходимое условие выявления (а не создания!) духовного императива. Вопрос в том, какое направление (от Я к МЫ или наоборот) движения примет этот императив.

Именно в рамках этносоциума с момента возникновения устойчивого взаимодействия между людьми формируется система «коридоров», по которым начинает передаваться, перемещаться энергия. Соответственно трем видам энергии формируются и три тесно взаимосвязанные системы «коридоров». И это – «коридоры-ограничители», порожденные людским сообществом. Главная задача этой системы – обеспечить движение энергии в социуме, через которое достигаются в конечном счете цели существования и развития человека.

Как мы уже отмечали, специфика «ограничения» в системе «коридоров» заключается не только в упорядочении движения энергии отдельных членов этносоциума, но и в ограничении свободы каждого отдельного субъекта в выборе направления и скорости этого движения. Фактически у отдельного члена этносоциума формируется не абсолютная свобода выбора действия, а свобода выбора в рамках заданной «извне» системы «институтов-коридоров». А поскольку направление движения энергии задано, то отдельный человек как элемент данного этносоциума, выживет, если присовокупит свою энергию к энергии большинства (усилив эффект синергии).

Институты (как базисные, так и комплементарные; как «институты-коридоры», так и институты-носители информации) мы можем рассматривать как специфические ресурсы. От способа и алгоритма соединения ресурсов зависит возможность и полнота достижения заданных целей. Но необходимо учитывать, что этносоциум, являясь цельным историческим субъектом, неоднороден по своей внутренней субстратной структуре. Это весьма сложная совокупность различных социальных группировок, слоев, общностей – во-первых; а также совокупность личностей – во-вторых. И каждый из этих внутренних элементов этносоциума имеет свои цели существования и развития. Противоречие заключается в том, что, с одной стороны, все индивиды и группировки данного этносоциума объективно (и подсознательно) заинтересованы в сохранении и развитии именно «своего» этносоциума, а с другой стороны, стремятся обеспечить именно для себя (для «своей» группировки) наиболее «комфортные» условия существования и развития в рамках своего этносоциума. Очевидно, что транзакционные издержки достижения целей

отдельными индивидами и группами определяются степенью «совместимости» движения энергии последних (как по направлению, так и по скорости) с движением энергии, вещества и информации в целом всего этносоциума.

«Институты-коридоры» в X-экономике

Итак, вернемся к экономической подсистеме в институциональной матрице. Эта система имеет свою адекватную совокупность взаимосвязанных «институтов-коридоров», которые достаточно четко определяют границы и направления движения в первую очередь психофизиологической энергии индивидов, направленной на обеспечение жизнеспособности как этносоциума в целом, так и его отдельных субстратных компонентов.

Проблема редкости благ и материальных ресурсов особую значимость в системе «коридоров» экономической сферы придает институту «собственности», т.е. совокупности ограничений в доступе к этим благам и ресурсам. Используя терминологию современной микроэкономики, можно говорить о формировании понятий «исключаемости» и «соревновательности» применительно к благам в их широком толковании.

Социальная энергия как энергия общности и взаимодействия индивидов актуализируется в противоречивом процессе выработки в рамках данного этносоциума адекватного института собственности. Коридор-ограничитель доступа к редким благам (включая ресурсы) создается посредством трансформации духовной и социальной энергии в действие. Поэтому институт собственности изначально появляется как продукт реализации всех видов энергии – социальной, духовной и физиологической. В этом смысле понимание собственности только как экономической (и даже социально-экономической) категории не раскрывает ее глубинной природы.

Такие категории морально-этического плана как «жадность», «скупость», «щедрость», «бескорыстие» и т.п. имеют самое непосредственное отношение к институту собственности. И именно духовно-идеологический императив определит всю совокупность этих оценочных (с точки зрения морали, принятой в этносоциуме) категорий. И в разных матрицах это будут разные совокупности.

Суть духовного развития человечества с точки зрения «кругов движения», по нашему убеждению, представляется следующим образом. Духовный императив задает первоначальное направление реализации духовной энергии человека. В X-матрице категория «Я» понимается как «подчиненная» по отношению к категории «МЫ». Это значит, что любое действие отдельного индивида должно «вписаться» в коллективное действие. Это относится ко всем сферам жизнедеятельности. Т.е. внутренняя энергия человека не просто реализуется в адекватное действие, а это действие должно обязательно получить коллективное одобрение. И не важно, насколько отдельный человек «согласен» с этим одобрением. Важно, что он в принципе «выживет» как элемент этносоциума только в случае этого одобрения, т.е. если будет действовать в заданном духовным императивом направлении.

И здесь принципиально важным для человеческого общества является то, что в процессе трансформации энергетического потенциала в действие (духовное, социальное, экономическое) человек начинает познавать себя и окружающий его мир. Т.е. фиксировать, кодировать и передавать постоянно накапливаемое знание. С одной стороны, это приводит к созданию институтов-носителей информации, роль которых в социуме хорошо описана в различных институциональных концепциях. С другой стороны, актуализирует специфический вид энергии – интеллектуальную энергию. Именно интеллекту как носителю этого принципиально отличного от других видов виду внутренней энергии человека и принадлежит важнейшая роль в переходе духовной эволюции человечества на качественно новый уровень. Этот переход означает усиление «обратного» (фактически встречного) движения в первую очередь духовной энергии этносоциума, понимаемого не как смена вектора движения духовного императива, а как его переход на другой более высокий

качественный уровень (в перспективе – уничтожение противостояния категорий «Я» и «МЫ» и исчезновение категории «ОНИ» как антитезы «МЫ»). И здесь роль личности огромна.

Однако вернемся к нынешнему состоянию, когда эволюция этносоциума (духовная, социальная, экономическая) имеет четко выявленную траекторию в заданном «круте» движения. Для анализа используем X-матрицу. Как уже отмечалось, духовный императив, принимая форму духовно-идеологического императива, задает в X-обществах направление движения от «Я» к «МЫ». И это определяет специфику такого института-коридора как собственность. В X-обществе более масштабная социальная группировка априори признается социумом как более важная, чем меньшая по масштабу. Соответственно, чем крупнее социальная группа, тем меньше у нее ограничений в правах на блага и ресурсы, находящиеся в зоне влияния данного этносоциума. Т.е. при движении от индивида к этносоциуму права собственности расширяются. Чем крупнее группировка, тем больше объектов собственности входит в зону ее прав. Соответственно, наибольший объем прав собственности имеет самая крупная социальная группировка - этносоциум в целом. Это логика собственности как института-коридора в X-матрице. Энергия индивидуального действия подчиняется объективно этой логике, когда преумножение собственности коллектива (расширение прав и уменьшение ограничений относительно использования благ для достижения целей существования и развития коллектива данного уровня) – более важная задача, чем преумножение собственности отдельного индивида. В. Вольчик отмечает это в отношении России: «В отечественной традиции частным интересам отводилась производная, вспомогательная, обслуживающая роль, личные интересы должны быть подчинены общественным. В таких условиях институт власти-собственности больше всего подходит для реализации «общественного интереса» применительно к хозяйственной жизни» (Вольчик, 2009. С. 169).

Собственность как институт-коридор задает направление движения и реализации внутренней энергии в действие по доступу к редким благам и ресурсам и преобразованию ресурсов в блага. В этом действии объективно реализуются все виды потенциальной энергии человека в их совокупности. И при этом синергетический эффект усиливается при непротиворечивом сочетании этих видов энергии в процессе их реализации в конкретную деятельность человека. Поэтому важное значение приобретают институты-носители информации, которые дают человеку знание о том, куда ему направить энергию, как это лучше сделать, чтобы минимизировать трансакционные издержки действия. Это сродни дорожным знакам и правилам дорожного движения.

Все остальные институты-коридоры в экономической системе этносоциума строятся на основе не только духовного императива, но и института собственности. Они призваны организовать движение и реализацию энергии в заданном направлении с наименьшими трансакционными издержками. Сюда относятся в первую очередь институты редистрибуции и координации экономической деятельности на основе централизованно принятых решений. Эти институты проанализированы в работах С. Кирдиной и О. Бессоновой. Р. Нуреев отмечает: «Важную роль всегда в России играли процессы реципрокции и редистрибуции. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины. Оно же развивало склонность к смирению и покорности и препятствовало выделению индивида как автономного агента, абсолютизируя моральные ценности в противовес материальным» (Нуреев, 2006).

Специфика сочетания индивидуальных, коллективных и общеэтносоциальных (общегосударственных в современной терминологии) экономических интересов в X-матрице порождает и специфическую роль отдельной личности в организации движения по такому институту-коридору как собственность. Расширение прав и уменьшение ограничений при движении от индивида к социальным группам само по себе может быть реализовано только через адекватную

организацию коллективного действия.

Однако всякий раз принимать решение на «всемирном сходе» путем открытого обсуждения неэффективно с точки зрения транзакционных издержек. Поэтому объективно возникает необходимость делегирования права принятия решений относительно коллективных прав собственности отдельным индивидам (либо узким группам индивидов, в зависимости от масштаба и значимости коллектива и т.п.). Форм такого «делегирования» в X-обществах неисчислимо множество, что определяется и этапом исторического развития, и уровнем развития технологий, и этнической спецификой и т.п. Однако в любом случае «полномочный» представитель определенной группы в первую очередь берет на себя функцию распоряжения собственностью коллектива, сообщества. Его личная собственность не совпадает по объектам, правам и ограничениям с собственностью коллектива, интересы которого он представляет. Но полномочия его гораздо шире в вопросах распоряжения объектами, правами и ограничениями в отношении коллективной собственности, чем относительно его личной собственности. Он призван организовать движение своего коллектива по «коридору» института собственности в интересах этого коллектива как цельного субъекта хозяйствования.

В. Вольчик считает, что «сложность ситуации с российскими институтами собственности заключается в том, что «благодаря» проводимой экономической политике в самом начале реформ (т.е. «эффекту основателя») возникла ситуация, в которой роль групп со всеохватывающими интересами незначительна (если такие группы вообще существуют), а новорожденный российский капитализм унаследовал «социальный склероз» от советской экономики. В свою очередь, узкие группы специальных интересов сильны, организованы и постоянно эволюционируют. Для того, чтобы в результате институциональных реформ сформировалась эффективная система собственности, необходимы стимулы. Эти стимулы должны соотноситься со всеохватывающими общественными интересами, но роль групп со всеохватывающими интересами в российском обществе незначительна» (Вольчик, 2006).

Организационная деятельность отдельных индивидов, либо узких групп индивидов объективно в рамках X-матрицы формирует еще два института-коридора – институт координации через распоряжения сверху и институт редистрибуции (в примитивных обществах – реципрокции). В совокупности эти три института-коридора образуют объективную основу функционирования всей экономической системы X-общества.

В работах С. Кирдиной и О. Бессоновой также в качестве базисно-образующих рассматриваются институты служебного труда и жалоб (как формы «обратной связи»). Хотелось бы уточнить специфику функций данных категорий. Как нам представляется, категория «служебный труд» не относится к институтам-коридорам. Служебный труд является атрибутом X-матрицы, так как отражает специфику формы передачи энергии, трансформации энергии в действие в X-экономиках. Суть любой экономической деятельности – это преобразование ресурсов в конечные блага. Труд – это актуализированная энергия (индивидуальная и коллективная) субъектов данного социума. Вопрос в том, как именно организовано преобразование потенциальной энергии в действие по преобразованию ресурсов. И здесь должен быть решен целый комплекс задач: определение целей реализации энергии; определение способов реализации энергии; определение стимулов реализации энергии; выбор направления реализации энергии и т.п.

В X-экономиках система институтов-коридоров объективно определяет решение этих задач. Цель – сохранение и развитие в первую очередь этносоциума в целом, а затем уже нижестоящих социальных групп. В конце списка – отдельный индивид. Соответственно трудовая деятельность должна быть организована такими способами, чтобы экономические интересы социума удовлетворялись в первую очередь и в большей степени, чем экономические интересы отдельного индивида (а возможно и за счет интересов индивида). Вся система стимулов (как экономических,

так и духовно-идеологических, и социально-политических) строится таким образом, чтобы индивид вынужден был подчинять свои экономические интересы коллективным. Опять-таки в целях экономии и минимизации транзакционных издержек в X-экономике особая роль отводится представителям интересов этносоциума в целом и его социальных групп в процессе организации трудовой деятельности. И здесь наиболее адекватной формой реализации является именно «служебный труд».

Что касается института жалоб как института обратной связи, то мы считаем, что это адекватный X-экономике институт-носитель информации. Специфика его заключается в его роли: он корректирует весь механизм реализации энергии, нацеленной на преобразование ресурсов, в направлении снижения и оптимизации транзакционных издержек функционирования экономической системы в целом.

Выводы

Таким образом, в институциональной матрице любого состоявшегося этносоциума формируется своя система организации движения, актуализации потенциальной энергии человека и социума под влиянием определенного духовно-идеологического императива. Под последним понимается объективно формирующееся и подсознательно воспринимаемое всеми членами конкретного этносоциума идеальное представление о том, как субординированы между собой личностное и коллективное начала.

Потенциально в человеке заложены три основных вида энергии – духовная, социальная и психофизиологическая, которые реализуются в адекватное императиву действие. В процессе эволюции актуализируется и начинает играть специфическую роль такой вид энергии, как интеллектуальная энергия.

Духовный императив реализуется в практической деятельности социума как духовно-идеологический императив и определяет формирование трех основных систем институтов-коридоров соответственно трем базисным сферам существования социума – духовно-идеологической, социально-политической и экономической. Эти институты-коридоры призваны организовать в адекватном направлении движение энергии людей и их сообществ с целью самосохранения и развития данного этносоциума. В процессе реализации энергии вырабатывается система институтов-носителей информации, одна из главных задач которой – оптимизация транзакционных издержек в социуме. При этом важное значение имеет не только направление движения, реализации энергии, но и скорость этого движения. В различных сферах социума эта скорость может отличаться. А поскольку все сферы тесно между собой взаимосвязаны, то они могут взаимно влиять на скорость протекания внутренних для сфер процессов.

В экономике как сфере социума, ответственной за его жизнеспособность, также формируется своя система институтов-коридоров и институтов-носителей информации. При этом данные системы принципиально не совпадают в X- и Y-обществах. С институциональной точки зрения X-экономика представляет собой совокупность трех базовых институтов-коридоров: собственность, координация, редистрибуция, – в рамках которых организована трансформация энергии в экономическую деятельность в форме служебного труда, а для корректировки механизма реализации этой энергии с целью минимизации и оптимизации транзакционных издержек используется такой важный институт-носитель информации, как «жалобь». Определяющее и даже системообразующее значение имеет институт собственности как совокупности ограничений в доступе к редким благам и ресурсам. В X-экономике реализация энергии в экономическое действие организуется через формирование собственности как института-коридора, задающего направление движения в соответствии с духовным императивом. То есть деятельность отдельного человека во благо социума важнее, чем деятельность для достижения личного блага. Институты редистрибуции и координации адекватны институту собственности и также четко направляют реализацию энергии по

преобразованию ресурсов в блага. При этом особое значение приобретает процесс делегирования прав распоряжения общественной собственностью отдельным людям или группам людей.

Духовный императив неизменен для конкретного этносоциума в обозримой исторической перспективе, так как духовная эволюция человеческого общества предполагает несравненно более высокий уровень и качество реализации такого вида энергии, как интеллектуальная энергия. В настоящее же время необходимо учитывать, что эволюция конкретного этносоциума предполагает адекватное духовному императиву движение с учетом взаимодействия его с другими этносоциумами, в том числе и с альтернативным направлением движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова О. Э. (1999). Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. (<http://ie.boom.ru/Bessonova/Mon2.htm>).

Бессонова О. Э. (2006). Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Вольчик В. В. (2006). Роль групп специальных интересов в эволюции российского института власти-собственности. (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/296982/print.html>).

Вольчик В. В. (2009). Эволюция российского института власти-собственности // *Политологическая концептология*, № 1, с. 154-178.

Гумилев Л. Н. (1967). Этнос как явление. *Доклады Географического общества СССР*, вып. 3, с. 90-107.

Гумилев Л. Н. (1970). Этногенез и этносфера // *Природа*, № 2, с. 43-50.

Дементьев В. В. (2003). Экономика как система власти. Донецк: Каштан.

Кирдина С. Г. (2004). X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука.

Кирдина С. Г. (2005). Теория институциональных матриц (пример российского институционализма). Постсоветский институционализм. Под ред. проф. Р. М. Нуреева и В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, с. 75-101.

Коровицына Н. В. (2002). Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // *Социологические исследования*, № 5, с. 9-18.

Лемещенко П. С. (2002). Переходный период в контексте институционально-эволюционной теории // *Философия хозяйства*, № 3, с. 179-193. (<http://newpoliteconomy.org/publications/articles/220.pdf>).

Нуреев Р. М. (2006). Власть–Собственность в современной России как проблема зависимости от траектории предшествующего развития. (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293149.html>).

Нуреев Р. М. (2009). Россия: варианты институционального развития. М.: Норма.

Нуреев Р. М. и *Латов Ю. В.* (2009). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Издательство Российского государственного университета имени И. Канта.

Поланьи К. (2010). Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Полтерович В. М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 5-16.

Тамбовцев В. Л. (2005). Экономическая теория институциональных изменений. М.: Теис.

REFERENCES

Bessonova O. E. (1999). Distribution: the Institutional Theory of the Russian Economic Development. Novosibirsk: IEiOPP SB RAS. (<http://ie.boom.ru/Bessonova/>)

Mon2.htm). (in Russian).

Bessonova O. E. (2006). The Economy of Russia: Evolution through Transformation. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). The Book. (in Russian).

Volchik V. V. (2009). The Evolution of the Russian Power-Property Institution. *Political Conceptology*, no. 1, pp. 164-165. (in Russian).

Volchik V. V. (2006). The Role of Special Interest Groups in the Evolution of the Russian Institute of Government Property. (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/296982/print.html>). (in Russian).

Gumilev L. N. (1967). Ethnos as the Phenomenon. *Reports of the Geographical Society of the USSR*, vol. 3, pp. 90-107. (in Russian).

Gumilev L. N. (1970). Ethnogenesis and Ethnosphere. *Nature*, no. 2, pp. 43-50. (in Russian).

Demytyev V. V. (2003). Economy as a System of Power. Donetsk: Chestnut. (in Russian).

Kirdina S. G. (2004). X- and Y-economy: institutional analysis. M.: Science. (in Russian).

Kirdina S. G. (2005). The Theory of the Institutional Matrixes (an Example of the Russian Institutionalism). PostSoviet Institutionalism. Ed. by R. M. Nureev and V. V. Demytyev. Donetsk: Chestnut, pp. 75-101. (in Russian).

Korovicina N. V. (2002). Comparative Experience of Social Transformations in Post-Socialist Countries. *Sociological Studies*, no. 5, pp. 9-18. (in Russian).

Lemeshchenko P. S. (2002). The Transition Period in a Context of the Institutional-Evolutionary theory. *Philosophy of Economy*, no. 3, pp. 179-193. (<http://newpoliteconomy.org/publications/articles/220.pdf>). (in Russian).

Nureev R. M. (2006) Power-Property in Modern Russia as the Problem, Depending on the Path Dependence Trajectory. (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293149.html>). (in Russian).

Nureev R. M. (2009) Russia: Options for Institutional Development. M: Norm. (in Russian).

Nureev R. M. and *Latov Y. V.* (2009). Russia and the Europe: Path Dependence Effect (the Institutional Analysis Experience of the Economic Development History). Kaliningrad: Publ. House of the Russian State University of Immanuel Kant. (in Russian).

Polanyi K. (2010). Selected Works. M: Publ. House «Territory of the future». (in Russian).

Polterovich V. (2004). Institutional Traps: How to Get Out? *Social Sciences and modernity*, no. 3, pp. 5-16. (in Russian).

Tambovtsev V. L. (2005). The Economic Theory of Institutional Change. M: Theys. (in Russian).

ПОДПИСКА-2014**НА ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ**

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Institutional Studies

(«Журнал институциональных исследований»)

*по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,
ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ***Подписной индекс 82295***Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.***ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!****ПОДПИСКА-2014****НА ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ**

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Economic Regulation

(«Вопросы регулирования экономики»)

*по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,
ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ***Подписной индекс 42503***Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.***ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!**

JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES
(Журнал институциональных исследований)

Том 6, № 1. 2014

Сдано в набор 11.03.2014.

Подписано в печать 25.03.2014

Тираж: 500 экз. Заказ № 123